

ISSN 2073-6398

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

RSUH / RGGU BULLETIN

“Psychology. Pedagogics. Education”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

2
2020

VESTNIK RGGU. Seriya "Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series

Academic Journal

There are 4 issues of the magazine a year.

Founder and Publisher Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

13.00.00 Pedagogy:

13.00.01 General pedagogy, history of pedagogy and education

19.00.00 Psychology:

19.00.01 General psychology, personality psychology, history of psychology

19.00.05 Social Psychology

19.00.13 Developmental Psychology, Acmeology

The aims and problem areas: The interdisciplinary scientific journal "Psychology. Pedagogy. Education" publishes original articles in various fields of psychology and education. The aim of the journal is to publish interdisciplinary works devoted to contemporary problems of psychological science, which are considered from different perspectives and in different paradigms. Along with articles by leading domestic and foreign scientists, the journal publishes the works of young, novice researchers. The content of the journal includes methodological works and empirical and experimental studies, as well as materials describing modern research tools.

Tasks of the magazine: Presentation of both new, relevant theoretical and empirical studies, as well as works revealing the development trends of classical psychological concepts;

To promote the integration of academic and university science;

Stimulate the transition of scientific achievements of domestic and foreign researchers and scientists of different generations.

The journal publishes articles in Russian and English.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series

is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information

Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61884 of 25.05.2015.

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73401 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

tel: 8 (499) 973 44 33

e-mail: ip@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»

включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

13.00.00 Педагогика:

13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования

19.00.00 Психология:

19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии

19.00.05 Социальная психология

19.00.13 Психология развития, акмеология

Цели и область: Междисциплинарный научный журнал «Психология. Педагогика. Образование» печатает оригинальные статьи по различным отраслям психологии и образования. Целью журнала является публикация междисциплинарных исследований, посвященных современным проблемам психологической науки, которые рассматриваются с разных позиций и в разных парадигмах. Одновременно со статьями ведущих отечественных и зарубежных ученых, в журнале публикуются и работы молодых, начинающих исследователей. Содержание журнала включает как методологические работы, так и эмпирические и экспериментальные исследования, а также материалы, описывающие современный исследовательский инструментарий.

Задачи журнала: Представление как новых, актуальных теоретических и эмпирических исследований, так и работ, раскрывающих тенденции развития классических психологических концепций;

Способствовать развитию интеграции академической и вузовской науки;

Стимулировать трансляцию научных достижений отечественных и зарубежных исследователей и ученых разных поколений.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61884 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73401 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 8 (499) 973 44 33

электронный адрес: ip@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

T.D. Martsinkovskaya, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

V.R. Orestova, Deputy Chief Editor, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Gavrichenko, release officer, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.M. Marutina, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.A. Kiseleva, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

D.A. Choroshilov, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.S. Neluibina, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.G. Asmolo, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.S. Guseltseva, Dr. of Sci. (Psychology), professor, PI RAO, Moscow, Russian Federation

N.V. Grishina, Dr. of Sci. (Psychology), professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

E.A. Serguenko, Dr. of Sci. (Psychology), professor, IP RAN, Moscow, Russian Federation

W. Sommer, Ph.D., professor, Humboldt University, Berlin, Germany

M. Cole, Ph.D., professor, University of California, San Diego, USA

D. Verch, Ph.D., professor, University of Washington, St. Louis, USA

P. Steiner, Ph.D., professor, University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

A. Vio, Ph.D., professor, National Center for Scientific Research, Bordeaux, France

M. Denn, Ph.D., professor, Michel Montaigne University, Bordeaux, France

Executive editor

O.V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), Associate Professor Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Т.Д. Марцинковская, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

В.Р. Орестова, заместитель главного редактора, доктор психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Гавриченко, ответственный секретарь, кандидат психологических наук, доцент Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Т.М. Марютина, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.А. Киселева, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д.А. Хорошилов, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.С. Нелобина, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Г. Асмолов, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская федерация

М.С. Гусельцева, доктор психологических наук, Психологический институт РАО, Москва, Российская Федерация

Н.В. Гришина, доктор психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Е.А. Сергиенко, доктор психологических наук, ИП РАН, Москва, Российская Федерация

В. Зоммер, Ph.D, профессор, университет Гумбольдта, Берлин, Германия.

М. Коул, Ph.D, профессор, Калифорнийский университет, Сан-Диего, США

Д. Верч, Ph.D, профессор, Вашингтонский университет, Сент-Луис, США

П. Штайнер, Ph.D, профессор, Университет Пенсильвании, Филадельфия, США

А. Вио, Ph.D., профессор, Национальный центр научных исследований, Бордо, Франция

М. Дени, Ph.D., профессор, Университет им. Мишеля Монтеня, Бордо, Франция

Ответственный за выпуск

О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

CONTENT

From the editor8

Thematic reports

Marina S. Guseltseva
Rationality as a problem of modernity.....12

Empirical research

Vasilisa R. Orestova, Daria P. Tkachenko, Anna A. Sokolova
The experience of loneliness by users of various social networks:
age context..... 31

Elena Yu. Balashova, Lika I. Mikeladze, Elena K. Kozlova
Evaluation of short time intervals in normal aging and late-life
depressions..... 54

Elena V. Ulybina, Ekaterina A. Verbitskaya
Attitude to the admissibility of dishonesty in business among en-
trepreneurs and non-entrepreneurs.....70

Natalia Y. Fedunina
Dynamic aspects of competitive activities in the framework of the
Pierre Janet approach.....86

Nadezhda V. Mazurova, Tatiana A. Gavrish
Study of social skills in children with disorders of autism spectrum
in preschool education.....104

Ekaterina A. Kiseleva
Dynamics of changes in information preferences in the process of
socialization in the new sociocultural environment..... 120

Works of Young Scientists

Nikita S. Guseltsev
Employment of a personality in a modern transforming
society.....133

Anastasia V. Konovalova
Perfectionism and perfectionistic self-presentation on social
networks.....151

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора..... 8

Тематические сообщения

М.С. Гусельцева
Рациональность как проблема современности..... 12

Эмпирические исследования

В.Р. Орестова, Д.П. Ткаченко, А.А. Соколова
Переживание одиночества пользователями различных социальных сетей: возрастной контекст..... 31

Е.Ю. Балашова, Л.И. Микеладзе, Л.К. Козлова
Оценка коротких интервалов времени при нормальном старении и депрессиях позднего возраста..... 54

Е.В. Улыбина, Е.А. Вербичка
Отношение к допустимости нечестности в бизнесе у предпринимателей и не предпринимателей..... 70

Н.Ю. Федунина
Динамические аспекты соревновательной деятельности в рамках подхода Пьера Жана..... 86

Н.В. Мазурова, Т.А. Гавриш
Исследование социальных навыков у детей с расстройствами аутистического спектра в условиях дошкольного образования..... 104

Е.А. Киселёва
Динамика изменений информационных предпочтений в процессе социализации в новой социокультурной среде..... 120

Работы молодых ученых

Н.С. Гусельцев
Занятость личности в современном трансформирующемся обществе..... 133

А.В. Коновалова
Перфекционизм и перфекционистская самопрезентация в социальных сетях..... 151

От редактора

Дорогие коллеги, представляю второй номер нашего журнала.

Прежде всего, хочу обратить ваше внимание на глубокий анализ проблемы рациональности в статье М.С. Гусельцевой. Принципиально новый ракурс подхода к этой классической проблеме сопровождается в данной работе современными размышлениями о важности осознания человеком выбранного пути и свободы поведения, всегда сопряженными с ответственностью за сделанный выбор.

Не меньший интерес вызывает статья Е.В. Улыбиной и Е.А. Вербицкой, в которой оригинальным образом сопоставляются разные воззрения на справедливый мир и конкурентный мир бизнеса. Особое значение данной работы связано с тем, что в ней убедительно показаны границы между понятием «честность в бизнесе» у предпринимателей и у людей, не занимавшихся бизнесом. При этом отсутствие значимых различий по данному вопросу связывается авторами с культурным контекстом.

В эмпирических исследованиях отражен широкий круг вопросов, чрезвычайно актуальных для современности. Прежде всего, это, конечно, изучение психологического состояния людей в виртуальной коммуникации в различных социальных сетях, представленное в статье В.Р. Орестовой, Д.П. Ткаченко и А.А. Соколовой. Огромный интерес, особенно в современной ситуации возрастающей роли виртуальной коммуникации, приобретают данные, отражающие своеобразие размещенного в различных социальных сетях контента. В статье также раскрываются особенности содержания личных страниц людей разного возраста, переживающих психологическое состояние одиночества.

Культурный контекст и информационные выборы в реальном и виртуальном пространстве стали темой статьи Е.А. Киселевой, которая показала значение разных информационных и культурных контекстов в ситуации жесткой (смена места жительства) и текучей (постоянство социальной ситуации) транзитивности. Особое внимание автор обращает на особенности аккультурации в Германии переехавших из России этнических немцев, что позволяет увидеть эту специфическую ситуацию в рамках универсальных закономерностей информационных пространств – реального и виртуального – в ситуации транзитивности.

Проблема психологической готовности к соревнованиям в статье Н.Ю. Федуниной рассматривается в контексте концепции психической экономии П. Жане. Автор уделил внимание не только подробному теоретическому анализу, но и сопроводил его эмпирическими материалами, раскрывающими специфику и типологию

динамической организации подготовки спортсменов и их поведения во время и после соревнований, а также способы коррекции нарушений, связанных с психической силой и психическим напряжением.

На материале исследования оценки коротких временных интервалов обнаружены различия между нормальным процессом старения и депрессиями позднего возраста. В статье Е.Ю. Балашовой, Л.И. Микеладзе и Е.К. Козловой показано, что при нормальном старении большое значение для точности оценки временных интервалов имеет образовательный уровень и социальный статус человека. Однако при депрессиях позднего возраста нарушения, связанные с переоценкой интервалов, свидетельствуют, что образовательный уровень и социальный статус человека не имеют значения и не компенсируют нарушения.

Актуальная для сегодняшних дней проблема аутизма изучалась в работе Н.В. Мазуровой и Т.А. Гавриш. Авторы рассмотрели возможности коррекции социального поведения и когнитивных отклонений детей в условиях дошкольного образования, показав возможности и ограничения такой коррекции.

В работах наших молодых коллег радует выбор ими сложных и актуальных проблем – от важного вопроса самозанятости, особенно значимой в современной ситуации экономической прекарности после карантина, до изучения перфекционизма – явления, всегда интересного для психологов прежде всего связью с различными индивидуальными характеристиками – от тревожности до демонстративности.

From the editor

Dear colleagues, I am glad to present the second issue of our journal. First of all, I want to draw your attention to a deep analysis of the problem of rationality in an article by M.S. Guseltseva. In this article, a fundamentally new angle of approach to the classical problem of rationality turns into contemporary reflections about the importance of recognizing a person's chosen path and freedom of behavior, always associated with responsibility for the choice made.

Empirical studies present a wide range of issues that are extremely relevant to modern times. First of all, this is the study of the psychological state of people in virtual communication within the framework of various social networks, presented in the article by V.R. Orestova, D.P. Tkachenko and A.A. Kozlova. Of great interest, especially in the current situation of the growing role of virtual communication, is data that shows the originality of the content presented in various social networks. The article also reveals the features of the content of personal pages of people of different ages experiencing the psychological state of loneliness.

Of no less interest is the article by E.V. Ulybina and E.A. Verbitskaya, in which originally is compared ideas about a fair world and a competitive world of business. The special significance of this work is due to the fact that it convincingly shows the boundaries of the concept of "honesty" in business for entrepreneurs and people who are not involved in business. Moreover, the absence of significant differences on this issue is associated by the authors with the cultural context.

The cultural context and informational choices in real and virtual space became the subject of an article by E.A. Kiseleva, who showed the importance of different informational and cultural contexts in a situation of rigid (change of residence) and fluid (constancy of the social situation) transitivity. Particular attention in the article is drawn to the specifics of acculturation in Germany of ethnic Germans who have moved from Russia, which introduces a specific situation into the framework of the universal laws of information spaces – real and virtual – in a situation of transitivity.

In the article of N.Yu. Fedunina the definite problem of psychological preparedness for competition is considered in the context of the concept of mental economy P. Janet. The author presents not only a theoretical analysis, but also significant empirical materials that reveal the specifics and typology of the dynamic organization of training and behavior in athletes' competitions, as well as methods for correcting disorders associated with mental strength and mental stress.

Based on the evaluation of short time intervals, the differences between the normal aging process and late depressions are shown. In the

article of E.Yu. Balashovoy, L.I. Mikeladze and E.K. Kozlova is shown that with normal aging, the educational level and social status of a person are of great importance for the accuracy of assessing time intervals. However, with depressions of late age, violations associated with the reevaluation of intervals, the educational level and social status of a person don't matter and do not compensate for the violation.

Actual current problem of autism was studied in the work of N.V. Mazurova and T.A. Gavrish. The authors examined the possibilities of correcting social behavior and cognitive deviations of children in pre-school education, showing the possibilities and limitations of such a correction.

In the work of our young colleagues is very pleasant the choice of complex and actual problems – from the significant question of self-employment, which is especially important in the current situation of economic precariousness after quarantine, to the study of perfectionism – a phenomenon that is always interesting for psychologists, especially with regard to its various individual characteristics – from anxiety to demonstrativeness.

Тематические сообщения

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-12-30

Рациональность как проблема современности

Марина С. Гусельцева¹

*Психологический институт РАО,
Москва, Россия, mguseltseva@mail.ru*

Аннотация. Рациональность есть многозначный термин, который может быть дифференцирован не только в контексте эпистемологии, но и в свете задач психологии повседневности. В традициях российской психологии рациональность раскрывается через философские представления о смене типов рациональности в истории науки. Выделение иного спектра и форм рациональности становится возможно на основе учений зарубежных философов Г. Скирбекка, Ю. Хабермаса и российских – В.М. Межуева, В.С. Швырева. В истории и философии культуры рациональность трактуется как цивилизующий принцип и основа общечеловеческой коммуникации. Раскрываются новые грани и выделяются такие формы рациональности, как инструментальная, коммуникативная, интерпретативная, аргументативная, рефлексивная; интенциональная и практическая рациональности; открытая и закрытая. В концептуальных рамках психологии повседневности рациональность рассматривается как познавательная и культуральная практика, направленная на рост осознанности, самодисциплины, субъектности, ненасильственного разрешения конфликтов, гуманизации, а также как одна из стратегий совладания с неопределенностью в транзитивном и трансформирующемся обществе. Показаны связь рациональности и свободы, рациональности и гуманизма, рациональности и субъектности, рациональности и солидарности. Рациональность рассматривается как ведущий фактор в успешной модернизации общества при движении от традиции к современности. Именно усиление рациональности в культурно-психологическом развитии общества обуславливает переход от ориентации на приказ и подчинение – к свободному и ответственному выбору человеком поведенческих стратегий. Проблематизируется присутствие рациональности в современном мире: в политике образования, в публичных дискуссиях и повседневных практиках. Критикуется пренебрежение рациональностью в российской интеллектуальной традиции.

¹ © Гусельцева М.С., 2020

Ключевые слова: психология повседневности, формы рациональности, осознанность, гуманизм, критическое мышление, интеллектуальная традиция

Для цитирования: Гусельцева М.С. Рациональность как проблема современности // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 2. С. 12-30. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-12-30

Rationality as a problem of modernity

Marina S. Guseltseva

*Psychological Institute of the Russian Academy of Education,
Moscow, Russia, mguseltseva@mail.ru*

Abstract. Rationality is a multi-valued term that can be differentiated not only in the context of epistemology but also in the light of the tasks of the psychology of everyday life. In the traditions of Russian psychology, rationality is revealed through philosophical ideas about the change in the types of rationality in the history of science. However, according to the works of such philosophers as G. Skirbekk, J. Habermas, V.M. Mezhuiev, V.S. Shvyrev, it becomes possible to highlight a different spectrum and designate forms of rationality. In the history and philosophy of culture, rationality is interpreted as a civilizing principle and the basis of universal communication. The article discusses such forms of rationality as instrumental, communicative, interpretative, argumentative, reflective; intentional and practical rationality; as well as open and closed. In the conceptual framework of the psychology of everyday life, rationality is realized as a cognitive and cultural practice aimed at increasing awareness, self-discipline, subjectivity, non-violent conflict resolution, humanization, as well as one of the strategies for coping with uncertainty in a transitive and transforming society. The connection between rationality and freedom, rationality and humanism, rationality and subjectivity, rationality and solidarity are shown. Rationality is considered as a leading factor in the successful modernization of society as it moves from tradition to modernity. It is the strengthening of rationality in the cultural and psychological development of society that determines the transition from orientation to order and submission to a free and responsible choice by a person of his own behavioral strategies. The presence of rationality in the modern world – in education policy, in public discussions and everyday practices – is problematized. The neglect of rationality in Russian intellectual tradition is criticized.

Keywords: everyday psychology, forms of rationality, awareness, humanism, critical thinking, intellectual tradition

For citation: Guseltseva, M.S. (2020), "Rationality as a problem of modernity", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no 2, pp. 12-30, DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-12-30

Введение: постановка проблемы

Гуманизация и технологический прогресс – две стороны развития цивилизации. В наши дни уже не нужно доказывать, что культурно-психологические факторы играют в цивилизационном развитии не менее значимую роль, нежели технологические [Культура имеет значение 2002]. Научная и правовая рациональности, интеллектуальная свобода и гуманизм, осознанность и ответственность – характерные признаки продвижения цивилизации, неуклонно возраставшие от античности до наших дней. Эти предпосылки и ориентиры выступили в историческом процессе критериями современности как перехода от традиционного образа жизни к обществам модерна и постмодерна. Сам же процесс перехода получил название модернизации. Последняя с позиции культурно-психологических изменений повседневной жизни предстает как *трансформация в современность* [Гусельцева 2019], а ее успешность ряд исследователей связывают с развитием рациональности [Самохвалова 2016; Скирбекк 2017; Федотова 1996].

При этом недостаточно осмысленной проблемой наших дней, особенно в контексте российской интеллектуальной традиции, является *утрата рациональности*. Именно в пространстве повседневности это имеет такие культурно-психологические следствия, как коммуникативные разрывы и непонимание друг друга разными социальными группами, создает предпосылки конфликтов, усиления агрессии и девиантного поведения. Характерное для российской интеллектуальной традиции пренебрежение рациональностью проявляется в эмпирическом опыте повседневного общения, манере ведения публичных дискуссий с повышенной эмоциональной и этической нагруженностью [Бердяев 1998; Павлов 1999; Пятигорский 1996], в недостатке терминологии для различения форм и оттенков рациональности. Наряду с этим содержание системы российского образования слабо ориентировано на развитие критического мышления, овладение практиками доказательного знания и аргументации [Корешникова 2019; Брюшинкин, Маркин 2003].

В российской психологии конца XX в. был распространен прежде всего методологический подход к рациональности, где типы рациональности (классический, неклассический и постнеклассический) выделялись в контексте эпистемологии [Стёпин 2000],

однако сегодня обсуждаются иные дифференциации рациональности, возникающие, например, в связи с задачами и аналитическими ракурсами психологии повседневности [Гусельцева 2020]. Именно эта рациональность выступает основой цивилизационной коммуникации. Здесь она является инструментом, позволяющим разным людям устанавливать связи и договариваться, не прибегая к манипуляциям и насилию. Такие аспекты рациональности могут быть выделены и реконструированы на основе работ норвежского философа Г. Скирбекка [Скирбекк 2017], немецкого философа Ю. Хабермаса [Хабермас 2003], российских философов культуры В.М. Межуева, В.С. Швырева [Межуев 2012; Швырев 2003]. Это научная, правовая, инструментальная, коммуникативная, аргументативная, интерпретативная, рефлексивная и иные формы рациональности.

Рассматривая проблему рациональности в свете задач психологии повседневности, сформулируем четыре тезиса.

(1) Возникновение рациональности в античном обществе явилось не только новым этапом в развитии человеческого разума, но и той цивилизационной точкой, где в повседневных практиках ненасильственного убеждения зародился гуманизм. Так, сократовская майевтика в этом контексте есть не что иное как рациональное (и непринужденное) подведение собеседника к изменению взгляда. Таким образом, *рациональность в оптике психологии повседневности выступает одним из источников гуманизма.*

(2) Рациональность в качестве практики повседневной жизни помогает не только упорядочить стихийность и неопределенность окружающего мира, но и развить саморефлексивность, дисциплинировать собственное мышление. Побочным действием повседневных практик рациональности становится формирование внутреннего локуса контроля, усиление саморефлексивности и самокритичности, а в исторической перспективе – становление субъекта свободы и ответственности, автономии личности, независимого и самостоятельного мышления. Последнее – в терминологии И. Канта (1966) – есть возникшее в эпоху Просвещения *мужество пользоваться собственным разумом.* Отметим, что такая трактовка соединяет когнитивное и экзистенциальное измерения рациональности. В этом ракурсе рациональность способствует развитию личности, росту произвольности и самообладания. Последнее позволяет человеку занять устойчивую жизненную позицию, чувствовать себя самодостаточнее и увереннее в транзитивном обществе.

(3) Повышая произвольность и самообладание, рациональность не только расширяет пространство человеческой свободы, но и создает социально-психологические предпосылки для роста доверия, толерантности к разнообразию, уважения иного мнения

и другого человека. Рациональность в обществе тем самым преодолевает психологический и межкультурный эгоцентризм. Она прокладывает подспудное движение к более сложной картине мира, включающей различные точки зрения; способствует созданию среды, требующей не веры и готовности подчиняться, а конструированию самостоятельных (сознательных, свободных и ответственных) жизненных стратегий.

(4) Недостаточно отрефлексированной, но значимой проблемой современности является дефицит рациональности при воспитании подрастающих поколений в системе образования, в практике научных и общественных публичных дискуссий, в области управления и принятия политических решений. И здесь особенно важно понимать, что рациональность рождается не в пространстве теоретического знания, а в повседневных жизненных и познавательных практиках.

Повседневные практики и множество форм рациональности

Философы культуры такие, как А. Ахутин, В.М. Межуев, прослеживают становление цивилизации через формирование научной и правовой рациональностей, которое происходило соответственно в повседневных практиках Древней Греции и Древнего Рима [Ахутин 2015; Межуев 2012; Межуев 2013]. «Запад универсален по причине ...научной и правовой рациональности, которая не требует для себя никакой религиозной санкции. Наука и право – вот реальный вклад Запада в мировое развитие, которым не может пренебречь ни одна цивилизация. Создав современную науку и технику, а также светские формы жизни, базирующиеся на формально-правовых началах, он усмотрел в них единственно приемлемый для человечества способ его интеграции. Именно Запад поставил вопрос об общемировой динамике исторического процесса, имеющей своим итогом появление универсальной цивилизации» [Межуев 2013].

В свою очередь, российский философ В.С. Швырев выделял такие модусы рациональности, как открытая и закрытая [Швырев 2003]. *Закрытая рациональность* представляет собой внутрипарадигмальную познавательную деятельность, основанную на сложившейся интеллектуальной традиции, на транслируемых от поколения к поколению способах мышления, воспроизведении познавательных процедур, на ригидности мыслительных схем и недоверии к изменениям. Таким образом, закрытая рациональность консервативна, ее эволюционный смысл заключается в дидактической основательности тех или иных концептуальных позиций. Напротив, открытая рациональность характеризуется чувствительностью к новизне, готовностью перестроить картину мира под воздействием нового опыта. *Открытая рациональность* преодоле-

вает ограничения и нормы установившихся систем мышления, позволяет по-новому взглянуть на мир, переосмыслить старые схемы. Развитием и одновременно предпосылкой открытой рациональности выступает *рефлексивная рациональность*, позволяющая самокритично усомниться в основаниях сложившейся когнитивной системы.

Важно отметить, что в когнитивной эволюции человечества происходило не только развитие рациональности, но дифференциация и усложнение ее первоначальных форм. Так, в монографии, посвященной особенностям модернизации Норвегии, Г. Скирбекк выделяет и описывает такие формы рациональности, как инструментальная, рефлексивная, интерпретативная, аргументативная, коммуникативная, дискурсивная. Согласно его концепции, именно сложность рациональности и развитие *публичной сферы* выступили ключевыми признаками процессов модернизации [Скирбекк 2017].

В связи с недостаточной разработанностью в психологии проблемы разнообразия форм рациональности в повседневной жизни человека, опишем каждый из выделенных типов рациональности чуть подробнее. *Аргументативная рациональность* есть основа научного дискурса, она присуща не только философии, но – в идеале – и интеллектуальным коммуникациям в целом, общественным дискуссиям, повседневным познавательным практикам. Аргументативная рациональность предполагает подход к постижению реальности, основанный на сомнениях, критике и самокритике. Этот тип рациональности соответствует просвещенному обществу и общенаучному дискурсу. *Инструментальная рациональность* характерна в большей степени для естественных наук и направлена на выяснение причин и механизмов тех или иных явлений. В чистом виде инструментальная рациональность есть основа технократического мышления. В контексте повседневной жизни этот тип рациональности проявляется в феноменологии т.н. здравого смысла, способности соотносить цели и средства, выявлять элементарные причинно-следственные связи. *Интерпретативная рациональность* распространена в гуманитарном знании и нацелена на объяснение и истолкование феноменов. Она возникла и развилась из герменевтической работы с текстами и составляет сегодня базис таких разных областей культуры, как право, теология, гуманитаристика. В научной деятельности сферы ее применения охватывают также анализ предпосылок и предрассудков человеческого разума. В повседневной жизни этот тип рациональности проявляется в способности представить и осмыслить противоречивые версии событий, выйдя за пределы однозначной интерпретации.

В идеале все эти типы рациональности формируются в процес-

се школьного обучения, где закладывается современная и научная картина мира. Аргументативная рациональность является здесь одной из базовых форм научной рациональности. Ее компетенциями являются: способность формулировать четкие, ясные и прозрачные высказывания; в равной мере понимать как свою логику (ходы мысли), так и логику оппонента; содержательность высказываний или смыслообразование; открытость и аутентичность мышления [Брюшинкин, Маркин 2003; Kopperschmidt 1985]. Наряду с ней выделяется *процедурная рациональность*, которая означает постепенное продвижение шаг за шагом в сторону самокритичного и рефлексивного рассуждения, рождающегося в практиках оппонирования или дискуссии с представителями иных точек зрения. *Рефлексивная рациональность* возникает в процессе обращения мышления на сам процесс познания. Быть самокритичным и подвергать все сомнению – две стороны развития научного знания, направленные соответственно внутрь и вовне: на субъекта и на исследуемый предмет. Эволюционный смысл рефлексивной рациональности заключается в том, что «существует внутренняя потребность самокритичной критики научной рациональности, которая резко контрастирует как с сциентистским догматизмом, так и с постмодернистским релятивизмом» [Скирбекк 2017, с. 144]. Так, рефлексивная рациональность подразумевает осознание того факта, что, даже будучи знатоком и экспертом, «я могу ошибаться», тогда как противник может оказаться прав (ср. феномен «презумпция ума» М.К. Мамардашвили). Этот тип рациональности играет важную роль в развитии критического мышления и содержит предпосылки саморефлексивного сомнения: человеку свойственно ошибаться (1); всякое высказывание может оказаться ошибочным (2); и я сам, и мой оппонент в равной мере можем заблуждаться (3). В свою очередь, *нормативная рациональность* состоит в принуждении к участию в дискуссиях, необходимости выслушивать и воспринимать контраргументы. Совокупно эти формы рациональности составляют основу современного (т.е. модернизированного) мышления. Для этого мышления характерны повышенные саморефлексивность и самокритичность, открытость к иному мнению и дискуссиям.

Дисциплинарная, интегративная и современная рациональности

Одним из когнитивных форматов современности до недавних пор являлось доминирование *дисциплинарной рациональности*. Последняя основана на том, что каждая дисциплина и специализация создают устойчивую картину мира, а ее психологическим следствием нередко становится т.н. профессиональная деформация. Противоядием же служит критическое мышление, основанное на оперировании рефлексивной, саморефлексивной и аргумента-

тивной рациональностями, понуждающее усомниться в аксиомах и основаниях сложившейся картины мира, выйти за ее пределы, посмотреть на имеющуюся парадигму или культуру через оптику других парадигм (культур). Г. Скирбекк описывает эту ситуацию следующим образом: «эксперты, получившие образование в одной специальной дисциплине, будут воспринимать собственные модели просто-напросто как реальность, а политики и другие лица, принимающие решения, без раздумий согласятся с этой теоретически искаженной и узкой точкой зрения и тем самым не разглядят жизненно важного различия между определенной моделью и многообразием фактов, между определенными моделями и сложными практическими проблемами» [Скирбекк 2017, с. 132]. По меткому определению Г. Скирбекка, в ходе профессиональной деформации здесь возникает имеющее свои культурно-психологические последствия интеллектуальное «косоглазие» [Скирбекк 2017].

Иллюстративным примером к сказанному служит тенденция, ярко обозначившаяся в наши дни (в ситуации с распространением коронавируса). Ее подметил М. Наки, взявший интервью в программе «Блоггаут» как у специалистов, российских вирусологов и эпидемиологов, так и у разных блогеров. Оказалось, что ни многолетний профессиональный опыт, ни регалии, ни членство РАН не делают человека адекватным экспертом. Так, академик может говорить «гораздо более глупые вещи, чем просто человек, который сидит перед монитором и собирает информацию» (режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=-hDM85ibCTs>). Дело в том, что этот условный специалист с регалиями, «пресыщенный своим статусом, своим образованием, советскими учебниками, думает, что он понимает», тогда как в реальности «он не понимает», поскольку вирус новый и не изученный. Более того, отсутствие саморефлексивности и самокритичности закрывает для человека освоение нового опыта, в то время как подлинно компетентным его делает способность оперативно получать и осмысливать релевантную информацию. Потому-то в этой ситуации детский врач Е.О. Комаровский оказался ценнее статусных фигур, ибо не только анализировал и интегрировал в режиме онлайн актуальную информацию по всем регионам мира, но и излагал ее ясным и доступным языком, обращаясь к здравомыслящим русскоязычным гражданам, оказавшимся в разных уголках земного шара. Это новая реальность, где доброхот действует оперативнее и эффективнее, чем т.н. официальные лица или эксперты, аффилированные с государственными структурами (М. Наки). Иными словами, мы наблюдаем кризис экспертизы и одновременно рождение компетентности и рациональности самозарождающихся сообществ.

На смену дисциплинарной рациональности в наши дни приходит трансдисциплинарный подход, означающий способ мышления поверх дисциплинарных барьеров [Трансдисциплинарность в философии и науке 2015]. Наряду со специализацией в истории нау-

ки и культуры представлены образцы т.н. холического взгляда, или энциклопедического мышления. Соответствующую этому мышлению форму рациональности, свободно оперирующую сложными и антиномичными реальностями в пространстве мысли, обозначим трансдисциплинарной и *интегративной рациональностями*. Этим типом рациональности описывается феномен сочетания аналитического и синтетического дискурсов при решении познавательных задач, который пытались эксплицировать и концептуализировать некоторые авторы. Р. Мартин определил этот феномен как интегративное мышление, которое способно схватывать и оперировать в пространстве сознания противоположными точками зрения [Мартин 2016]. Э. Морен и К. Майнцер называли его соответственно сложным и сложносистемным мышлением [Морен 2019; Майнцер 2009]; Г. Скирбекк – *нюансированным восприятием*, способностью к самокритичной и рефлексивной рациональности, учитывающей интеллектуальные позиции оппонентов [Скирбекк 2017]. Такого рода форма рациональности есть не просто возможность одновременно увидеть *pro* и *contra*, витрину и изнанку, но и выстроить во взаимосвязи разных нюансов и полярных позиций динамичную и целостную картину реальности. Как правило, в повседневных практиках коммуникации люди используют смешанные дискурсы и формы рациональности, однако это не исключает того факта, что одним даются легче цепочки аргументации (*кто ясно мыслит – ясно излагает*, писал о таких людях французский поэт Н. Буало), тогда как другие чаще обращаются к образам, чувствам и интуитивным озарениям. Каждая из форм рациональности решает собственные задачи, однако в первом случае она в большей степени относится к сфере научного дискурса, во втором – к областям искусства и политики.

Норвежский философ Х. Шервхейм (1926–1999) предложил дифференциацию рациональности на основе способов убеждающего воздействия на людей. Первый способ – *переубеждать*, т.е. влиять на оппонента посредством более сильной аргументации, обращаясь к его рациональности (опорой здесь служит аргументативная рациональность). Второй способ – *уговаривать*, т.е. манипулировать другим при помощи эмоционального давления (опора здесь – стратегическая рациональность). За каждой из позиций скрываются разные ценностные основания. Первая позиция предполагает, что окружающие нас люди являются ответственными и разумными субъектами. Это позиция доверия и презумпции сознательности других людей. Вторая исходит из установки, что другие люди не являются ответственными и разумными субъектами. Это позиция недоверия, не уважающая субъектность (свободу и разумность) окружающих. Первую позицию Х. Шервхейм назвал *при-*

знанием, вторую – *объективизацией* по отношению к другим людям [Скирбек 2017]. Названия не представляются нам удачными, тем не менее суть их ясна: в первом случае человек рассматривается как цель и субъект, во втором – как средство и объект воздействия. Для последнего в подходе Х. Шервхейма и появляется особое название – *стратегическая рациональность*.

Исследователями выделяются также интенциональная и практическая, социальная, контекстуальная и обыденная рациональности [Репина 2018; Убайдуллаева 2013]. Р.Т. Убайдуллаева справедливо обращает внимание на *субъективную детерминацию рациональности*, которая не учитывается в методологических анализах, но играет важную роль в повседневной жизни. «Обыденная рациональность – это рассудочная деятельность сознания, обусловленная знаниями, широтой кругозора, силой интеллекта» [Там же, с. 12]. В свою очередь М. Бретмэн описывает феномен *полирациональности* человеческого поведения, ибо действие, рациональное относительно трансцендентных мотивов личности, одновременно может оцениваться как иррациональное в сугубо практическом плане [Bratman 2009]. Е.И. Репина вводит понятие *гибридная рациональность*, которая выражает не только смешанность разных форм рациональности в индивидуальном поведении, но и «пластичное, динамичное отношение человека к реальности», готовность «критически осмысливать исходные идейные позиции и корректировать их в зависимости от ситуации» [Репина 2018]. *Современная рациональность* (здесь: рациональность в завершившем модернизацию обществе) представляет собой «динамическое взаимодействие аргументативной, интерпретативной и инструментальной рациональности, с постоянной дифференциацией и междисциплинарными переходами» [Скирбекк 2017, с. 160]. Отметим, что вышеназванные идеальные формы рациональности также различаются в плане дисциплинарной специализации, степеней самокритичности и рефлексивности. Если аргументативная рациональность выступает в качестве основы научного (доказательного) мышления, то междисциплинарные рефлексия и коммуникация прокладывают мосты между универсальностью и многообразием и тем самым создают устойчивость сложного и прогрессивного развития в транзитивном мире.

Важно отметить, что в исторической реконструкции становления норвежского общества Г. Скирбекк установил, как повседневные практики аргументативной рациональности определяют рефлексивную и самокритичную познавательную деятельность [Скирбекк 2017]. Сходным образом немецкий философ Ю. Хабермас доказывал, что цивилизованность общества обусловлена существующим в нем пространством разумного убеждения: так, чело-

вечество в своей культурно-исторической эволюции продвигалось от приказов и указов к аргументации и рациональным доводам, к социальным практикам достижения консенсуса, к способности все большей массы людей принимать самостоятельные и разумные решения. Таким образом, коммуникативные практики рациональности создавали свободных и разумных граждан [Хабермас 2003]. Согласно Ю. Хабермасу, *коммуникативная рациональность* – это способность и готовность достигать общественного согласия с опорой на публичные дискуссии и на обмен аргументами. Таким образом, образовательные учреждения, учебные программы которых содержат теории аргументации, подготавливают обладающих критическим мышлением и ответственных граждан. В сферах политики и государственного управления модернизированных обществ подобный переход имел вполне определенный вектор культурно-исторической эволюции: от репрессивных практик (запугивания, запретов и угроз) – к опирающемуся на аргументы убеждению и общественному договору (и соответствующему росту практик осознанности).

Структура *современной рациональности* включает когнитивную (рефлексивную) сложность, критическое мышление и методологическое сомнение. Система образования англоязычных стран, как правило, содержит учебные курсы критического мышления и/или теории аргументации. Учащиеся должны здесь работать с текстами: выявлять в изложенном сомнительные места, приводить аргументы и контраргументы, определять используемые понятия, уметь четко и ясно формулировать собственные мысли, приводить доказательства и обоснования [Брюшинкин, Маркин 2003; Kopperschmidt 1985]. Если рефлексивность и самокритичность рациональности выступают основанием для развития критического мышления, то критерием интеллектуальной зрелости служит способность собственным мышлением управлять. Последнее позволяет выделить этапы в сфере самоконтроля и саморазвития познавательной деятельности. Так, в 1970-е гг. У. Пери (William Perry), изучая развитие мышления студентов во время их обучения в колледже, проследил, каким образом учащиеся осмысливают и интегрируют противоречащие точки зрения. «Вначале студенты понимали мир и опыт образования в авторитарных, дуалистических терминах. Они искали абсолютную истину и знание. Мир делился на хороший и плохой, правильный и неправильный» [Крайг, Бокум 2005, с. 582]. Однако в ходе обучения они «неизбежно сталкивались с разными мнениями, неопределенностью и замешательством. <...> Постепенно, перед лицом противоречащих точек зрения, студенты начинают принимать и высоко оценивать сам факт наличия различных мнений. Они начинают понимать, что у людей есть

право на различное мнение, и приходят к выводу, что вещи можно видеть по-разному, в зависимости от контекста» [Крайг, Бокум 2005]. В дальнейшем учащиеся постепенно приходят к осознанию ответственности за выбираемые ценности и точки зрения. Таким образом, ранняя взрослость в интеллектуальном развитии характеризуется переходом от «базового дуализма (например, истина против лжи) к терпимости ко многим конкурирующим точкам зрения (концептуальный релятивизм) и далее к самостоятельно выбранным идеям и убеждениям» [Крайг, Бокум 2005, с. 583]. Иными словами, восхождение к интеллектуальной зрелости предполагает следующие этапы: есть «свои» и «чужие», а также «правильное» и «неправильное»; взгляды «своих» – «правильные», тогда как мнения и позиции «чужих» – «неправильные» (1); сосуществование разных взглядов воспринимается как когнитивная и социальная норма (2); формируются и осознаются собственные взгляды и убеждения, одновременно происходит и осознание личной ответственности за них (3).

Подобного рода когнитивные практики имеют свои социокультурные последствия. Понимание мира как неоднозначной и антиномичной реальности создает для человека ситуацию проблематизации и выбора, в которой сталкиваются аргумент и контраргумент, истинными могут быть разные позиции, но одна из них более обоснована. Такого рода практика ведения публичных дискуссий как в обществе, так и в системе образования воспитывает уважение к иному мнению, способность понимания правоты оппонента и преодоления эгоцентризма относительно собственной правоты. В цивилизационной перспективе развитие рациональности становится основанием для демократии. Так, в модернизированном обществе представлены разные ценности, партии и сообщества, а люди – в идеале – совершают на выборах если не рациональный, то осознанный выбор. Рациональность в модернизированном обществе служит основой движения к более сложному миру, требующему не веры и готовности подчиняться, а развития самостоятельного мышления. Именно модернизация в ее более дифференцированном понимании (т.е. не только как индустриализации, но и как рождение субъекта гражданской и интеллектуальной активности) открывает путь в современность, в эпохи модерна и постмодерна. В культурно-психологическом плане переход от традиционного общества к современному есть изменение ценностей, картины мира и способов мышления человека. Разумеется, такой переход совершает не все общество сразу, а сначала его отдельные группы – как элитарные слои, так и аутсайдеры и маргиналы, которые на следующем историческом витке нередко становятся интеллектуальным мейнстримом. Их социальные и познавательные практики распро-

страняются и преобразуют общество в целом. Сходным образом и прогрессивный опыт передовых стран распространялся по всей планете. Так, карандаш, книга, шариковая ручка, туалетная бумага, смартфон являются в наши дни очевидным достоянием цивилизации. Однако менее заметно широкое распространение в разных регионах мира и сообществах тех повседневных практик и способов мышления, которые выработаны в плавильном тигле цивилизации – рациональности, всеобщей грамотности, критицизма, ценностей свободы и качества жизни, осознанного потребления.

Справедливости ради следует отметить, что даже в модернизированном обществе интеллектуальной зрелости достигают отнюдь не все индивидуумы и социальные группы. «Цивилизация и варварство обычно считаются взаимоисключающими категориями, но каждое общество есть их смесь», - отмечал Ф. Фернандес-Арместо [Фернандес-Арместо 2009, с. 183]. Так, в современности широко представлены получившие высшее образование, но не преодолевшие когнитивный и социальный инфантилизм в собственном развитии люди. Отсутствие рациональности в российском дискурсе рассматривается рядом мыслителей как проблема социокультурного развития [Самохвалова 2016]². При этом выясняется, что исключительно когнитивной компоненты для достижения современной рациональности недостаточно: необходима личностная решимость – мужество пользоваться собственным разумом (о котором в свое время писал И. Кант [Кант 1966]). Таким образом, для психологии повседневности развитие современной рациональности становится не только дидактической, но и экзистенциальной проблемой.

Рациональность как опора в сложном, разнообразном и транзитивном мире

Исторически российской интеллектуальной традиции присуще недоверие к рациональности и пренебрежение ею [Бердяев 1998; Павлов 1999; Пятигорский 1996]. Критика рациональности в ее узком смысле – как доминирование разума в мире, полном иных познавательных практик, – разумеется, имеет право на существо-

² Не утратили актуальности слова В.Г. Белинского, адресованные Н.В. Гоголю в 1847 г.: «Россия видит своё спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, не в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а со здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение. А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище страны, где ...нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей» [Белинский 2008, с. 111].

вание. Однако в европейской интеллектуальной традиции критика рациональности возникла после веков овладения рациональностью, где последняя служила фундаментом развития как сферы образования, так и культурных практик. В российской же традиции критика рациональности нередко опережает собственно овладение рациональностью как таковой.

В широком смысле рациональность рассматривается как антропологическая характеристика человека [Самохвалова 2016]. Принципиальным здесь является даже не тот факт, что человек рационален (ибо эмпирический опыт подсказывает нам, что человек не всегда рационален), а то, что он *способен быть рациональным*, и рациональность есть его достоинство и сущность. Рациональность – то, что отличает человека от животных (так полагал еще Аристотель), рациональность – основа цивилизационной коммуникации [Межуев 2012; Хабермас 2003; Швырев 2003; Pinker 2018]. Однако если для Аристотеля была приоритетна созерцательная деятельность ума, способность мышления относительно действительности как таковая, то уже для стоиков смысл рациональности – ее применение к проблемам социальной жизни. С помощью рациональности человек способен преобразовывать и совершенствовать, понимать окружающий мир и самого себя, иными словами, жить и действовать осмысленно.

Эволюционный смысл рациональности в повседневной жизни человека заключается в том, что она «оберегает его от поспешных выводов, неоправданных ожиданий, непродуманных решений, некритичного смешения возможности и необходимости, беспочвенных иллюзий и неоправданных разочарований и т.д.» [Самохвалова 2016, с. 86]. Рациональность – это адекватность когнитивных и поведенческих реакций в ответ на вызовы конкретных ситуаций, способность отреагировать осознанно, а не импульсивно, разумно, а не аффективно. Быть рациональным вовсе не означает быть беспристрастным, но взять свою субъективность под саморефлексию и интересубъективный контроль. Согласно В.И. Самохваловой, рациональность обеспечивает когнитивную, психологическую, а также социальную зрелость человека (последнюю мы можем определить как гражданственность). Одновременно рациональность освобождает человека от сетей и пут ложной социальности и становится основанием осознанной солидарности. «Человек, конечно, не может быть свободен, отказавшись от разума; но он и не сможет быть разумным, отказавшись от свободы» [Самохвалова 2016, с. 96].

Работа человека с хаосом реальности заключается в упорядочивании мира. Основа этой конструктивной деятельности – рациональность. Рациональность выступает также предпосылкой научного творчества, помогая человеку познавать мир, делать

обобщения, открывать новые законы. Отказ от достоинства рациональности ведет к выбору «в пользу иррациональности, алогичности, неверифицируемости знания, хаотизации практики» [Самохвалова 2016, с. 89]. Итоговый продукт работы рациональности есть «четко организованная и структурированная мысль, результирующая и оформляющая сложную работу всего комплекса широко понимаемых познавательных возможностей человека, его способностей восприятия и суждения» [Самохвалова 2016, с. 87].

Возвращение рациональности является особенно востребованным в наши дни, ибо, как отмечают эксперты, современный человек утрачивает способность к построению целостной и непротиворечивой картины мира, к планированию деятельности и долгосрочным перспективам. «Мир постмодернистского субъекта распадается на сменяющие друг друга яркие вспышки переживаний, опосредованных массовой культурой и воспроизводством эстетического, а жизнь вместо длительного, рационального, самостоятельно спланированного проекта становится чередой потребляемых впечатлений, не конструирующих её как целое» [Афанасов 2019, с. 262]. Однако именно рациональность становится тем фундаментом, который помогает субъекту достичь гармонии как в отношениях с изменяющимся миром и непохожими людьми, так и с самой собой. Если *аргументативная рациональность* здесь – это основа партнерской коммуникации (а также профилактика и пропедевтика социальных конфликтов), то *интегративная рациональность* – возможность собрать разносторонние аспекты и нюансы ситуаций в цельную картину мира, превратить разнообразие в осмысленный гештальт. «В современном социуме рациональность ...становится востребованной культурной ценностью.... Рациональное сознание открывает реальность в различных ракурсах и проекциях, способствует внутренней самодисциплине индивида, стабилизирует общественные отношения, выступая фактором социального порядка» [Репина 2018, с. 101].

Иными словами, рациональность в контексте повседневности связана с осознанным образом жизни, что, в свою очередь, подразумевает ориентацию на саморазвитие, самодисциплину и дисциплину ума (критическое мышление). Так, разновидностью культурных практик осознанности является движение возрождения стоицизма в современной культуре. Позитивная рациональность проявляется сегодня в контексте *осознанности повседневной жизни* как самоограничение и самодисциплина в быту, как *осознанное потребление* и т.п. (см., например: [Шабанова 2017]).

Заключение

Концептуальная рамка психологии повседневности выводит

на передний план такие стороны рациональности, как коммуникативность, саморефлексивность и самокритичность, осознанность, усиление субъектности и рост гражданской зрелости. Основание единства цивилизации рождается не столько в пространстве теоретического знания, сколько в повседневных жизненных практиках.

В исторической перспективе рациональность выступала латентной предпосылкой возникновения правового государства, где практики самостоятельного мышления и ответственного поведения человека служили фактором усиления его субъектности, свободы и достоинства. Рациональность – это мужественные решения, принимаемые с открытыми глазами и ответственностью за последствия своих действий.

Риски дефицита рациональности в современном мире связаны с коммуникативными разрывами, отсутствием взаимопонимания среди различных социальных групп, утратой культуры ведения дискуссий и доказательного знания. Потому рациональность как осознанность и практики повседневности служит не только основой единства человечества, но и условием общественного согласия в мультикультурном пространстве с разными ценностями, интересами и картинами мира.

Литература

- Афанасов 2019 – *Афанасов Н.Б.* В поисках утраченной современности // Социологическое обозрение. 2019. № 1. С. 256–265.
- Ахутин 2015 – *Ахутин А.* Европа – форум мира. Киев: Дух і літера, 2015. 88 с.
- Белинский 2008 – *Белинский В.Г.* Письмо к Н.В. Гоголю // Гоголь в русской критике: Антология / Сост. С.Г. Бочаров. М.: Фортуна, 2008. С. 110–118.
- Бердяев 1998 – *Бердяев Н.А.* Духовный кризис интеллигенции. М.: Канон, 1998. 399 с.
- Брюшинкин, Маркин 2003 – *Брюшинкин В.Н., Маркин В.И.* Критическое мышление, логика, аргументация. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2003. 173 с.
- Гусельцева 2020 – *Гусельцева М.С.* Рациональность как основа цивилизации и проблема психологии повседневности // Вопросы психологии. 2020. № 2. С. 3–16.
- Гусельцева 2019 – *Гусельцева М.С.* Психология повседневности в свете методологии латентных изменений. Монография. М.: Акрополь, 2019. 375 с.
- Кант 1966 – *Кант И.* Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 25–36.
- Крайг, Бокум 2005 – *Крайг Г., Бокум Д.* Психология развития. СПб.: Питер, 2005. 940 с.
- Корешникова 2019 – *Корешникова Ю.Н.* Развитие критического мышления в современном российском обществе: что дает университет? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 91–110.
- Культура имеет значение 2002 – *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисон, С. Хантингтон.* М.: Московская школа политических исследований, 2002. 315 с.

- Мартин 2016 – *Мартин Р.* Мышление в стиле «И». Как мыслят успешные лидеры. М.: Юрайт, 2016. 229 с.
- Майнцер 2009 – *Майнцер К.* Сложносистемное мышление. Материя, разум, человечество. Новый синтез. М.: Книжный дом Либроком, 2009. 464 с.
- Межуев 2013 – *Межуев В.М.* Гуманизм и современная цивилизация [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. 2013. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5868> (дата обращения 12 нояб. 2018).
- Межуев 2012 – *Межуев В.М.* Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Университетская книга, 2012. 408 с.
- Морен 2019 – *Морен Э.* О сложности. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2019. 272 с.
- Павлов 1999 – *Павлов И.П.* Об уме вообще, о русском уме в частности // Природа. 1999. № 8. С. 93–102.
- Пятигорский 1996 – *Пятигорский А.М.* Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1996. 590 с.
- Репина 2018 – *Репина Е.И.* Социальная рациональность как социологическая категория: теоретико-методологический анализ // Вестник Поволжского института управления 2018. Т. 18. № 4. С. 95–102.
- Самохвалова 2016 – *Самохвалова В.И.* «Человек разумный» в современном мире: о характере его рациональности, обязательствах его мысли и ответственности его науки // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2016. № 1(27). С. 85–105.
- Скирбекк 2017 – *Скирбекк Г.* Норвежский менталитет и модерность. М.: РОССПЭН, 2017. 198 с.
- Стёпин 2000 – *Стёпин В.С.* Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 743 с.
- Трансдисциплинарность в философии и науке 2015 – Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Издательский дом «Навигатор», 2015. 564 с.
- Убайдуллаева 2013 – *Убайдуллаева Р.Т.* О социальной рациональности и ее типах // Социс. 2013. № 11. С. 10–17.
- Фернандес-Арместо 2009 – *Фернандес-Арместо Ф.* Цивилизации. М.: АСТ, 2009. 764 с.
- Федотова 1996 – *Федотова В.Г.* Рациональность как предпосылка и содержание модернизации общества // Исторические типы рациональности. Т.1. / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Институт философии РАН, 1996. С. 216–237.
- Хабермас 2003 – *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
- Шабанова 2017 – *Шабанова М.А.* Социальное ответственное потребление в России: факторы и потенциал развития рыночных и нерыночных практик // Ответственные науки и современность. 2017. № 3. С. 69–86.
- Швырев 2003 – *Швырев В.С.* Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.
- Bratman 2009 – *Bratman M.* Intention, Practical Rationality, and Self-Governance // Ethics. 2009. Vol. 119. no. 3. P. 411–443.

Kopperschmidt 1985 – *Kopperschmidt J.* An analysis of argumentation // Handbook of discourse analysis: Vol. 2. Dimensions of discourse / Ed. by T.A. Van Dijk. London: Academic Press, 1985. P. 159–168.

Pinker 2018 – *Pinker S.* Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress. London: Penguin, 2018. 576 p.

References

Afanasov, N.B. (2019), “In Search of Lost Modernity”, *Sotsiologicheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 256–265.

Akhutin, A. (2015), *Evropa – forum mira* [Europe – the forum of the world], Dukh i litera, Kiev, Ukraine. 88 p.

Bazhanov, V. and Shol'ts, R.V. (ed.) (2015), *Transdistsiplinarnost' v filosofii i nauke: podkhody, problemy, perspektivy* [Transdisciplinarity in philosophy and science: approaches, problems, prospects], Navigator, Moscow, Russia. 564 p.

Belinskii, V.G. (2008), “Letter to N.V. Gogol”, in Bocharov, S.G. (Comp.), *Gogol' v russkoi kritike: Antologiya* [Gogol in Russian criticism: Anthology], Fortuna, Moscow, Russia, pp. 110–118.

Berdyayev, N.A. (1998), *Dukhovnyi krizis intelligentsia* [Mental crisis of the intelligentsia], Kanon, Moscow, Russia. 399 p.

Bratman, M. (2009), “Intention, Practical Rationality, and Self-Governance”, *Ethics*, vol. 119, no. 3, pp. 411–443.

Bryushinkin, V.N. and Markin, V.I. (2003), *Kriticheskoe myshlenie, logika, argumentatsiya* [Critical thinking, logic, argumentation], Publ. Kaliningrad University, Kaliningrad, Russia. 173 p.

Fernandes-Armesto, F. (2009), *Tsivilizatsii* [Civilizations], AST, Moscow, Russia. 764 p.

Fedotova, V.G. (1996), “Rationality as a premise and content of modernization of society”, in Lektorskii, V.A. (ed.), *Istoricheskie tipy ratsional'nosti* [Historical types of rationality], IFRAN, Moscow, Russia, pp. 216–237.

Gusel'tseva, M.S. (2020), “Rationality as the basis of civilization and the problem of the psychology of everyday life”, *Voprosy psikhologii*, no. 2, pp. 3–16.

Gusel'tseva, M.S. (2019), *Psikhologiya povsednevnosti v svete metodologii latentnykh izmenenii. Monografiya* [Psychology of everyday life in the light of the methodology of latent changes], Akropol', Moscow, Russia. 375 p.

Kant, I. (1966), *Otvet na vopros: Chto takoe Prosveshchenie?* [The answer to the question: What is Enlightenment?], vol. 6, Mysl', Moscow, Russia, pp. 25–36.

Khabermas, Yu. (2003), *Filosofskii diskurs o modern* [The philosophical discourse of modernity], Ves' mir, Moscow, Russia. 416 p.

Kharrison, L. and Khantington, S. (ed.). (2002), *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu* [Culture Matters: How Values Shape Human Progress], Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, Moscow, Russia. 315 p.

Kopperschmidt, J. (1985), “An analysis of argumentation”, in Van Dijk, T.A. (ed.), *Handbook of discourse analysis: vol. 2, Dimensions of discourse*, Academic Press, London, UK, pp. 159–168.

Koreshnikova, Yu.N. (2019), “Development of critical thinking in modern Russian society: what does the university provide?”, *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskii i sotsial'nye peremeny*, no. 6, pp. 91–110.

- Kraig, G. and Bokum, D. (2006), *Psikhologiya razvitiya* [Developmental psychology], Piter, St. Petersburg, Russia. 940 p.
- Maintser, K. (2009), *Slozhnosistemnoe myshlenie. Materiya, razum, chelovechestvo. Novyi sintez* [Complicated Thinking. Matter, mind, humanity. New synthesis], Librokom, Moscow, Russia. 464 p.
- Martin, R. (2016), *Myshlenie v stile «I». Kak myslyat uspezhnye lidery* [The opposable mind: how successful leaders win through integrative thinking], Yurait, Moscow, Russia. 229 p.
- Mezhuev, V.M. (2013), "Humanism and modern civilization", *Tsentr gumanitarnykh tekhnologii*, [Electronic], available at: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5868> (Accessed 2 Mar 2019).
- Mezhuev, V.M. (2012), *Ideya kul'tury. Ocherki po filosofii kul'tury* [The idea of culture. Essays on the philosophy of culture], Universitetskaya kniga, Moscow, Russia. 408 p.
- Moren, E. (2019), *O slozhnostnosti* [On Complexity], Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, Moscow, Russia. 272 p.
- Pavlov, I.P. (1999), "About the mind in general, about the Russian mind in particular", *Priroda*, no. 8, pp. 93–102.
- Pinker, S. (2018), *Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress*, Penguin, London, UK. 576 p.
- Pyatigorskii, A.M. (1996), *Izbrannye Trudy* [Selected Works], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia. 590 p.
- Repina, E.I. (2018), "Social rationality as a sociological category: theoretical and methodological analysis", *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, vol. 18, no. 4, pp. 95–102.
- Samokhvalova, V.I. (2016), "«Homo sapiens» in the modern world: on the nature of his rationality, the obligations of his thought and the responsibility of his science", *Chelovek: Obraz i sushchnost'*. *Gumanitarnye aspekty*, no. 1(27), pp. 85–105.
- Shabanova, M.A. (2017), "Social responsible consumption in Russia: factors and development potential of market and non-market practices", *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 69–86.
- Skirbekk, G. (2017), *Norvezhskii mentalitet i modernost'* [Norwegian mentality and modernity], ROSSPEN, Moscow, Russia. 198 p.
- Stepin, V.S. (2000), *Teoreticheskoe znanie: Struktura, istoricheskaya evolyutsiya* [Theoretical knowledge: Structure, historical evolution], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia. 743 p.
- Shvyrev, V.S. (2003), *Ratsional'nost' kaktseennost' kul'tury. Traditsiya i sovremennost'* [Rationality as a cultural value. Tradition and modernity], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia. 176 p.
- Ubaidullaeva, R.T. (2013), "About social rationality and its types", *Sotsis*, no. 11, pp. 10–17.

Информация об авторе

Марина С. Гусельцева, доктор психологических наук, доцент, Психологический институт РАО, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; mgusel'tseva@mail.ru

Information about the author

Marina S. Gusel'tseva, Sc.D. (Psychology), assistant professor, Psychological Institute, Russian Academy of Education, Russia, Moscow; bld. 9-4, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009; mgusel'tseva@mail.ru

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-31-53

Переживание одиночества пользователями различных социальных сетей: возрастной контекст

Василиса Р. Орестова³

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, v.r.orestova@gmail.com*

Дарья П. Ткаченко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, bigbro-littlebro@yandex.ru*

Анна А. Соколова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sokolova.anyuta@gmail.com*

Аннотация. В статье представлено исследование особенностей активности в популярных социальных сетях (Instagram, Facebook и ВКонтакте) и их связи с особенностями переживания одиночества. Выявлены различия в характере пользовательской активности между тремя возрастными группами, обусловленные тем, что пользователи старшей возрастной группы эмоционально сдержаннее и в меньшей степени склонны к личностному раскрытию в социальных сетях, в то время как для юных пользователей более характерен шуточный и поверхностный формат взаимодействия. Также установлено, что молодежь отличается меньшей потребностью в познании себя в сравнении с другими возрастными группами. Сравнение пользователей, предпочитающих разные социальные сети, показало характерные различия в их активности, а также выявило, что самопонимание пользователей социальной сети VK значительно ниже, чем у пользователей двух других социальных сетей. При исследовании связи характера активности в социальной сети с особенностями переживания одиночества было обнаружено, что пользователи с выраженным негативным переживанием одиночества в большей мере ориентированы на частоту и позитивный эмоциональный фон публикаций, нежели на раскрытие глубинных переживаний и обсуждение лично значимых тем. Люди с не-

³ © Орестова В.Р., Ткаченко Д.П., Соколова А.А., 2020

хваткой эмоциональной близости или контактов с людьми и в социальной сети также демонстрируют невысокую активность взаимодействия. Респонденты, умеющие находить ресурс в ситуациях уединения и стремящиеся к нему осознанно, более ориентированы использовать социальные сети как источник информации и редко делают обезличенные публикации.

Ключевые слова: переживание одиночества, потребности пользователей социальных сетей, социальные сети, Инстаграм, поведение в социальных сетях

Для цитирования: Орестова В.Р., Ткаченко Д.П., Соколова А.А. Переживание одиночества пользователями различных социальных сетей: возрастной контекст // Вестник РГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 2. С. 31–53. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-31-53

The experience of loneliness by users of various social networks: age context

Vasilisa R. Orestova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, v.r.orestova@gmail.com*

Daria P. Tkachenko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, bigbro-littlebro@yandex.ru*

Anna A. Sokolova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, sokolova.anyuta@gmail.com*

Abstract. The article presents a study of the characteristics of user's activity in the popular social networks (Instagram, Facebook and Vkontakte) and their connection with the features of experiencing loneliness. The differences in the nature of user activity among the three age groups were revealed. These differences are related to the fact that users of the older age group are more emotionally restrained and less prone to personal disclosure in social networks, while younger users are more likely to have a playful and superficial interaction format. It was also found that young people have a lower need for self-knowledge in comparison with the other age groups. A comparison of users who prefer different social networks showed characteristic differences in their activity, and it was also found that the self-understanding of users

of the VK social network is much lower than that of users of the two other social networks. The study of a relationship between the nature of activity in a social network and characteristics of experiencing of loneliness showed that users with a pronounced negative experience of loneliness are more oriented to the frequency and positive emotional background of publications, rather than revealing deep feelings and discussing topics that are personally significant. People with a lack of emotional intimacy or contacts with other people in social networks also show a low level of interaction with others. Respondents who are able to find a resource in situations of privacy and striving for it consciously are more focused on social networks as a source of information and rarely make anonymous publications.

Keywords: the experience of loneliness, the needs of users of social networks, social networks, Instagram, behavior in social networks

For citation: Orestova, V.R., Tkachenko, D.P. and Sokolova, A.A. (2020), "The experience of loneliness by users of various social networks: age context", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogy. Education" Series*, no 2, pp. 31-53. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-31-53

Введение

Сегодня виртуальное пространство становится главенствующим пространством социализации, причем оно не может рассматриваться изолированно от общего пространства социализации человека, а входит в общую структуру поля социализации [Голубева, Марцинковская 2011]. Люди разных возрастов проводят все больше времени в интернете, а социальные сети становятся важнейшим способом коммуникации и самопрезентации как для молодежи, так и для людей, находящихся на разных этапах зрелости. Широкомасштабная интернетизация общества связана с тем, что всемирная сеть предоставляет множество возможностей для удовлетворения разнообразных потребностей человека [Брызгалин, Войскунский 2018]. Социальные сети представляют собой интересный инструмент: человек может рассказать о чем-то широкому кругу, разделить свои интересы со многими людьми, знаковыми и нет. При этом отсутствие конкретного адресата публикуемого контента и предлагаемые социальными медиа настройки фильтров показа публикаций снижают степень навязчивости информации, а механизмы обратной связи в виде лайков, комментариев и перепостов поощряют или сдерживают пользователей от дальнейших публикаций. Таким образом, социальные сети можно рассматривать как динамично развивающееся средство удовлетворения потребностей, причем можно предположить, что будут существовать различия в реализации потребностей людей разных возрастных групп.

Использование Интернета для удовлетворения различного рода потребностей, особенно для творческой самореализации, более типично для подростков и молодежи [Свешникова 2016]. Вероятно, это связано не только с большей вовлеченностью молодых пользователей в цифровую среду, но и с рядом других особенностей этого возраста. Исследования в области нейрокогнитивной науки [Tamir, Mitchell 2012] свидетельствуют о пользе публикации личного контента для поддержания ценности самораскрытия. Распространяя информацию о себе и собственном опыте в социальных сетях, пользователи демонстрируют активацию тех же областей мозга, которые ассоциированы с вознаграждением. В подростковом и юношеском возрасте происходит активное становление идентичности, поэтому позитивное подкрепление этих процессов в социальных сетях будет способствовать предпочтению такого способа взаимодействия и самораскрытия. Так социальные сети формируют индивидуальное пространство молодежи, которое преобладает в их общей картине мира [Голубева 2018], и Интернет пространство становится для них главным пространством информационной социализации [Гребенникова, Пархоменко 2013]. При этом объективные характеристики социального пространства определяют специфику информационных предпочтений (в том числе социальных сетей), а особенности информационного пространства оказывают влияние на соотношение и содержание социокультурной и персональной идентичности, а также процесс социализации в целом [Аянян, Марцинковская 2016].

В то же время активное включение подростков в информационное пространство связано с параметрами психологического благополучия, и коммуникация в сети некоторым образом компенсирует часть особенностей социализации в подростковом возрасте. Например, чувство одиночества переживается чаще в реальной коммуникации, чем в социальных сетях, но при этом переживание одиночества офлайн и онлайн связаны друг с другом [Белинская 2013].

Можно предположить, что интернет-взаимодействие положительно влияет на процессы социализации и преодоления одиночества. Согласно концепции гипотезы социального мозга (Social Brain Hypothesis), выделяется три типа групп социальных связей: вся сеть социальных связей человека (около 150 человек), группа симпатии (обычно 12-15 человек, с кем происходит контакт примерно раз в месяц) и круг поддержки (около 5 человек, между которыми происходит эмоционально тесный контакт) [Sutcliffe et al. 2012]. Было обнаружено, что наличие и размер интимной группы поддержки тесно связаны с социальной активностью оффлайн, а использование социальных сетей и количество контактов в них

вливают на размер группы симпатий и общей сети социальных связей, при этом не была установлена связь количества социального времени онлайн и одиночества [Sutcliffe et al. 2018]. То есть пользователи расширяют возможности своего социального взаимодействия, создавая более обширную социальную сеть с разными уровнями близости с другими людьми.

В то же время часто в сети пользователи сталкиваются с негативными феноменами Интернет-пространства, способными в целом повлиять на эмоциональное развитие молодых людей, такими, как кибербуллинг, мошеннические действия, распространение расистских идей и т.д. [Diomidous et al. 2016], а также более безопасным, на первый взгляд, контентом, который, тем не менее, может оказывать негативный эффект на самовосприятие и самораскрытие. Различные интернет-тренды, в избытке представленные в социальных сетях, могут способствовать усилению проблемных аспектов самосознания пользователей. Восприятие другого в виртуальном пространстве, по сравнению с реальным, вероятно, более стереотипизировано [Белинская, Бронин 2015], а самопрезентация в виртуальном пространстве может быть выборочной, например, по данным одного из исследований [Белинская, Гавриченко 2018], главным аспектом визуальной самопрезентации в сети Instagram является социальный статус пользователя.

Таким образом, воздействие, оказываемое виртуальными социальными сетями на субъективное благополучие людей, неоднородно и неоднозначно [Ortiz-Ospina, Roser 2020]. Выше мы приводили пример о связи, хоть и слабой, психологического благополучия с включением подростков в информационное пространство, но в других исследованиях эта связь не выявлена вовсе [Coyne et al. 2019]. Тезис о взаимосвязи одиночества и использования социальных сетей также выглядит противоречивым, и многие авторы говорят о неоднозначности исследовательских данных по этой теме [Nowland et al. 2018; Yavich et al. 2019]. Некоторыми исследователями предполагается существование двунаправленной и динамической связи между одиночеством и социальным использованием сети Интернет [Nowland et al. 2018]: опыт переживания одиночества в реальном пространстве может определять то, как будет использоваться виртуальное социальное пространство; при этом обращение к виртуальным социальным сетям как способ замены реального социального взаимодействия будет ассоциирован с высоким уровнем переживания одиночества, тогда как их использование для налаживания новых дружеских отношений и укрепления существующих может привести к снижению уровня переживания одиночества.

Следовательно, с одной стороны, виртуальное пространство со-

циальных сетей открывает совершенно новые возможности для социализации и самореализации. Каждый пользователь имеет шанс найти здесь тех, с кем может разделить свои интересы, поддержать отношения с узким кругом друзей и более широким социальным кругом, а также имеет возможности для познания и обучения, творческого самовыражения, получения отклика. С другой стороны, виртуальное пространство социальных сетей может исказить реальное социальное пространство общения, становясь постоянным «карманным социумом», где участники часто используют выборочную самопрезентацию, социальные сети способны порождать тревогу, негативные чувства при сравнении себя с другими, боязнь пропустить что-то интересное, стыд и страх самому предстать «таким, как есть»; а также подменять реальное социальное пространство. Поэтому могут возникать и усиливаться чувства собственной отчужденности и изолированности, а в итоге – ощущение собственного одиночества. Во многом это будет связано с тем, каким контентом наполнено цифровое социальное пространство и насколько оно отвечает потребностям пользователей.

Цель исследования

Основной целью нашего исследования стало выявление значимых характеристик активности в популярных социальных сетях (Instagram, Facebook и ВКонтакте) и их связи с особенностями переживания одиночества.

Гипотезы исследования

Общей гипотезой, которая легла в основу исследования, стало предположение о значимости контента, который публикуют пользователи, для понимания того, в какой мере они могут использовать свою активность в социальных сетях для совладания с одиночеством и реализации потребности в самоактуализации.

Методы

– авторская анкета, направленная на выявление и структурирование основных параметров активности пользователей в социальных сетях, а также получения ссылок на индивидуальные страницы пользователей. Значимые параметры, которые исследовались с помощью анкеты: наиболее часто используемые социальные сети и социальные сети, где чаще всего публикуется контент; использование социальных сетей в профессиональных целях; зависимость публикаций от доступности для коллег, работодателя, родителей, родственников; интерес пользователей к контенту (друзей, СМИ, блогеров и публичных личностей, тематических групп и пабликов); частота лайков и комментариев под публикациями друзей и

публичных аккаунтов; частота лайков и комментариев под публикациями друзей, если не нравится или не интересен контент; наличие нереализуемого желания размещения контента; частота размещения публикаций в хорошем или плохом настроении;

– частотный контент-анализ публикаций респондентов для выявления различных категорий и особенностей контента. Были выделены четыре группы категорий анализа контента: тематика публикаций, степень авторства, выражение эмоций, сообщение информации о себе. Ниже остановимся на более подробном описании категорий и критериев контент-анализа для каждой группы.

В группе *Тематика* были выделены следующие категории: *Я и моя жизнь; Профессия и увлечения; Социальное и политическое; Наука, спорт и искусство; Социальные интеракции; Путешествия, природа, неодушевленное; Смешное, забавное.*

В группе *Степень авторства* были выделены следующие категории: *Авторский контент с авторским текстом более 15 слов; Авторский контент без текста или с текстом до 15 слов; Перепосты или цитаты с авторским текстом; Перепосты или цитаты без авторского текста или с минимальным текстом; Отсутствие выражения эмоций; Выражение позитивных эмоций; Выражение грусти; Выражение злости, агрессии; Противоречивые эмоции; Шутливый тон, юмор.*

В группе *Сообщение информации о себе* были выделены следующие категории: *Нет сообщения информации о себе; Сообщение нейтральной информации о себе; Сообщение относительно интимной информации о себе.*

По завершении сбора данных: 1) был проведен подсчет общего количества публикаций каждого пользователя за полугодовой период с апреля по сентябрь 2019 г. включительно в тех социальных сетях, которые респонденты отметили в своих ответах как наиболее часто посещаемые и как те, где они чаще всего размещают контент; 2) проведен подсчет абсолютного и относительного количества публикаций, открытых только для друзей (закрытых для остальных пользователей); 3) проведен частотный контент-анализ публикаций респондентов на основании подобранных критериев анализа, распределяющий каждую публикацию в одну из категорий по группам контента. Всего было проанализировано 3 937 публикаций.

– дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО-3) Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева для диагностики особенностей личностного отношения к одиночеству [Осин, Леонтьев 2016].

Также нами был использован опросник САМОАЛ (А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калиной) для выявления ключевых показателей самоактуализации пользователей социальных сетей,

но в данную статью результаты этой части исследования не вошли. Однако мы решили продемонстрировать ряд данных, полученных с помощью этого опросника для демонстрации возрастных особенностей и особенностей реализации потребностей в разных социальных сетях.

Статистическую обработку полученных данных осуществляли при помощи пакета программ SPSS Statistics 26.0. На предварительном этапе была проведена процедура оценки нормальности распределения показателей посредством визуальной оценки ящичных графиков, а также расчетов в описательной статистике с применением критериев согласия Колмагорова-Смирнова (Kolmogorov-Smirnov Test) и Шапиро-Уилка (Shapiro-Wilk test). В результате было выявлено несоответствие данных критериям нормальности и наличие некоторого количества выбросов, в связи с чем было принято решение использовать непараметрическую статистику для проведения дальнейшего анализа. Исходя из этого, различия между группами оценивали при помощи непараметрической статистики: одностороннего дисперсионного анализа Краскела – Уоллиса (Kruskal – Wallis one-way analysis of variance), критерия Манна-Уитни (Manna-Whitney U-test). Для оценки корреляций между показателями применяли коэффициент ранговой корреляции Спирмена (Spearman rank R).

Описание выборки

В нашем исследовании приняли участие 77 добровольцев, среди которых опрос проводился посредством опросного онлайн-сервиса Testograf.ru, являющегося официально зарегистрированным Роскомнадзором оператором персональных данных. Все респонденты были уведомлены о цели исследования и дали согласие на обработку и использование своих результатов в научных интересах.

Участники исследования были уравнены по основным социально-демографическим характеристикам. Среди респондентов – 55 женщин и 22 мужчины, вследствие количественной разницы был проведен анализ межполовых различий для выявления вклада гендерного аспекта в вариативность изучаемых переменных. Возраст респондентов варьировался от 20 до 41 года (ср. возраст=30; SD=4,7). В связи с этим респонденты были организованы в три возрастные группы: юные (n=13) – 20-25; молодые – 26-35 (n=53); зрелые – 36-41 (n=11), между которыми также был проведен сравнительный анализ.

Ключевым условием участия в исследовании являлось наличие аккаунта в социальных сетях, активное пользование подобного рода ресурсами, а также предоставление ссылки на свои страницы и отклика в виде добавления «в друзья» других респондентов. Таким

образом, мы получили от всех участников разрешение на изучение контента, размещенного на персональных страницах популярных социальных платформ; наиболее часто посещаемыми платформами в выборке стали: только Facebook (Фэйсбук) ($n=7$), только VK (ВКонтакте) ($n=5$) и Instagram (Инстаграм), отдельно и в сочетании с Facebook или VK ($n=65$).

Результаты исследования

Особенности поведения пользователей в разных социальных сетях.

Прежде всего, представим данные, свидетельствующие о предпочтениях социальных сетей респондентами разных возрастов (см. Рис. 1).

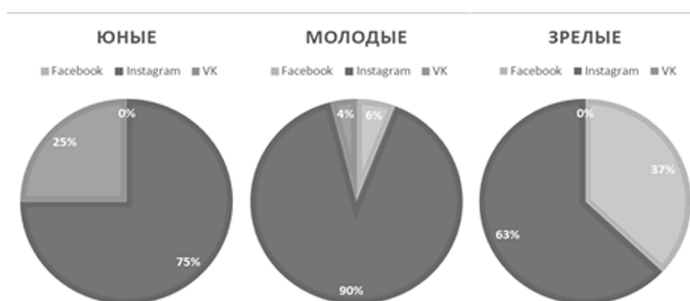

Рис. 1. Процентное соотношение пользователей популярных социальных сетей среди разных возрастных групп

Исходя из приведенных данных (см. Рис. 1), можно говорить, что наиболее предпочитаемой социальной платформой в сравнении с другими является Instagram для всех наших респондентов, независимо от возраста. При этом именно представители молодежной возрастной группы демонстрируют более выраженное предпочтение данной социальной сети всем остальным. В то время как юные пользователи предпочитают также использовать VK, а зрелые – Facebook. Сопряженность фактора возраста и предпочитаемой социальной сети была проверена посредством критерия Хи-квадрат (Chi-square) и оказалась статически значимой ($p=0,001$). Вероятно, здесь мы можем говорить о наличии некоторых возрастных тенденций в предпочтении разных социальных платформ, что во многом может быть связано с тем, как организован контент и на что преимущественно ориентировано взаимодействие пользователей.

Судя по данным, стоит учитывать, что наша выборка является преимущественно гомогенной по признаку предпочитаемой социальной платформы, что может вносить значимый вклад в полученные результаты.

Также стоит сказать о том, что наблюдаются различающиеся, но явные предпочтения в использовании определенных социальными сетями у мужчин и у женщин.

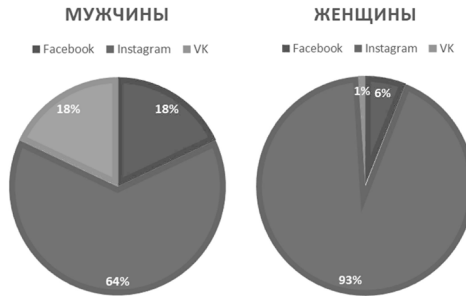

Рис. 2. Процентное соотношение пользователей популярных социальных сетей среди мужчин и женщин

Обращаясь к представленным диаграммам (см. Рис. 2), следует отметить, что наиболее предпочитаемой социальной платформой в сравнении с другими является Instagram как среди мужчин, так и среди женщин. При этом, очевидно, женщины в своих предпочтениях более гомогенны, чем мужчины.

Отдельно стоит рассмотреть активность нашей выборки на своих страничках в соцсетях (см. Рис. 3). По самоотчетам респондентов мы можем судить о преобладании умеренного (несколько раз в день) и интенсивного (в течение дня) режима пользования социальными сетями, что является нормой повседневной социальной жизни современных пользователей.

Рис. 3. Процентное соотношение пользователей популярных социальных сетей с разной степенью активности

Кроме того мы изучили степень доступности личных аккаунтов в социальных сетях для просмотра другими пользователями. Боль-

шинство наших респондентов достаточно открыты для посещения и активности других пользователей на их персональных страничках. При этом полная доступность аккаунта преобладает (55%), а закрытых аккаунтов оказалось абсолютное меньшинство (16%) и 29% респондентов имеют избирательную доступность. Эти данные позволяют сделать предположение о значимости использования социальных сетей для поддержания коммуникации и самопрезентации в цифровом социальном пространстве.

Межгрупповой анализ данных: сравнение возрастных групп

Прежде всего, нами были исследованы различия между тремя выделенными возрастными группами (см. Рис. 4).

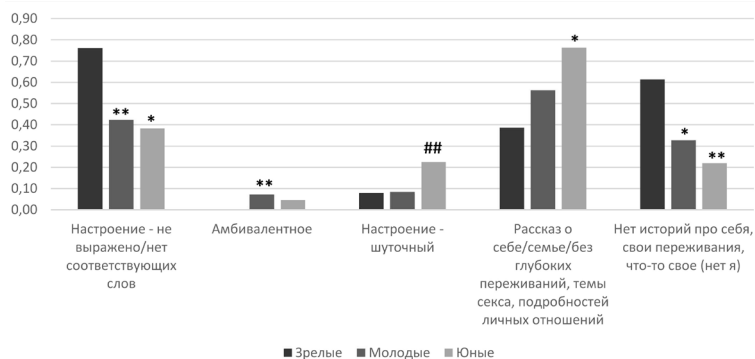

Рис. 4. Анализ различий между разными возрастными группами по характеру пользовательской активности

Примечание: отличие от группы «Зрелые»: * - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$; от группы «Молодые»: ## - $p < 0,01$.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что полученные возрастные различия могут быть объяснены предпочтением разных социальных сетей, показанным ранее (см. Рис. 2). Возможно, специфика организации социальной платформы во многом определяет и направляет пользовательскую активность, создавая условия для возникновения внутренней культуры взаимодействия и публикации контента. Так, согласно современным представлениям (<https://smmplanner.com/blog/kak-sozdat-kontient-dlia-raznykh-sotssietiei/>), у целевой аудитории каждой социальной сети существует определенный запрос на тот тип и содержание контента, который изначально как бы «вшит» во внутреннюю культуру той или иной социальной платформы. Для пользователей VK – это, прежде всего, развлечение и отдых; для пользователей Facebook

– серьезная проблематика и мировые тренды; для Instagram-пользователей – вдохновение, освещение личной жизни и обмен впечатлениями. Таким образом, прежде, чем говорить о вкладе возрастных факторов в разнообразие проявлений пользовательской активности, необходимо учитывать те условия, которые заведомо «предлагает» пользователю та или иная социальная сеть.

Говоря же о тех различиях, которые были получены между представителями разных возрастных групп в нашем исследовании, стоит отметить наличие явной тенденции среди юных пользователей публиковать более шутливый контент на личные (интимные) темы, в то время как зрелая аудитория скорее склоняется к более сдержанному и обезличенному взаимодействию с пользовательской аудиторией. Представители молодой возрастной группы занимают некоторое промежуточное положение между этими двумя группами, причем по эмоциональной составляющей их публикаций также невозможно выявить некоторого общего настроения и содержания контента.

Это косвенно подтверждает идею об изначальной ориентировке пользователя на предпочтение определенного типа и содержания активности в социальной сети, исходя из ее внутренней культуры и общего информационного фона.

Интересно, что на уровне психологических характеристик удалось выявить одно значимое различие между возрастными группами, и оно касалось такой характеристики, как потребность в познании, которое у группы юношей выражено значимо меньше, чем у молодых ($U=18,44$; $p=0,019$) и, на уровне тенденции, у зрелых ($U=21,3$; $p=0,052$) респондентов. Судя по всему, юные пользователи в меньшей степени стремятся к познанию, что позволяет предположить преобладание у них гедонистической и развлекательной мотивации при использовании социальными сетями.

Анализ характера активности пользователей разных социальных сетей

Говоря о характере пользовательской активности, проявившейся среди наших респондентов, можно выделить следующие тенденции:

– пользователи, предпочитающие только социальную сеть VK, больше других ориентированы на ту информацию, которую им предоставляют различные паблики и новостные страницы, при этом они чаще делают репосты без сопроводительных комментариев или выражения в них своего мнения;

– пользователи, предпочитающие только социальную сеть Facebook, более склонны организовывать свою активность, опираясь на то, насколько она доступна для просмотра коллег и друзей;

– пользователи, предпочитающие социальную сеть Instagram (отдельно или с другими сетями) чаще других размещают на своих страницах фотографии без изображения людей, оценивают контент своих друзей, а также делают публикации в момент значимых эмоциональных переживаний.

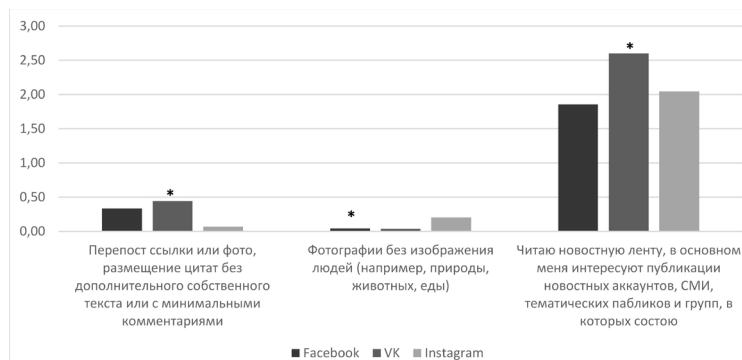

Рис. 5.1. Анализ различий между пользователями разных популярных социальных сетей по характеру пользовательской активности

Примечание: отличие от группы «Instagram»: * - $p < 0,05$.

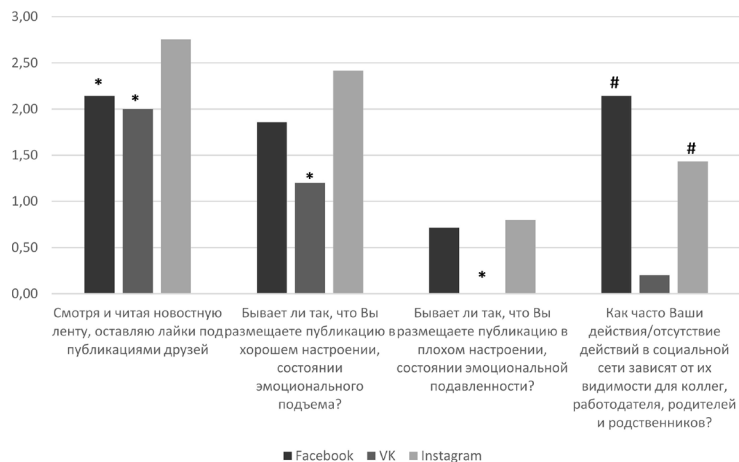

Рис. 5.2. Анализ различий между пользователями разных популярных социальных сетей по характеру пользовательской активности

Примечание: отличие от группы «Instagram»: * - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$; от группы «VK»: # - $p < 0,05$.

Отдельно стоит сказать об обнаруженных значимых различиях между пользователями разных социальных сетей по показателю

самопонимания. Было выявлено, что этот показатель значительно менее выражен у пользователей, предпочитающих только сеть VK, в сравнении с двумя другими группами. Мы не можем объяснить этот результат только лишь предпочтением той или иной социальной сети, но прежде всего при его истолковании необходимо учесть установленный нами ранее факт предпочтения данной социальной сети в среде юных пользователей.

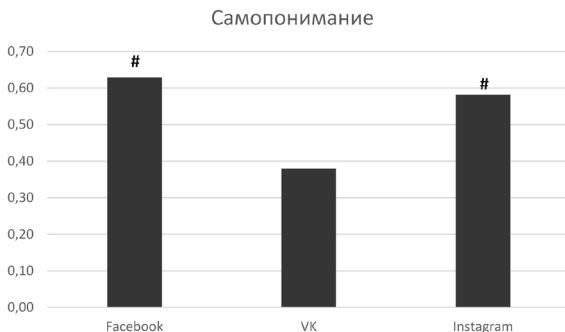

Рис. 5.3. Анализ различий между пользователями разных популярных социальных сетей по показателям самоактуализации (шкала самопонимания)

Примечание: отличие от группы «VK»: # - $p < 0,05$.

На наш взгляд, базируясь на приведенных данных, целесообразно рассматривать сочетание, как минимум, двух (выявленных) факторов – отнесенность к определенной возрастной группе и вовлеченность в конкретную культуру социальной платформы. Исходя из этого, мы можем предполагать наличие среди аудитории социальной сети VK достаточно юных пользователей, которые еще недостаточно хорошо осознают себя, свои потребности и ориентиры. Вероятно, им проще ориентироваться в цифровом социальном пространстве, опираясь на развлекательный и расслабляющий характер взаимодействия и контента, не требующих выраженной социальной и личностной позиции и явного раскрытия своего внутреннего мира.

Таким образом, наши данные подтверждают приведенный ранее тезис об организующем характере внутренней культуры социальной сети в отношении пользовательской активности и содержания публикуемого контента. Исходя из этого, мы можем предполагать искажение наших результатов в связи с преобладанием пользователей социальной сети Instagram в выборке ($n=65$). Для того, чтобы избежать подобного рода смешения результата, мы провели

корреляционный анализ показателей переживания одиночества и характера пользовательской активности, опираясь только на результаты респондентов, предпочитающих использование социальной сети Instagram (отдельно или в сочетании с другими сетями), и исключив результаты респондентов, ориентирующихся только на Facebook и только на VK.

Необходимо подчеркнуть, что в анализ не были включены слабые коэффициенты корреляций (ниже 0,3), а те, что представлены в работе, мы рассматриваем как тенденции, так как они находятся в диапазоне умеренных значений по шкале Чеддока.

Переживание одиночества и поведение в социальных сетях

Результаты оценки связи переживания одиночества и характера активности пользователей в социальной сети были разделены по условно «негативным» (табл. 1) и «позитивным» (табл. 2) показателям одиночества.

Таблица 1

Связь «негативных» показателей переживания одиночества с характером пользовательской активности

	Изоляция	Отчуждение	Дисфория одиночества	Одиночество как проблема	Зависимость от общения
Перепост ссылки или фото с дополнительным текстом (например, впечатления, размышления и т.п.)				,337**	,308*
Хотели бы Вы делиться большим количеством контента, но по той или иной причине этого не делаете?				,325**	
Смотря и читая новостную ленту, оставляю лайки под публикациями друзей	-,304*				
Социальные интеракции		-,420**			
Настроение - злость/стеб/агрессия/сарказм/возмущение/раздражение			-,337**	-,392**	-,389**

Анализируя полученные результаты, мы можем говорить о высокой значимости интенсивности пользовательской активности и валентности публикаций для пользователей, тяжело переживающих свое одиночество. При этом представляется, что содержание постов и отражение в этом контенте своих внутренних переживаний, а также возможность использования публикаций в качестве коммуникативного средства, уходит на второй план. Выражение своих собственных чувств, прежде всего негативных, не часто встречается среди тех респондентов, которые тяжело переносят одиночество и стремятся его избежать. Можно предположить, что негативное представление таких людей об одиночестве, склонность искать общение любой ценой с целью избежать ситуаций, где человек сталкивается с переживанием одиночества, приводят к отказу от проявления себя таким образом, что это может быть негативно или неоднозначно воспринято другими пользователями социальных сетей и, следовательно, увеличивает риск отвержения. В своем стремлении к взаимодействию и преодолению чувства одиночества пользователи, скорее, будут использовать уже готовый контент, дополняя его собственными комментариями, причем чаще позитивного или достаточно нейтрального характера. Это также подтверждают результаты, свидетельствующие, что люди, тяжело переживающие одиночество, ограничивают себя в публикациях контента, зачастую отказываясь от идеи сделать какую-либо публикацию. Весьма вероятно, что здесь речь также идет о выборе более безопасного поведения, не ставящего под угрозу общение и принятие себя другими пользователями социальной сети.

Люди же с актуальной выраженностью переживания одиночества, нехваткой эмоциональной близости или контактов с людьми и в социальной сети также демонстрируют невысокую активность взаимодействия. Те, у кого отсутствует близкий контакт с другими, реже оставляют «лайки» под публикациями друзей. Поскольку «лайк» является своего рода «хорошим тоном» социальной сети, способом выразить свое расположение, оказать поддержку другу, то можно увидеть, что и в этом, виртуальном, пространстве такие пользователи не стремятся поддерживать дружеские связи или демонстрировать готовность вступать в них. Аналогично респонденты, переживающие отчуждение в отношениях, отсутствие значимых связей с другими людьми, в принципе совершают меньше социальных интеракций в сети. Особенно редко можно встретить у них публикации, связанные с самораскрытием, описанием собственных переживаний и отношений с окружающими. Таким образом, пользователи социальных сетей, ощущающие себя одиночками и тяжело переживающие одиночество, не склонны компенсировать эти переживания через выражение эмоций в виртуальном про-

странстве, более интенсивные и активные социальные интеракции и выражение поддержки или обращение за ней. В тоже время люди, умеющие находить ресурс в ситуациях уединения, ценить их и стремящиеся к осознанному уединению, используя его для самопознания и саморазвития, более ориентированы на социальные сети как на источник получения информации и реже публикуют чужой контент, не подвергнув его собственному осмыслению.

Можно сказать, что в социальных сетях, независимо от мотивов их использования, наши респонденты ведут себя соответственно своим переживаниям и самоощущениям в реальной жизни. Похоже, что для них опыт переживания одиночества в реальном пространстве может во многом определять то, как будет использоваться виртуальное социальное пространство. Безусловно, нам не хватает данных (например, информации об особенностях социального взаимодействия наших респондентов в оффлайн), однако наши результаты позволяют говорить о наличии связи переживания одиночества оффлайн и онлайн.

Мы достаточно осторожно делаем заключения о поведении наших респондентов в соцсетях и возможности реализации там их потребностей, так как должны учитывать, что все, чьи ответы подверглись корреляционному анализу, указали в качестве предпочитаемой сеть Instagram. Несмотря на то, что в анализ были включены и публикации в других сетях, не исключено, что сама специфика социальной сети Instagram играет роль в том, какие потребности человек может реализовать в ней в полной мере. Возможно то, к какому контенту привыкло большинство пользователей Instagram, не позволяет в полной мере раскрыть внутренний мир переживаний, как бы удерживаясь в рамках допустимых сетевым сообществом моделей. По оценкам специалистов, в эту сеть аудитория приходит за вдохновением, развлечением, а также понаблюдать за жизнью других людей и презентовать себя. Создается впечатление, что в Instagram те пользователи, которым действительно нужно общение и важно преодоление одиночества, как раз в меньшей степени могут это себе позволить и чаще остаются на каком-то приемлемом, условно позитивном, уровне взаимодействия с другими, оставляя «за скобками» подлинные и значимые глубинные переживания. Поэтому наше исследование необходимо дополнить более детальным изучением поведения пользователей других сетей и его связи с переживанием одиночества.

Выводы

Подводя итог проведенному исследованию, можно говорить о следующих выявленных тенденциях в понимании связи активно-

сти пользователей в социальных сетях с особенностями переживания одиночества и самоактуализацией:

1. Были обнаружены различия в характере пользовательской активности между тремя возрастными группами – юные, молодые и зрелые. Пользователи старшей возрастной группы, судя по результатам, более эмоционально сдержанны и в меньшей степени склонны к личностному раскрытию в социальных сетях. В то время как для юных пользователей более характерен шуточный и поверхностный формат взаимодействия и обсуждения личных тем. Данные результаты мы связываем с наличием явных предпочтений в выборе социальных сетей среди разных возрастных групп, что во многом может определять формат их активности посредством погружения в определенную культуру социальной сети и преобладающего в ней контента. Также юные пользователи в сравнении с другими возрастными группами отличаются меньшей потребностью в познании себя. Возможно, эти особенности объясняют предпочтение тех социальных платформ, содержание которых носит скорее развлекательный, чем образовательный характер. При этом мы не можем говорить о подтверждении заявленной гипотезы, так как данных об этом при сравнении возрастных групп получено не было.

2. Сравнение пользователей, предпочитающих разные социальные сети, показало, что, действительно, существуют характерные различия в их активности. Выявленные особенности поведения пользователей той или иной социальной сети подтверждают нашу гипотезу и свидетельствуют о том, что специфическая внутренняя культура предпочитаемой сети организует активность своих пользователей и позволяет нам формировать определенные ожидания в отношении содержания их публикаций. Интересно, что самопонимание пользователей, предпочитающих исключительно социальную сеть VK, значительно ниже, чем у пользователей двух других социальных сетей. Это можно отчасти объяснить тем, что данная социальная сеть, прежде всего направлена на развлечение и неформальное общение между пользователями, а также она наиболее предпочтительна для юных пользователей, которые находятся в процессе самопознания и личностного формирования.

3. Результаты корреляционного анализа связи одиночества и характера пользовательской активности свидетельствуют о том, что пользователи, тяжело переживающие одиночество и избегающие его, в большей мере ориентированы на частоту и позитивный эмоциональный фон публикаций, нежели на раскрытие своих глубинных переживаний и обсуждение лично значимых тем. Респонденты с актуальным переживанием одиночества и изоляции демонстрируют невысокую активность взаимодействия и в

социальной сети. Учитывая ограниченность нашей выборки (мы рассматриваем прежде всего пользователей сети Instagram) и различия культуры взаимодействия среди пользователей разных социальных платформ, необходимо расширять выборку и проверять наши предположения на других возрастных и пользовательских группах.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00516 «Транзитивное и виртуальное пространства – общность и различия».

Acknowledgements

The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation project no. 19-18-00516 “Transitive and virtual spaces – community and differences”.

Литература

Аянян, Марцинковская 2016 – *Аянян А.Н., Марцинковская Т.Д.* Социализация подростков в информационном пространстве [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. № 9 (46). С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 15 ноя. 2019).

Белинская 2013 – *Белинская Е.П.* Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 15 ноя. 2019).

Белинская, Бронин 2015 – *Белинская Е.П., Бронин И.Д.* Точность межличностного восприятия в условиях опосредованного знакомства в социальных сетях // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 91–108. doi:10.17759/sps.2015060407.

Белинская, Гавриченко 2018 – *Белинская Е.П., Гавриченко О.В.* Самопрезентация в виртуальном пространстве: феноменология и закономерности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 25 окт. 2019).

Брызгалин, Войскунский 2018 – *Брызгалин Е.А., Войскунский А.Е.* Удовлетворение потребностей посредством виртуальной реальности // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме. Материалы международной конференции / Под ред. Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко. М.: РГГУ, 2018. С. 39–42.

Голубева 2018 – *Голубева Н.А.* Феноменология межличностного и межгруппового общения современной молодежи в реальном и виртуальном пространстве [Электронный ресурс] // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 2(12). С. 45–59. doi: 10.28995/2073-6398-2018- 2-45-59.

Голубева, Марцинковская 2011 – *Голубева Н.А., Марцинковская Т.Д.* Информационная социализация: психологический подход [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2011. № 6(20). С. 2. URL: <http://psystudy.ru>. 0421100116/0061 (дата обращения 25 окт. 2019).

Гребенникова, Пархоменко 2013 – *Гребенникова О.В., Пархоменко А.Н.* Современная молодежь в информационном обществе: представления об информации и информационные предпочтения [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 25 окт. 2019).

Осин, Леонтьев 2016 – *Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.* Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО). М.: Смысл, 2016. 87 с.

Свешникова 2016 – *Свешникова Е.Н.* Адаптация в виртуальной среде как фактор творческой реализации у подростков [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 45. С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 25 окт. 2019).

Coyne et al. 2019 – *Coyne S.M., Rogers A.A., Zurcher J.D., Stockdale L., Booth M.* Does time spent using social media impact mental health? An eight year longitudinal study // *Computers in Human Behavior*. 2020. Vol. 104. doi:10.1016/j.chb.2019.106160.

Diomidous et al. 2016 – *Diomidous M., Chardalias K., Magita A., Koutonias P., Panagiotopoulou P., Mantas J.* Social and Psychological Effects of the Internet Use // *Acta Inform Med*. 2016. Vol. 24 (1). P. 66–68. doi: 10.5455/aim.2016.24.66-68.

Nowland et al. 2018 – *Nowland R., Necka E.A., Cacioppo J.T.* Loneliness and Social Internet Use: Pathways to Reconnection in a Digital World? // *Perspectives on Psychological Science*. 2018. Vol. 13(1). P. 70–87. doi: 10.1177/1745691617713052.

Ortiz-Ospina, Roser 2020 – *Ortiz-Ospina E., Roser M.* Loneliness and Social Connections. 2020. [Электронный ресурс]. Published online at OurWorldInData.org. Retrieved from: <https://ourworldindata.org/social-connections-and-loneliness> (дата обращения 25 окт. 2019).

Sutcliffe et al. 2018 – *Sutcliffe A.G., Binder J.F., Dunbar R.I.M.* Activity in social media and intimacy in social relationships // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 85. P. 227–235. ISSN 0747-5632. doi: 10.1016/j.chb.2018.03.050.

Sutcliffe et al. 2012 – *Sutcliffe A.J., Dunbar R.I.M., Binder J., Arrow H.* Relationships and the social brain: Integrating psychological and evolutionary perspectives // *British Journal of Psychology*. 2012. Vol. 103. P. 149–168. doi.org/10.1111/j.2044-8295.2011.02061.x.

Tamir, Mitchell 2012 – *Tamir D.I., Mitchell J.P.* Disclosing information about the self is intrinsically rewarding // *Proc Natl Acad Sci U S A*. 2012. no. 109(21). P. 8038–8043. doi: 10.1073/pnas.1202129109.

Yavich et al. 2019 – *Yavich R., Davidovitch N. Frenkel, Z.* Social Media and Loneliness – Forever Connected? // *Higher Education Studies*. 2019. no. 9. P. 10–21.

References

Ayanyan, A.N. and Martsinkovskaya, T.D. (2016), “Teenager’s socialization in informational space”, *Psikhologicheskie Issledovaniya*, vol. 9, no. 46, p. 8, [Online], available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 15 Nov. 2019).

Belinskaya, E.P. (2013), “Information socialization of adolescents: the experience of using social networks and psychological well-being”, *Psikhologicheskie Issledovaniya*, vol. 6, no. 30, p. 6. [Online], available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 25 Oct. 2019).

Belinskaya, E.P. and Bronin, I.D. (2015), “Accuracy of interpersonal perception in mediated contacts in social media”, *Sotsial’naya psikhologiya i obshchestvo*, vol. 6, no. 4, pp. 91–108, doi:10.17759/sps.2015060407.

Belinskaya, E.P. and Gavrichenko, O.V. (2018), "The self-presentation in virtual space: phenomenology and regularities", *Psikhologicheskie Issledovaniya*, vol. 11, no. 60, p. 12, [Online], available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 25 Oct. 2019).

Bryzgalin, E.A. and Voiskunskii, A.E. (2018), "Satisfaction of needs through virtual reality", in Martsinkovskaya, T.D., Orestova, V.R. and Gavrichenko, O.V. (eds.), *Tsifrovoe obshchestvo v kulturno-istoricheskoi paradigmat. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Digital Society in the Cultural-Historical Paradigm. Materials of the International Conference], RGGU, Moscow, Russia, p. 39–42.

Coyne, S.M., Rogers, A.A., Zurcher, J.D., Stockdale, L. and Booth, M. (2020), "Does time spent using social media impact mental health? An eight year longitudinal study", *Computers in Human Behavior*, vol. 104. doi:10.1016/j.chb.2019.106160.

Diomidous, M., Chardalias, K., Magita, A., Koutonias, P., Panagiotopoulou, P. and Mantas, J. (2016), "Social and Psychological Effects of the Internet Use", *Acta Inform Med*, vol. 24(1), pp. 66–68, doi: 10.5455/aim.2016.24.66-6.

Golubeva, N.A. (2018), "Phenomenology of interpersonal and intergroup communication of modern youth in real and virtual space", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2(12), pp. 45–59.

Golubeva, N.A. and Martsinkovskaya, T.D. (2011), "Informational socialization: the psychological approach", *Psikhologicheskie Issledovaniya*, no. 6(20), p. 2, [Online], available at: <http://psystudy.ru>. 0421100116/0061 (Accessed 25 Oct. 2019).

Grebennikova, O.V. and Parkhomenko, A.N. (2013), "Modern youth in information society: representations of information and information preferences", *Psikhologicheskie Issledovaniya*, vol. 6, no. 30, p. 8, [Online], available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 25 Oct. 2019).

Nowland, R., Necka, E.A. and Cacioppo, J.T. (2018), "Loneliness and Social Internet Use: Pathways to Reconnection in a Digital World?", *Perspectives on Psychological Science*, vol. 13(1), pp. 70–87, doi: 10.1177/1745691617713052.

Osin, E.N. and Leont'ev, D.A. (2016), *Differentsial'nyi oprosnik perezhivaniya odinochestva (DOPO)* [Loneliness differential questionnaire (DOPO)], Smysl, Moscow, Russia. 87 p.

Sutcliffe, A.G., Binder, J.F. and Dunbar, R.I.M. (2018), "Activity in social media and intimacy in social relationships", *Computers in Human Behavior*, vol. 85, pp. 227–235, ISSN 0747-5632, doi: 10.1016/j.chb.2018.03.050.

Sutcliffe, A.J., Dunbar, R.I.M., Binder, J. and Arrow, H. (2012), "Relationships and the social brain: Integrating psychological and evolutionary perspectives", *British Journal of Psychology*, vol. 103, pp. 149–168, doi.org/10.1111/j.2044-8295.2011.02061.x.

Sveshnikova, E.N. (2016), "Adaptation in the virtual space as a factor of creative realization of adolescents", *Psikhologicheskie Issledovaniya*, vol. 9, no. 45, p. 4, [Online], available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 28 Oct. 2019).

Tamir, D.I. and Mitchell, J.P. (2012), "Disclosing information about the self is intrinsically rewarding", *Proc Natl Acad Sci U S A*, no. 109 (21), pp. 8038–8043, [Online], available at: doi: 10.1073/pnas.1202129109 (Accessed 5 Nov. 2019).

Yavich, R., Davidovitch, N. and Frenkel, Z. (2019), "Social Media and Loneliness – Forever Connected?", *Higher Education Studies*, no. 9, pp. 10–21.

Информация об авторах

Василиса Р. Орестова, доктор психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; *v.r.orestova@gmail.com*

Дарья П. Ткаченко, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; *bigbro-littlebro@yandex.ru*

Анна А. Соколова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; *sokolova.anyuta@gmail.com*

Information about the author

Vasilisa R. Orestova, Dr. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; *v.r.orestova@gmail.com*

Daria P. Tkachenko, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; *bigbro-littlebro@yandex.ru*

Anna A. Sokolova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; *sokolova.anyuta@gmail.com*

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-54-69

Оценка коротких интервалов времени при нормальном старении и депрессиях позднего возраста

Елена Ю. Балашова⁴

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Психологический институт РАО,
Научный центр психического здоровья,
Москва, Россия, elbalashova@yandex.ru*

Ли́ка И. Микела́дзе

*Российский национальный исследовательский медицинский
университет имени Н.И. Пирогова,
Москва, Россия, lika.mikeladze@gmail.com*

Елена К. Козлова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, lena_adler@mail.ru*

Аннотация. В работе проведен сравнительный анализ характеристик оценок коротких интервалов времени при нормальном старении и при депрессиях позднего возраста. В исследовании добровольно приняли участие 188 психически здоровых лиц позднего возраста ($59 \pm 8,6$ лет) и 115 больных депрессиями ($64 \pm 8,3$ года). Участники исследования оценивали длительность четырех интервалов (10, 5, 15, 10 секунд) между двумя щелчками секундомера, а затем повторную оценку интервала 10 секунд. Качественный и количественный анализ результатов с использованием современных методов статистической обработки данных позволил выявить следующее. При нормальном старении характер оценок интервалов связан с образовательным уровнем и социальным статусом (продолжением профессиональной деятельности). Результаты повторной оценки интервала 10 секунд лучше по сравнению с первоначальной оценкой, но различия не достигают статистической значимости. При депрессиях позднего возраста по сравнению с нормой отмечается уменьшение количества точных оценок, увеличение частоты переоценок. В группе депрессивных больных не выявлено различий в качестве оценок интервалов времени у пациентов с разным образовательным уровнем и социальным статусом; в этой группе результаты повторной оценки интервала 10 секунд хуже, чем первоначальной. Качество оценок коротких интервалов

⁴ © Балашова Е.Ю., Микеладзе Л.И., Козлова Е.К., 2020

времени может быть связано с типом течения депрессии и обширностью мозговой дисфункции (по данным нейропсихологического обследования).

Ключевые слова: восприятие времени, нормальное старение, депрессия, нейропсихология

Для цитирования: Балашова Е.Ю., Микеладзе Л.И., Козлова Е.К. Оценка коротких интервалов времени при нормальном старении и депрессиях позднего возраста // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 2. С. 54-69. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-54-69

Evaluation of short time intervals in normal aging and late-life depressions

Elena Yu. Balashova

*Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia,
Psychological institute of Russian academy of education,
Mental Health Research center,
Moscow, Russia, elbalashova@yandex.ru*

Lika I. Mikeladze

*Russian national research medical N. I. Pirogov University,
Moscow, Russia, lika.mikeladze@gmail.com*

Elena K. Kozlova

*Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia,
Moscow, Russia, lena_adler@mail.ru*

Abstract. In this paper a comparative analysis of the characteristics of estimating of short time intervals in normal aging and in late-age depressions is carried out. The study voluntarily involved 188 mentally healthy persons of late age (59 ± 8.6 years) and 115 patients with depression (64 ± 8.3 years). The study participants evaluated the duration of four intervals (10, 5, 15, 10 seconds) between two clicks of the stopwatch, including re-evaluating the 10-second interval. Qualitative and quantitative analysis of the results using modern methods of statistical data processing has revealed the following. In normal aging, the character of interval scores is related to educational level and social status (continuing professional activity). The results of re-evaluating the 10-second interval are better than the original estimate, but the differences do not reach statistical significance. In late-age depressions, compared with the norm, there is a decrease of the number of accurate

estimates, an increase of the frequency of overvaluations. In the group of depressive patients, there were no differences in the quality of estimates of time intervals of patients with different educational levels and social status; in this group, the results of repeated evaluation of the interval of 10 seconds are worse than the initial one. The quality of estimates of short time intervals may be related to the type of course of depression and the extent of brain dysfunction (according to neuropsychological examination).

Keywords: time perception, normal aging, depression, neuropsychology

For citation: Balashova, E.Yu., Mikeladze, L.I. and Kozlova, E.K. (2020), "Evaluation of short time intervals in normal aging and late-life depressions", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogy. Education" Series*, no 2, pp. 54-69. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-54-69

Введение

В последние десятилетия многие исследователи отмечают рост частоты психических расстройств в позднем возрасте, в частности, депрессий [Руководство по гериатрической психиатрии 2020]. Их распространенность в пожилом возрасте более чем в два раза, превышает показатели молодого и среднего возраста. Депрессии становятся причиной снижения качества жизни пожилых людей, усугубляют течение соматических болезней, повышают риск социальной изоляции. Особый интерес представляет исследование когнитивных нарушений и изменений психических функций при поздних депрессиях, так как они играют роль в хронификации заболевания с ухудшением прогноза и в повышении риска возникновения проявлений мнестико-интеллектуального снижения [Ряховский 2011]. Кроме того, одной из наиболее распространенных гипотез этиологии депрессии является гипотеза десинхроноза, основным проявлением которого, наряду с нарушением цикла «сон-бодрствование» и сезонных ритмов, является изменение ряда характеристик восприятия времени [Симуткин 2000].

В современной психологической науке восприятие времени рассматривается как сложная психическая функция, включающая в себя ориентировку во времени; оценку, отмеривание, воспроизведение и сравнение длительностей; понимание последовательности и одновременности событий; переживание времени, в частности, временную перспективу личности. Основной задачей данной функциональной системы психики является гармоничное развертывание во времени психической деятельности и поведения [Микеладзе 2016; Балашова 2016]. Сравнение качества оценки коротких интервалов времени у больных депрессиями и у психически

здоровых лиц позднего возраста позволит уточнить представления о работе мозговых зон, обеспечивающих этот аспект восприятия времени. Кроме того, оно даст возможность определить факторы, влияющие на характер таких оценок, а также психологические закономерности динамики точности оценок временных интервалов в ситуации однократного и повторного тестирования.

С увеличением возраста восприятие времени существенно меняется. У лиц старшего возраста в сравнении с молодыми людьми происходит уменьшение точности в отмеривании субъективной минуты и в оценке «пустых», незаполненных деятельностью временных интервалов [Handbook of the psychology of aging 1985; Carrasco et al. 2001; Балашова, Портнова 2006]. Эти виды отсчета времени в наибольшей степени связаны с активностью т.н. «ритмозадающих» нейронных ансамблей подкорковых структур [Hazeltine et al. 1997; Ivry, Spencer 2004]. Данные изменения восприятия времени в первую очередь связаны с перестройкой мозгового функционирования в процессе старения, которая затрагивает, прежде всего, подкорковые и срединные структуры мозга [Корсакова, Московичюте 2018]. В то же время психически здоровые лица пожилого возраста лучше молодых справляются с оценкой более длительных и заполненных деятельностью промежутков времени. В данном случае большую роль играет жизненный опыт конкретного человека, его навыки и умения [Микеладзе 2016].

Еще одной особенностью возрастных изменений в восприятии времени является ускорение темпа течения субъективного времени. У пожилых людей происходит замедление темпа протекания многих психических процессов, и они часто субъективно воспринимают эти изменения как ощущение того, что время «летит очень быстро». При этом пожилые люди часто неспособны определить, насколько точно они оценивают временные интервалы. В оценке времени жизни в целом молодые люди оказываются в большей степени ориентированными на будущее и более позитивно относятся к настоящему, тогда как у людей пожилых возникает так называемый «сдвиг в прошлое». У них может наблюдаться некоторое снижение эмоционального фона и рост депрессивных тенденций.

При депрессиях позднего возраста происходит ряд серьезных изменений в восприятии времени по сравнению с нормальным старением. Согласно исследованию Л.И. Микеладзе, в восприятии времени при поздних депрессиях можно выделить несколько важных особенностей [Микеладзе 2016]. Если у психически здоровых лиц старшего возраста обнаруживается проспективная переоценка коротких интервалов и недоотмеривание субъективной минуты, то у пациентов с депрессиями эти тенденции усиливаются, как и тенденция к ретроспективной недооценке текущего времени и про-

должительности психологического обследования. У пациентов позднего возраста с депрессивными расстройствами усиливается свойственное пожилым людям ощущение ускоренности или замедленности времени в определенных ситуациях [Микеладзе 2016]. При поздних депрессиях снижается точность оценок, нарушается их согласованность между собой. Соотношение субъективного ощущения течения времени и точности оценивания временных интервалов у пожилых пациентов с депрессиями противоположно тому соотношению, которое можно увидеть при нормальном старении. У депрессивных пациентов, в отличие от здоровых лиц позднего возраста, не происходит улучшения оценивания заполненных деятельностью интервалов времени.

Характеристика участников исследования

В исследовании добровольно приняли участие 188 условно психически здоровых лиц позднего возраста (50 и более лет). Их средний возраст составил $59 \pm 8,6$ лет. В контрольной группе было 67 мужчин и 121 женщина (36% и 64% соответственно); 123 человека имели высшее или неоконченное высшее образование, а 56 человек – среднее или среднее специальное (65% и 35% соответственно). Количество работающих участников исследования позднего возраста составило 132 человека (70%), количество неработающих и/или находящихся на пенсии – 56 человек (30%). Большинство участников контрольной группы (90%) были праворукими.

Клиническая группа состояла из 115 больных позднего возраста (50 и более лет) с различными видами депрессивных расстройств, проходивших стационарное лечение в клинике ФГБНУ «НЦПЗ». Средний возраст пациентов был равен $64 \pm 8,3$ года. Количество мужчин в клинической группе составило 63 человека (55%), количество женщин – 52 человека (45%). 74 пациента (64%) имели высшее или неоконченное высшее образование, 41 (36%) – среднее или среднее специальное образование. Количество работающих лиц – 22 человека (19%), неработающих или находящихся на пенсии – 93 человека (81%). Большинство участников клинической группы (90%) были праворукими.

В группе были представлены больные с разными вариантами клинических диагнозов: депрессивный эпизод – 17 человек (15%), рекуррентное депрессивное расстройство – 54 человека (47%), биполярное аффективное расстройство – 32 человека (28%), другие диагнозы – 12 человек (10%). Большинство пациентов клинической группы были обследованы при помощи МРТ головного мозга (77%).

Для анализа возрастной динамики оценки участниками исследования коротких интервалов времени контрольная и клиническая

группы были разделены на несколько подгрупп по возрасту: 50-59 лет; 60-69 лет; 70-90 лет.

Методики эмпирического исследования

С целью выявления особенностей временной перцепции при нормальном старении и при депрессиях позднего возраста всем участникам исследования были предложены задания на оценку коротких интервалов времени. Им предлагалось оценить длительность четырех коротких временных интервалов между двумя щелчками секундомера, включая повторную оценку (ретест) интервала 10 секунд, и дать экспериментатору вербальный отчет о предполагаемой длительности каждого интервала. Они предъявлялись в следующей последовательности: 10, 5, 15, 10 секунд [Балашова, Ковязина 2013]. Обратная связь относительно точности оценивания интервалов в процессе проведения методики не предусматривалась.

Методы анализа

Проводился качественный и количественный анализ полученных результатов. Для анализа и статистической обработки данных использовались программы «IBM SPSS Statistics» (Версия 23), Microsoft Office 2010 (Excel, Word), «1С: Предприятие 8.3. Конфигурация: оценка коротких интервалов времени» (для сбора, хранения и обработки данных, формирования отчетов и диаграмм). Для соотнесения полученного распределения с нормальным распределением применялся одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова. Для вычисления значимости различий использовался U-тест Манна-Уитни.

Результаты

При проведении исследования были получены следующие результаты.

Таблица 1

Оценки коротких интервалов времени контрольной и клинической группами
(100% – все оценки, выполненные участниками определенной группы)

Группа	Всего человек	Всего субтестов	Точные оценки		Недооценки		Переоценки	
			Всего	%	Всего	%	Всего	%
Контрольная	188	752	169	22	175	23	408	55
Клиническая	115	460	78	17	60	13	322	70

Таблица 2

Погрешность (%) при оценке коротких интервалов времени у испытуемых контрольной и клинической групп (100% – величина предъявляемого интервала)

Группа	10 сек (1)	5 сек	15 сек	10 сек (2)
Контрольная	43	45	32	36
Клиническая	44	60	41	46

Клиническая группа в сравнении с психически здоровыми лицами позднего возраста показала значимо больший процент переоценок ($p = 0,001$), значимо меньший процент недооценок ($p = 0,001$), меньший процент точных оценок ($p = 0,083$ – тенденция, близкая к статистической значимости) (см. табл. 1).

В отличие от здоровых лиц позднего возраста, возрастная динамика процента переоценок, недооценок и точных оценок у участников клинической группы носила нелинейный характер (см. табл. 3)

Таблица 3

Соотношение точных оценок, недооценок и переоценок интервалов в клинической группе (100% – все оценки в соответствующей возрастной подгруппе)

Возраст	Всего больных	Всего субтестов	Точные оценки		Недооценки		Переоценки	
			Всего	%	Всего	%	Всего	%
50-59 лет	38	152	30	20	19	12	103	68
60-69 лет	45	180	25	14	20	11	135	75
70-90 лет	32	128	23	18	21	16	84	66

Таблица 4

Погрешность (%) при оценке коротких интервалов времени в разных возрастных подгруппах клинической группы (100% – величина предъявляемого интервала)

Возраст	10 сек (1)	5 сек	15 сек	10 сек (2)
50-59 лет	39	64	36	43
60-69 лет	44	60	45	46
70-90 лет	49	54	41	48

Таблица 5

Количество и процент точных оценок при первоначальном и повторном предъявлении интервала 10 секунд в контрольной и клинической группах
(100% – число участников в определенной группе)

Группа	Всего человек	Количество точных оценок		Процент точных оценок	
		10 сек (1)	10 сек (2)	10 сек (1)	10 сек (2)
Контрольная	188	42	44	22	23
Клиническая	115	19	21	17	18

Участники клинической группы показали большую величину погрешности при оценках всех предложенных интервалов (см. табл. 2). Для интервала 15 секунд различия достигали статистической значимости ($p = 0,009$). Интересно, что клиническая группа продемонстрировала худшие результаты при ретесте десятисекундного интервала по сравнению с его первым предъявлением, тогда как у здоровых лиц позднего возраста этот показатель при повторном тестировании улучшался (см. табл. 4). Количество точных оценок при ретесте незначительно увеличивалось в обеих группах (см. табл. 5). У пациентов клинической группы ухудшение результатов при ретесте было наиболее выражено в подгруппе 50-59 лет, чуть менее выражено в подгруппе 60-69 лет, а в подгруппе 70 лет и старше наблюдалось незначительное улучшение результатов при ретесте интервала 10 секунд (см. табл. 4). У здоровых лиц 50-59 лет отмечалось наибольшее улучшение результатов при ретесте интервала 10 секунд. По мере увеличения возраста выраженность такого улучшения снижалась; оно исчезало у лиц 70-90 лет. Различия между первоначальным тестированием и ретестом не достигали статистической значимости. Таким образом, в клинической группе наблюдалось противоположное по сравнению с контрольной группой качество ретеста десятисекундного интервала. В обеих группах различия наиболее выражены в 50-59 лет и практически исчезают у лиц 70-90 лет.

В исследовании были проанализированы различия в оценке коротких интервалов времени у больных депрессиями с разными клиническими диагнозами. Наилучшие результаты оценки коротких интервалов времени продемонстрировали пациенты с биполярным аффективным расстройством. Они также имели значимо меньший по сравнению с пациентами с другими вариантами течения депрессий процент переоценок ($p = 0,048$ для диагноза

«депрессивный эпизод», $p = 0,015$ для диагноза «рекуррентное депрессивное расстройство»), который равен проценту переоценок в контрольной группе. Пациенты с биполярным аффективным расстройством имели значимо больший по сравнению с другими вариантами диагнозов процент точных оценок ($p = 0,05$ для диагноза «депрессивный эпизод», $p = 0,253$ для диагноза «рекуррентное депрессивное расстройство») и значимо больший по сравнению пациентами, которым был поставлен диагноз «рекуррентное депрессивное расстройство», процент недооценок ($p = 0,272$ для диагноза «депрессивный эпизод», $p = 0,006$ для диагноза «рекуррентное депрессивное расстройство»). Пациенты с биполярным аффективным расстройством оказались единственной подгруппой, у которой результаты повторного тестирования интервала 10 секунд были лучше, чем первая оценка данного интервала. Такая динамика оценок аналогична динамике, наблюдаемой у здоровых лиц позднего возраста.

Также были проанализированы различия в оценке коротких интервалов времени у пациентов с разными результатами МРТ или КТ головного мозга. Были выделены две основные подгруппы: пациенты, у которых имеется наружная и/или внутренняя сообщающаяся гидроцефалия и отсутствуют очаги сосудистой природы, а также пациенты, у которых гидроцефалия сочетается с сосудистыми очаговыми изменениями мозгового вещества. Во второй подгруппе больных наблюдается ухудшение результатов при повторной оценке интервала 10 секунд, тогда как в первой подгруппе такой закономерности не отмечено.

В исследовании были проанализированы и различия в характере оценки коротких интервалов времени у пациентов с разной локализацией мозговых дисфункций, выявленных в ходе нейропсихологического обследования. Дисфункции могли затрагивать подкорковые структуры, подкорковые структуры и передние отделы мозга, подкорковые структуры и задние отделы мозга, подкорковые структуры, задние и передние отделы мозга. Наихудшие результаты оценивания коротких интервалов времени продемонстрировали пациенты с обширной мозговой дисфункцией.

Какие еще факторы могут влиять на качество оценивания временных интервалов? Вероятно, это социальный статус участников исследования, характер их мануальных предпочтений, образовательный уровень, пол. Вот что показывает более детальный анализ.

В обеих группах неработающие или находящиеся на пенсии лица чаще, чем продолжающие трудовую деятельность, переоценивали интервалы, реже давали точные оценки и недооценки. В контрольной группе различия в частоте переоценок и точных оценок были статистически значимы ($p = 0,031$ и $p = 0,012$ соответствен-

но). В клинической группе различия не достигали статистической значимости. В группе здоровых лиц находящиеся на пенсии участники демонстрировали больший процент погрешности по всем интервалам. Различия были статистически значимы ($p = 0,047$ для 10 секунд (1), $p = 0,199$ для 5 секунд, $p = 0,029$ для 15 секунд, $p = 0,007$ для 10 секунд (2)). В группе пациентов с депрессиями таких различий не обнаружено.

В контрольной группе лица с леворукостью имели больший в сравнении с праворукими и амбидекстрами процент переоценок и больший процент точных оценок. В клинической группе лица с леворукостью имели меньший в сравнении с праворукими лицами и амбидекстрами процент переоценок. В контрольной группе лица с леворукостью имели наименьший процент погрешности при оценках всех интервалов; в клинической группе этих различий нет. Следует отметить, что выявленные различия не имеют статистической значимости ни в одной из групп.

И в контрольной, и в клинической группе женщины демонстрировали больший процент переоценок и меньший процент недооценок. Различия в частоте недооценок были статистически значимы в контрольной группе ($p = 0,049$); близки к статистической значимости в клинической группе ($p = 0,059$).

В контрольной группе лица с высшим образованием демонстрировали больший, в сравнении с лицами со средним образованием, процент переоценок ($p = 0,009$), меньший процент точных оценок ($p = 0,081$) и недооценок ($p = 0,052$). В клинической группе значимых различий не обнаружено. В контрольной группе при оценке всех интервалов лица с высшим образованием демонстрировали значимо меньший, в сравнении с лицами со средним образованием, процент погрешности ($p = 0,001$ для 10 секунд (1), $p = 0,003$ для 5 секунд, $p = 0,002$ для 15 секунд, $p = 0,003$ для 10 секунд (2)). В клинической группе подобных различий не обнаружено.

Обсуждение результатов

В проведенном исследовании был выявлен ряд особенностей восприятия коротких интервалов времени условно психически здоровыми лицами позднего возраста и больными той же возрастной категории, страдающими различными видами депрессивных расстройств. Были обнаружены общие закономерности и различия временной перцепции в разных возрастных группах, сходства и различия в восприятии времени при нормальном старении и при депрессиях позднего возраста, факторы, влияющие на качество оценки коротких интервалов времени в норме и патологии.

Все принимавшие участие в исследовании продемонстрировали склонность к переоценке предъявляемых интервалов времени.

Это, по всей видимости, является общей закономерностью восприятия коротких «пустых» (т.е. незаполненных какой-либо деятельностью) временных интервалов на разных этапах онтогенеза.

Оказалось, что у здоровых лиц с увеличением возраста возрастает склонность к переоценке временных интервалов, а точность оценок падает. При переходе от одной подгруппы лиц позднего возраста к другой увеличивается количество переоценок предъявляемых временных интервалов, уменьшается количество точных ответов, возрастает процент погрешности при переоценках и недооценках. Такая тенденция соответствует общим закономерностям позднего онтогенеза, согласно которым при нормальном старении проявляется ускорение субъективного течения времени, а также снижаются некоторые аспекты когнитивного функционирования [Балашова, Микеладзе 2013]. Ухудшение временной перцепции в позднем возрасте может быть связано с изменениями в функционировании подкорковых структур и правого полушария [Старение мозга 1991; Корсакова 1996].

Во всех возрастных подгруппах здоровых лиц (кроме подгруппы 70-90 лет) точность оценки интервала 10 секунд увеличивалась при повторном тестировании. Этот интересный факт может свидетельствовать о постепенном «включении в задание», о ресурсе адаптации к ситуации оценивания, о сохранности мотивационного обеспечения деятельности.

Все здоровые лица с высшим образованием демонстрируют большую точность оценок временных интервалов, большее количество точных ответов и меньшую склонность к переоценкам, чем испытуемые со средним образованием. Таким образом, образовательный фактор оказывает влияние на качество временной перцепции (вероятно, и функционирования когнитивной сферы в целом).

У здоровых лиц позднего возраста наблюдается взаимосвязь качества временной перцепции и социального статуса. Продолжающие трудовую деятельность лица демонстрируют более высокую точность оценивания временных интервалов, большее количество точных оценок и меньшую склонность к переоценкам, чем неработающие или находящиеся на пенсии. Возможно, активная деятельность и включенность в социальную жизнь оказывают положительное влияние на сохранность когнитивного функционирования. Не исключено, что сам уровень когнитивного функционирования (включая восприятие времени) обуславливает способность лиц старшего возраста к продолжению периода профессиональной активности.

В исследовании были выявлены определенные гендерные различия при восприятии времени в норме. При практически одинаковом количестве правильных ответов женщины демонстрируют

большую склонность к переоценке временных интервалов и несколько большую погрешность при переоценках и недооценках. Эти данные говорят об ускоренном течении времени у женщин. Существуют данные о более высокой тревожности у женщин, что может влиять на восприятие времени [Кулешова, Балашова 2010]. Возможно, гендерные различия окажутся еще более значительными, если проанализировать другие аспекты восприятия времени.

Депрессивные расстройства существенно меняют когнитивное функционирование. Есть исследования, согласно которым при депрессиях ухудшаются память, внимание и другие психические функции [Концевой и др. 1997; Зарудная, Балашова 2018]. При депрессиях изменяется ощущение субъективного течения времени, нарушается характер временной перспективы [Балашова, Микеладзе 2015]. Наше исследование показало, что при депрессиях позднего возраста действительно происходит изменение временной перцепции, в частности, нарушается оценивание длительности коротких интервалов времени. У пациентов позднего возраста с депрессиями (по сравнению с контрольной группой) наблюдается существенное увеличение количества переоценок временных интервалов и процента погрешности при переоценках и недооценках, снижается количество точных оценок. Вероятно, депрессии представляют собой вариант ускоренного старения. Кроме того, при поздних депрессиях нейропсихологическое обследование выявляет множество симптомов дисфункции подкорковых структур мозга, которые принимают участие в восприятии времени.

Интересно, что при депрессиях не наблюдается такого же линейного нарастания особенностей временной перцепции с увеличением возраста, которое можно увидеть у здоровых лиц. Очевидно, что тяжесть и характер течения депрессивных расстройств оказываются более значимыми факторами, чем хронологический возраст. У пациентов с депрессиями не обнаруживаются значимых различий между подгруппами, сформированными по уровню образования и социальному статусу. Наблюдаются слабо выраженные различия, которые подчиняются тем же закономерностям, что и у здоровых лиц. Влияние болезни как бы «нивелирует» вклад полученного в молодости образования. Возможно, это связано с мотивационными нарушениями, наблюдаемыми при депрессии, что делает неактуальным для самих больных исследование некоторых аспектов когнитивной сферы. Не стоит забывать и о снижении уровня функционирования подкорковых структур. У пациентов позднего возраста с депрессиями наблюдаются аналогичные здоровым лицам гендерные различия, однако они менее выражены и не достигают статистической значимости.

Восприятие коротких интервалов времени различно у паци-

ентов с разными вариантами клинических диагнозов. Пациенты с биполярным аффективным расстройством демонстрируют наименьший процент погрешности при оценке интервалов и наименьшую склонность к переоценкам. Эти результаты еще нуждаются в осмыслении и клиническом анализе.

Представляется вполне закономерным, что пациенты с обширной мозговой дисфункцией, выявляемой в ходе нейропсихологического обследования, демонстрируют худшие показатели оценки коротких временных интервалов. Заслуживает внимания тот факт, что значимых различий у пациентов с разными показателями МРТ или КТ головного мозга выявлено не было. Это может быть свидетельством того, что нейропсихологический синдромный подход в некотором смысле является более тонким инструментом анализа мозговых механизмов восприятия времени.

У больных депрессиями наблюдаются иные результаты повторной оценки интервала 10 секунд, чем у здоровых лиц. Вероятно, в норме присутствует некий психологический механизм, который позволяет даже вне ситуации обратной связи стремиться к достижению оптимальных результатов, адаптироваться к заданию и улучшать его выполнение [Московичюте, Голод 1989]. У депрессивных пациентов этот механизм дает сбой. Возможно, это связано с истощаемостью или с низким мотивационным обеспечением деятельности. Присутствующее у здоровых лиц бессознательное стремление улучшать свои результаты в ходе повторного тестирования у депрессивных пациентов выражено значительно слабее.

Дальнейшее исследование разных аспектов временной перцепции при нормальном старении и у пациентов с различными видами депрессивных расстройств представляет несомненный интерес: оно позволит расширить наши представления о психологических механизмах старения.

Литература

Балашова 2016 – *Балашова Е.Ю.* Опосредование и саморегуляция психической деятельности при нормальном старении и аффективных расстройствах позднего возраста (на примере памяти и восприятия времени) [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 31 мая 2020).

Балашова, Ковязина 2013 – *Балашова Е.Ю., Ковязина М.С.* Нейропсихологическая диагностика в вопросах и ответах. М.: Генезис, 2013. 240 с.

Балашова, Микеладзе 2013 – *Балашова Е.Ю., Микеладзе Л.И.* Возрастные различия в восприятии и переживании времени [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 31 мая 2020).

Балашова, Микеладзе 2015 – *Балашова Е.Ю., Микеладзе Л.И.* Особенности времен-

ной перспективы при нормальном старении и депрессиях позднего возраста [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 39. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 31 мая 2020).

Балашова, Портнова 2006 – *Балашова Е.Ю., Портнова Г.В.* Возрастные особенности психического отражения времени // Психология зрелости и старения. 2006. №3. С. 5–23.

Зарудная, Балашова 2018 – *Зарудная Е.А., Балашова Е.Ю.* Вербальная память в позднем онтогенезе: нормальное старение и депрессии позднего возраста [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 57. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 31 мая 2020).

Концевой и др. 1997 – *Концевой В.А., Медведев А.В., Яковлева О.Б.* Депрессии и старение. Депрессии и коморбидные расстройства // Журнал невропатологии и психиатрии. 1997. Т. 2. № 49. С. 114–122.

Корсакова 1996 – *Корсакова Н.К.* Нейропсихология позднего возраста: обоснование концепции и прикладные аспекты // Вестник Моск. ун-та. Серия 14. Психология. 1996. № 2. С. 32–37.

Корсакова, Московичюте 2018 – *Корсакова Н.К., Московичюте Л.И.* Клиническая нейропсихология. М.: Юрайт, 2018. 165 с.

Кулешова, Балашова 2010 – *Кулешова М.Р., Балашова Е.Ю.* О гендерных различиях в восприятии времени // Психология в вузе. 2010. Т. 1. № 4. С. 106–115.

Микеладзе 2016 – *Микеладзе Л.И.* Восприятие времени при аффективных расстройствах в позднем возрасте. Дис. ... канд. психол. наук. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2016. 171 с.

Московичюте, Голод 1989 – *Московичюте Л.И., Голод В.И.* Повторное тестирование: изменение мозговой организации психических функций в процессе научения // Новые методы нейропсихологического исследования / Под ред. Е.Д. Хомской и др. М.: Институт психологии АН СССР, 1989. С. 129–136.

Руководство по гериатрической психиатрии 2020 – Руководство по гериатрической психиатрии / Под ред. С.И. Гавриловой. М.: МЕДпресс-информ, 2020. 440 с.

Ряховский 2011 – *Ряховский В.В.* Ближайшие исходы депрессии у лиц в инволюционном и позднем возрасте. Дис. ... канд. мед. наук. Научный центр психического здоровья, 2011. 210 с.

Старение мозга 1991 – Старение мозга / Под ред. В.В. Фролькиса. Л.: Наука, 1991. 277 с.

Симуткин 2000 – *Симуткин Г.Г.* Искажение индивидуального времени как проявление десинхронизации при сезонных аффективных расстройствах // Социальная и клиническая психиатрия. 2000. Т. 10. № 3. С. 16–20.

Carrasco et al. 2001 – *Carrasco M.C., Bernal M.C., Redolat R.* Time estimation and aging: A comparison between young and elderly adults // International Journal of Aging and Human Development. 2001. Vol. 52. no. 2. P. 91–101.

Handbook of the psychology of aging 1985 – Handbook of the psychology of aging / Ed. by J.E. Birren, K.W. Schaie. New York: Van Nostrand Reinhold, 1985. 931 p.

Hazeltine et al. 1997 – *Hazeltine E., Helmut L.L., Ivry R.* Neural mechanisms of timing // Trends in Cognitive Sciences. 1997. no. 1. P. 163–169.

Ivry, Spencer 2004 – *Ivry R.B., Spencer R.M.C.* The neural representation of time // Current Opinion in Neurobiology. 2004. no. 14. P. 225–232.

References

- Balashova, E.Yu. (2016), "Mediation and self-regulation of mental activity in normal aging and affective disorders of late age (on the example of memory and perception of time)", *Psikhologicheskie issledovaniya* [Electronic], vol. 9, no. 46, p. 2, available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 31 May 2020).
- Balashova, E.Yu. and Kovyazina, M.S. (2013), *Neiropsikhologicheskaya diagnostika v voprosakh i otvetakh* [Neuropsychological diagnostics in questions and answers], Genesis, Moscow, Russia. 240 p.
- Balashova, E.Yu. and Mikeladze, L.I. (2013), "Age differences in the perception and experience of time", *Psikhologicheskie issledovaniya* [Electronic], vol. 6, no. 30, p. 9, available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 31 May 2020).
- Balashova, E.Yu. and Mikeladze, L.I. (2015), "Features of the time perspective in normal aging and late-life depressions", *Psikhologicheskie issledovaniya* [Electronic], vol. 8, no. 39, p. 3, available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 31 May 2020).
- Balashova, E.Yu. and Portnova, G.V. (2006), "Age-related features of mental reflection of time", *Psikhologiya zrelosti i stareniya*, no. 3, pp. 5–23.
- Birren, J.E. and Schaie, K.W. (eds.) (1985), *Handbook of the psychology of aging*, Van Nostrand Reinhold, New York, USA.
- Carrasco, M.C., Bernal, M.C. and Redolat, R. (2001), "Time estimation and aging: A comparison between young and elderly adults", *International Journal of Aging and Human Development*, vol. 52, no. 2, pp. 91–101.
- Frolkis, V.V. (ed.) (1991), *Starenie mozga* [Aging of the brain], Nauka, Leningrad, Russia.
- Gavrilova, S.I. (ed.) (2020), *Rukovodstvo po geriatricheskoi psikiatrii* [Guide to geriatric psychiatry], Medpress-inform, Moscow, Russia.
- Hazeltine, E., Helmuth, L.L. and Ivry, R. (1997), "Neural mechanisms of timing", *Trends in Cognitive Sciences*, no. 1, pp. 163–169.
- Ivry, R.B. and Spencer, R.M.C. (2004), "The neural representation of time", *Current Opinion in Neurobiology*, no. 14, pp. 225–232.
- Kontsevoy, V.A., Medvedev, A.V. and Yakovleva, O.B. (1997), "Depressions and aging. Depressions and comorbid disorders", *Zhurnal nevropatologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova*, vol. 2, no. 49, pp. 114–122.
- Korsakova, N.K. (1996), "Late-life Neuropsychology: substantiation of the concept and applied aspects", *Vestnik Mosk. un-ta, Seriya 14, Psikhologiya*, no. 2, pp. 32–37.
- Korsakova, N.K. and Moscovichute, L.I. (2018), *Klinicheskaya neiropsikhologiya* [Clinical neuropsychology], Yurayt, Moscow, Russia. 165 p.
- Kuleshova, M.R. and Balashova, E.Y. (2010), "About gender differences in the perception of time", *Psikhologiya v vuze*, vol. 1, no. 4, pp. 106–115.
- Mikeladze, L.I. (2016), Perception of time in affective disorders at a late age, Ph.D. Thesis, Psychology, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia. 171 p.
- Moscovichute, L.I. and Golod, V.I. (1989), "Re-testing: changes in cerebral organization of mental functions in the process of learning", in Chomsky, E.D. et al. (ed.), *Novye metody neiropsikhologicheskogo issledovaniya* [New methods of neuropsychological research], Institute of psychology of the USSR Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 129–136.
- Ryakhovsky, V.V. (2011), Nearest outcomes of depression in individuals in involution

and late age, M.D. Thesis, Psychiatry, Mental Health Research center, Moscow, Russia. 210 p.

Simutkin, G. (2000), "Distortion of individual time as a manifestation of desynchronosis in case of seasonal affective disorders", *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhatriya*, vol. 10, no. 3, pp. 16–20.

Zarudnaya, E.A. and Balashova, E.Yu. (2018), "Verbal memory in late ontogenesis: normal aging and late-age depression", *Psikhologicheskie issledovaniya* [Electronic], vol. 11, no. 57, p. 2, available at:<http://psystudy.ru> (Accessed 31 May 2020).

Информация об авторах

Елена Ю. Балашова, кандидат психологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9; Психологический институт РАО, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; Научный центр психического здоровья, Москва, Россия; 115522, Россия, Москва, Каширское шоссе, д. 34; elbalashova@yandex.ru

Ли́ка И. Микеладзе, кандидат психологических наук, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, ул. Островитянова, д. 1; lika.mikeladze@gmail.com

Елена К. Козлова, студентка факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9; lena_adler@mail.ru

Information about the author

Elena Yu. Balashova, Cand. of Sci. (Psychology), associate Professor, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia; 125009, Russia, Moscow, Mokhovaya street, bld. 11-9; Psychological institute of Russian academy of education, Moscow, Russia; 125009, Russia, Moscow, Mokhovaya str., bld. 9-4; Mental Health Research center, Moscow, Russia; 115522, Russia, Moscow, Kashirskoye hwy., 34; elbalashova@yandex.ru

Lika I. Mikeladze, Cand. of Sci. (Psychology), Russian national research medical N.I. Pirogov University, Moscow, Russia; 117997, Russia, Moscow, Ostrovityanova str., bld. 1; lika.mikeladze@gmail.com

Elena K. Kozlova, student of the faculty of psychology, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia; 125009, Russia, Moscow, Mokhovaya str., bld. 11-9; lena_adler@mail.ru

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-70-85

Отношение к допустимости нечестности в бизнесе у предпринимателей и не предпринимателей

Елена В. Улыбина⁵

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
Москва, Россия, eulbn@gmail.com*

Екатерина А. Вербицкая

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
Москва, Россия, katinva01@mail.ru*

Аннотация. Работа посвящена анализу вкладов веры в справедливый мир, веры в конкурентный и опасный мир и анализу ситуативных аспектов отношения к нечестности: субъективной оценке распространенности нечестности в бизнесе, возможной выгоде, возможному наказанию и возможному ущербу для окружающих от нечестности, оценке допустимости нечестности в бизнесе. В исследовании, направленном на проверку гипотезы о различии уровня субъективной оценки допустимости нечестности и различии структуры вкладов рассмотренных предикторов в субъективную оценку допустимости нечестности, принимали участие 102 человека, из них 50 предпринимателей, средний возраст 24,5, заполнявших анкету онлайн. Анализ результатов показал отсутствие различий в уровне принятия нечестности у предпринимателей и не предпринимателей, но в то же время различие структуры вкладов рассмотренных предикторов в субъективное согласие с допустимостью нечестности. У предпринимателей допустимость нечестности определяется только верой в конкурентный мир и, с обратным знаком и низким уровнем значимости, возможным ущербом от нечестности для окружающих. У не предпринимателей субъективная оценка допустимости нечестности в бизнесе обусловлена только представлением о ее распространенности, несколько снижаясь с возрастом. Ни возможная выгода от нечестности, ни риск наказания не вносят значимого вклада в оценку приемлемости нечестности в бизнесе ни у предпринимателей, ни у не предпринимателей. Полученные результаты согласуются с данными других исследователей о вкладе культурного контекста в фактическую нечестность респондентов.

Ключевые слова: нечестность, бизнес, социальные верования, вера в справедливый мир, вера в конкурентный мир, вера в опасный мир

⁵ © Улыбина Е.В., Вербицкая Е.А., 2020

Для цитирования: Улыбина Е.В., Вербицкая Е.А. Отношение к допустимости нечестности в бизнесе у предпринимателей и не предпринимателей // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 2. С.70-85. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-70-85

Attitude to the admissibility of dishonesty in business among entrepreneurs and non-entrepreneurs

Elena V. Ulybina

*Russian Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russia, evulbn@gmail.com*

Ekaterina A. Verbitskaya

*Russian Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia, katrinva01@mail.ru*

Abstract. The work analyzes the contribution of faith in a fair world, faith in a competitive and dangerous world, and situational aspects of attitudes to dishonesty: subjective assessment of the prevalence of dishonesty in business, possible benefits, possible punishment, and possible damage to others from dishonesty in assessing the permissibility of dishonesty in business. The research that aimed at testing the hypothesis about the difference in the level of subjective assessment of the admissibility of dishonesty and the difference in the structure of the contributions of the considered predictors to the subjective assessment of the admissibility of dishonesty in entrepreneurs and non-entrepreneurs involved 102 people including 50 entrepreneurs, with the average age of 24.5, who filled out an online questionnaire. The analysis of the results showed no differences in the level of acceptance of dishonesty among entrepreneurs and non-entrepreneurs, and the difference in the structure of the contributions of the considered predictors to the subjective agreement with the admissibility of dishonesty. For entrepreneurs, the permissibility of dishonesty is determined by the direct contribution of faith to the competitive world and the reverse, with a low level of significance, possible damage from dishonesty to others. For non-entrepreneurs, the subjective assessment of the permissibility of dishonesty in business is determined only by the direct contribution of ideas about its prevalence, somewhat decreasing with age. Neither the potential benefits of dishonesty nor the risk of punishment make a significant contribution to the assessment of the acceptability of dishonesty in business for either entrepreneurs or non-entrepreneurs. The results obtained are consistent with the data on

the contribution of the cultural context to the actual dishonesty of the respondents.

Keywords: dishonesty, business, social beliefs, belief in a fair world, faith in a competitive world, faith in a dangerous world

For citation: Ulybina, E.V. and Verbitskaya, E.A. (2020), "Attitude to the admissibility of dishonesty in business among entrepreneurs and non-entrepreneurs", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogy. Education" Series*, no 2, pp. 70-85. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-70-85

Введение

Различные варианты нечестности в бизнесе, значимо отрицательно влияя на развитие экономики, представляют собой важную общественную проблему. При этом борьба с нечестностью с помощью законов и других институциональных мер является необходимой, но недостаточной мерой, особенно если нечестность рассматривается в обществе как вполне допустимое и оправданное действие. Это определяет актуальность анализа факторов, которые могут быть связаны с субъективной оценкой допустимости нечестности в бизнесе.

В качестве одного из ведущих факторов, провоцирующих нечестное поведение, выступает возможность получить выгоду в результате такого рода действий. Традиционный экономический подход к преднамеренным этическим нарушениям предполагает, что люди соотносят выгоды (например, денежное вознаграждение) и затраты (например, потенциальное наказание) от неэтичных действий [Becker 1968; Kajackaite, Gneezy 2017].

Но, даже когда ложь не может быть обнаружена, люди ограничивают ее использование. Так, согласно исследованию Урса Фишбахера и Франциски Фёлми-Хеуси, около 20% респондентов лгут в максимально возможной степени, в то время как 39% участников опроса полностью честны. Остальные лгут, но не в максимально возможной степени [Fischbacher, Föllmi-Heusi 2013]. Многие люди предпочитают обманывать минимально, даже если угроза обнаружения незначительна. Цена нечестности – явно внутренняя и зависит от величины лжи [Balasubramanian et al. 2017].

Общую тенденцию минимизировать обман, несмотря на частичную потерю выгоды, подтверждают многочисленные исследования, выполненные в разных культурах при использовании разных методик [Белянин 2017; Balasubramanian et al. 2017; Drupp et al. 2016; Fischbacher, Föllmi-Heusi 2013; Gino et al. 2009; Gneezy 2005; Hilbig, Hessler 2013; Lewis et al. 2012; Lundquist et al. 2009; Mazar et al. 2008; Shalvi et al. 2011; Shalvi et al. 2015]. Увеличение внешнего вознаграждения в виде возрастания выгод (денежного стимулиро-

вания) снижает, хоть и незначительно, уровень нечестности [Mazar et al. 2008], а максимальная нечестность наблюдается при средних значениях выгоды [Balasubramanian et al. 2017; Drupp et al. 2016; Mazar et al. 2008]. Люди ведут себя безнравственно только до определенной степени, что позволяет извлечь из своего проступка некоторую выгоду, но в то же время чувствовать себя морально [Shalvi et al. 2015].

Ограничения индивидуальной нечестности связаны, в том числе и с существующими в культуре нормами честности. Неэтичность людей не зависит от простых расчетов, анализа затрат и выгод, а скорее – от социальных норм, от подразумеваемой нечестности других [Gino et al. 2009]. При этом люди, говорящие правду, ожидают, что большая часть других также скажет правду [López-Pérez, Spiegelman 2013]. Согласно кросскультурным исследованиям [Gächter, Schulz 2016], в которых приняли участие более чем 2500 участников, индивидуальная внутренняя честность выше в странах с низкими показателями распространенности нарушений правил. Если мошенничество широко распространено в обществе и часто остается безнаказанным, люди могут считать нечестность в некоторых повседневных делах оправданной, не ставя под угрозу свою самооценку честности [Gino et al. 2009], перенося знание о возможности нарушения норм в одной области на все остальные сферы [Keizer et al. 2008].

При этом большее влияние на отношение к нечестности оказывает представление о поведении группы идентичности. Так, широкомасштабный опрос граждан Австралии [Wenzel 2004] показал, что наличие социальных норм вызывает соблюдение налогового законодательства, но только тогда, когда респонденты идентифицировали себя с группой, к которой себя относили. Основанием для повышения нечестности может стать актуализация профессиональной идентичности у банковских служащих [Cohn et al. 2014] и криминальной идентичности у осужденных преступников [Cohn et al. 2015].

Особую значимость имеет отношение к нечестности в бизнесе как к деятельности, направленной на получение прибыли. Нечестность в бизнесе – это, с одной стороны, достаточно распространенное явление, с другой – достаточно опасное, так как его результаты могут негативно влиять как на благополучие отдельных людей, так и на состояние экономики целого общества.

Хотя нечестность в бизнесе, разумеется, регулируется законом и контролирующими органами, отношение самих предпринимателей и общества в целом к допустимости нечестности имеет особую значимость как важный фактор, оказывающий влияние, как показывают рассмотренные выше исследования, на проявление индивидуальной нечестности.

Допустимость нечестности может оцениваться как с прагматических позиций (возможности получить в результате выгоду и риска наказания), так и не прагматических (вероятного ущерба для других людей и субъективных представлений о распространенности нечестности). Непрагматические аспекты нечестности включают в себя представление о частотности проявлений нечестности в бизнесе наряду с предположением, что если нечестность – распространенное явление, то, значит, вполне допустима. Возможный ущерб, как представляется, будет ограничивать допустимость нечестности. С другой стороны, отношение к нечестности может определяться и общими представлениями об устройстве социальной реальности, отраженными в социальных верованиях.

Под социальными верованиями понимают представления человека о том, каковы другие люди, как именно они проявляют данную сущность по отношению к другим и каким образом следует реагировать на данные взаимоотношения [Гулевич 2014]. К числу социальных верований относят, в частности, веру в справедливый мир [Lerner 1977; Lerner, Miller 1978], веру в конкурентный мир и веру в опасный мир [Duckitt et al. 2002].

Согласно теории веры в справедливый мир (ВСМ), каждый человек стремится к тому, чтобы упорядочить собственную жизнь и установить причинно-следственные связи между событиями, которые происходят в его жизни [Lerner 1977; Lerner, Miller 1978]. В этом случае возникновение негативного события оценивается как возмездие за проявление безответственности и халатности, что сохраняет восприятие мира как справедливого, предсказуемого места, в котором каждому воздается по заслугам [Нартова-Бочавер, Астанина 2014]. Структура ВСМ включает в себя веру в справедливый мир для себя лично (ВСМличн) и веру в общую справедливость мира (ВСМобщ) [Dalbert et al. 2001; Lipkusa et al. 1996]. Согласно имеющимся данным, люди с высоким уровнем ВСМличн предполагают, что происходящее – это результат их собственной активности, и потому склонны помогать другим людям и соблюдать законы, полагая, что нарушение закона неизбежно приводит к наказанию [Begue, Bastountris 2003; Dalbert 1999; Hafer, Sutton 2016; Lipkusa et al. 1996], а высокий уровень ВСМобщ проявляется в приписывании вины невинным жертвам и недоброжелательности к тем, кто потерпел неудачу [Sutton, Douglas 2005; Begue, Bastountris 2003]. При этом люди, которые считают, что с ними обращались несправедливо, во взаимодействии с другим человеком с большей вероятностью будут обманывать впоследствии [Houser et al. 2012].

Это позволяет предполагать, что уверенность в справедливости мира обратно связана с оценкой нечестности как допустимой. Вера в опасный мир (ВОМ) [Duckitt 2001; Duckitt et al. 2002] пред-

ставляет собой убеждения в том, что общество имеет хаотичный характер, оно не может быть предсказуемым, люди постоянно совершают нападения на других людей, что приводит к возникновению угрозы разрушения социального порядка [Гулевич и др. 2014]. Под верой в конкурентный мир (ВКМ) [Duckitt 2001; Duckitt et al. 2002] понимают убеждения в том, что мир – это место, где люди сражаются друг с другом, что в этом сражении все средства хороши и для достижения успеха необходимо использовать ситуацию по максимуму, прибегая, в том числе к нечестности и манипуляциям. Можно предположить, что как в хаотичном мире, так и в мире, построенном на борьбе всех со всеми, нечестность в бизнесе рассматривается как вполне допустимое действие.

Проведенный анализ позволил сформулировать следующие предположения:

1. ВСМличн и ВСМобщ вносят обратный вклад в оценку допустимости нечестности в бизнесе, а вера в конкурентный мир и вера в опасный мир вносят прямой вклад в оценку допустимости нечестности в бизнесе.

2. Предполагаемая выгода и оценка распространенности нечестности вносит прямой вклад в оценку допустимости нечестности, а риск получить наказание и возможный ущерб другим людям – обратный.

3. Предприниматели значимо выше оценивают допустимость нечестности в бизнесе, чем не предприниматели.

4. Структура вкладов ситуативных критериев оценки нечестности и социальных верований в допустимости нечестности у предпринимателей и не предпринимателей различна. У предпринимателей больший вклад вносят ситуативные критерии, у не предпринимателей – социальные верования.

Выборка и методы исследования

В исследовании приняли участие 102 респондента: 50 предпринимателей (28 мужчин и 22 женщины), средний возраст 25 лет, и 52 (18 мужчин и 34 женщины), средний возраст 24 года, не имеющих опыта предпринимательской деятельности.

В анкеты, которые заполняли респонденты, входило всего 3 опросника: «Шкала веры в справедливый мир» [Нартова-Бочавер и др. 2013], переведённый и ревалидизированный аналог “Belief in a just world scale” [Dalbert 1999], и сокращённая двухуровневая модель [Гулевич и др. 2014] переведённого на русский язык опросника Дж. Даккита о социальных верованиях: вере в опасный мир и вере в конкурентный мир.

Различные аспекты отношения к нечестности определялись на

основе ответов на вопросы о 4 гипотетических ситуациях использования нечестности в бизнесе:

1. Предприниматель А использовал схему Х для того, чтобы снизить налоговые выплаты.

2. Предприниматель А неточно указал состав продукта для создания благоприятного впечатления у потребителя.

3. Предприниматель А завысил процент популярности продукта для создания благоприятного впечатления у потребителя.

4. Предприниматель А использовал схему Х для того, чтобы уменьшить выплаты партнерам по бизнесу/поставщикам.

После каждой ситуации респондентам предлагалось оценить свое согласие со следующими утверждениями:

1. Это распространенное поведение для предпринимателей

2. Поведение предпринимателя А вполне допустимо

3. Оцените степень риска для предпринимателя А получить наказание

4. Оцените степень выгоды от этого поведения для предпринимателя А

5. Оцените возможный ущерб от этого поведения для других людей

Для оценки предлагалась 7-балльная шкала от 1 – абсолютно не согласен, до 7 – полностью согласен.

Анализ результатов

Для обобщенной оценки отношения к нечестности в бизнесе использовались суммы оценки 4 ситуаций по каждому из вопросов. В таблице 1 представлена описательная статистика по показателям возраста, выраженности отношения к нечестности, а также социальных верований у предпринимателей и не предпринимателей.

Таблица 1

Описательная статистика по показателям возраста, выраженности ситуативных критериев оценки нечестности и социальных верований у предпринимателей и не предпринимателей

	НП	Std. Dev.	Предприниматели	Std. Dev.	U	p-value
Ваш возраст	23,750	5,258	24,920	6,330	1163,0	0,361
Это распространенное поведение	20,404	4,778	21,560	4,343	1128,5	0,252

Это допустимое поведение	13,519	5,554	15,400	6,704	1106,0	0,195
Степень риска для предпринимателя А получить наказание	17,942	3,923	17,220	4,875	1211,0	0,554
Степень выгоды от этого поведения для предпринимателя А	22,135	4,593	23,000	4,468	1150,5	0,319
Возможный ущерб от этого поведения для других людей	18,154	4,469	18,060	5,176	1259,0	0,786
ВОМ	33,096	11,309	39,000	8,820	872,5	0,004
ВКМ	25,769	9,372	31,940	11,778	1023,0	0,064
ВСМличн	32,615	12,380	31,180	10,489	1142,0	0,292
ВСМобщ	26,423	9,704	22,560	9,177	946,0	0,018

Анализ результатов показал, что гипотеза о большей допустимости нечестности в бизнесе у предпринимателей не подтвердилась. Из таблицы 1 мы видим, что среди предпринимателей и не предпринимателей наличие значимых различий получены только по критериям ВОМ и по критерию ВСМобщ.

Для проверки гипотез об относительном вкладе социальных верований и ситуативных аспектов приемлемости нечестности в бизнесе был использован регрессионный анализ. Его результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа вклада социальных верований и ситуативных критериев в оценку допустимости нечестности в бизнесе

	b*	t(96)	p-value	R ²
Выборка в целом				0,505
Intercept		2,815	0,006	
ВКМ	0,511	5,117	0,000	
Возможный ущерб от этого поведения для других людей	-0,256	-3,351	0,001	
Это распространенное поведение	0,250	2,945	0,004	

ВОМ	-0,128	-1,465	0,146	
Ваш возраст	-0,095	-1,252	0,214	
предприниматели				0,667
Intercept		0,221	0,826	
ВКМ	0,534	4,177	0,000	
Возможный ущерб от этого поведения для других людей	-0,296	-2,219	0,032	
Это распространенное поведение	0,223	1,976	0,054	
Степень риска для предпринимателя А получить наказание	0,174	1,470	0,148	
не предприниматели				0,604
Intercept		3,201	0,003	
Это распространенное поведение	0,351	2,622	0,012	
Ваш возраст	-0,344	-2,456	0,018	
Степень риска для предпринимателя А получить наказание	-0,159	-1,214	0,231	
ОС	0,166	1,173	0,247	
Возможный ущерб от этого поведения для других людей	-0,129	-0,971	0,337	
ВКМ	0,082	0,528	0,600	

У предпринимателей допустимость нечестности определяется прежде всего ВКМ, представление о том, что мир – это место борьбы за свои интересы, и несколько снижается за счет оценки возможного ущерба от нечестности по отношению к другим людям. Оценка возможной выгоды и распространенности нечестности значимого вклада не вносят.

У не предпринимателей допустимость нечестности определяется представлением о ее распространенности, несколько снижаясь с возрастом. Младшее поколение не предпринимателей более лояльно относится к допустимости нечестности.

Интерпретация и обсуждение результатов исследования

Анализ полученных данных показал, что гипотеза о том, что у предпринимателей допустимость нечестности в бизнесе выше, чем у не предпринимателей, не подтвердилась. Характер деятельности

не приводит к представлению о большей допустимости нарушения закона. Люди, не связанные с бизнесом профессионально, и которые, в частности, могут сами стать жертвой обмана, в составе продуктов, указанных на этикетке, считают нечестность допустимой в той же мере, что и предприниматели.

Результаты регрессионного анализа показали, что *в целом по выборке* допустимость нечестности определяется прямым вкладом ВКМ и, с меньшей значимостью, представлением о распространенности такого поведения; а также с отрицательным знаком – оценкой возможного ущерба для других людей. Вклад показателей ВСМ предполагаемой выгоды и риска наказания не значим, что не соответствует гипотезе.

В целом по выборке допустимость нечестности определяется, прежде всего, общими представлениями об устройстве социальной реальности. Если реальность построена на борьбе всех со всеми, то нечестность вполне допустима. Немного меньший вклад вносит оценка распространенности нечестности, что соответствует данным о связи индивидуальной нечестности с уровнем нечестности в социальном окружении, в культуре.

Гипотеза о том, что для предпринимателей допустимость нечестности выше, чем для не предпринимателей, не подтвердилась. Возможно, это свидетельствует о достаточно высоком единстве представлений о допустимости мошенничества в культуре.

Дальнейший анализ показал, что различия в структуре вкладов рассмотренных предикторов в допустимости нечестности в подвыборках предпринимателей и не предпринимателей существуют, но не соответствуют выдвинутой гипотезе.

В подвыборке предпринимателей больший вклад вносит ВКМ и намного меньший – оценка предполагаемого ущерба для других людей, снижая оценку допустимости нечестности. Вклад представлений о распространенности нечестности не достигает уровня значимости.

Прагматические аспекты отношения к нечестности, выгода и наказание не вносят значимого вклада, что не соответствует данным исследований о вкладе выгоды в фактическую нечестность респондентов. Возможно, в ситуации гипотетической оценки допустимости нечестности эти аспекты не оказывают влияния, потому что считать нечестность допустимой на основе полученной выгоды вступает в противоречие с поддержанием самоуважения.

В подвыборке не предпринимателей ни социальные верования, ни прагматические стороны отношения к допустимости нечестности не вносят значимого вклада в оценку допустимости нечестности. Оценивая допустимость нечестности, не предприниматели ориентируются только на представление о распространенности

нечестности, а с возрастом допустимость нечестности для них снижается.

Согласно полученным данным, допустимость нечестности и у предпринимателей, и у не предпринимателей в большей степени определяется сложившейся картиной мира, чем оценкой прагматических аспектов последствий нечестности. У предпринимателей эта картина мира определяется представлениями о борьбе всех со всеми, в которой любые средства, включая обман, хороши. Если «не мы такие, жизнь такая!», то мошенничать с налогами, обманывать партнеров и потребителей вполне допустимо.

У не предпринимателей допустимость нечестности определяется представлением о том, что нечестность – это распространенная норма ведения бизнеса, следовательно, конкретный обман предпринимателей вполне допустим. Согласно теории разделенной реальности [Echterhoff, Higgins, Levine 2009; Jost et al. 2008], люди выстраивают свое отношение к ситуации, ориентируясь на фактическое или предполагаемое мнение других людей. У не предпринимателей допустимость нечестности в бизнесе определяется не тем, чем они сами руководствуются в своем поведении, а тем, как они представляют особенности поведения других людей. В этом случае, если, по их мнению, все предприниматели нарушают закон, то оценка нечестности как недопустимого действия разрушит общую реальность, чего люди стараются избегать.

Отсутствие различий у предпринимателей и не предпринимателей в уровне допустимости нечестности позволяет предполагать, что предприниматели не сталкиваются с выраженными противоречиями в оценке мошенничества со стороны общества.

Согласно полученным данным, прагматические аспекты отношения к нечестности (возможная выгода или риск наказания) не вносят значимого вклада в оценку допустимости нечестности ни у предпринимателей, ни у не предпринимателей. Но в целом полученные результаты соответствуют данным о значимости культурного контекста как фактора, связанного с фактической нечестностью респондентов.

Ограничения исследования

Исследование было проведено на небольшой по объему выборке, ограниченной по возрасту и, следовательно, опыту предпринимательской деятельности. Стаж, характер и успешность предпринимательской деятельности не учитывался. Группы предпринимателей и не предпринимателей не были уравнены по соотношению женщин и мужчин.

Полученные результаты нуждаются в проверке на устойчивость на большей выборке.

Литература

Белянин 2017 – *Белянин А.В.* Экономика обмана: причины, факторы, экспериментальное измерение // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. Т. 21. № 2. С. 201–223.

Гулевич и др. 2014 – *Гулевич О.А., Аникеев О.К., Безменова И.К.* Социальные верования: адаптация методик Дж. Дакита // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. Т. 11. № 2. С. 68–89.

Нартова-Бочавер, Астанина 2014 – *Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б.* Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования // *Психологический журнал*, 2014. № 1. С. 16-32.

Нартова-Бочавер и др. 2013 – *Нартова-Бочавер С.К., Подлитяк М.Б., Хохлова А.Ю.* Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слышащих подростков и взрослых // *Клиническая и специальная психология*. 2013. № 3. С. 3-14.

Balasubramanian et al. 2017 – *Balasubramian P., Bennet V., Pierce, L.* The wages of dishonesty: The supply of cheating under high-powered incentives // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2017. Vol. 137. P. 428–444.

Becker 1968 – *Becker G.S.* Crime and punishment: an economic approach // *J. Polit. Econ.* 1968. Vol. 76. P. 169–217.

Begue, Bastounis 2003 – *Begue L., Bastounis M.* Two spheres of belief in justice: Extensive support for the bidimensional model of belief in a just world // *Journal of Personality*. 2003. Vol. 71. no. 3. P. 435–463.

Cohn et al. 2014 – *Cohn A., Fehr E., Marechal M.* Business culture and dishonesty in the banking industry // *Nature*. 2014. Vol. 516. P. 86–89.

Cohn et al. 2015 – *Cohn A., Marechal M.A., Noll T.* Bad boys: How criminal identity salience affects rule violation // *The Review of Economic Studies*. 2015. Vol. 82. no. 4. P. 1289–1308.

Dalbert 1999 – *Dalbert C.* The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity // *Social Justice Research*. 1999. Vol. 12. no. 2. P. 79–98.

Dalbert et al. 2001 – *Dalbert C., Lipkys I.M., Sallay H., Goch I.* A just and an unjust world: Structure and validity of different world beliefs // *Personality and Individual Differences*. 2000. Vol. 30. no. 4. P. 561–577.

Drupp et al. 2016 – *Drupp M.A., Khadjavi M., Quaas M.F.* Truth-telling and the regulator: Evidence from a field experiment with commercial fishermen // *Kiel Working Paper*. no. 2063.

Duckitt 2001 – *Duckitt J.* A dual-process cognitive-motivational theory of ideology and prejudice // *Advances in experimental social psychology*. 2001. no. 33. P. 41–113.

Duckitt et al. 2002 – *Duckitt J., Wagner C., du Plessis I., Birum I.* The psychological bases of ideology and prejudice: testing a dual process model // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol. 83. no. 1. P. 75–93.

Echterhoff et al. 2009 – *Echterhoff G., Higgins E.T., Levine J.M.* Shared reality: Experiencing commonality with others' inner states about the world // *Perspectives on Psychological Science*. 2009. Vol. 4. no. 5. P. 496–521.

Fischbacher, Föllmi-Heusi 2013 – *Fischbacher U., Föllmi-Heusi F.* Lies in disguise. An

- experimental study on cheating // *Journal of the European Economic Association*. 2013. Vol. 11. no. 3. P. 525–547.
- Gächter, Schulz, 2016 – *Gächter S., Schulz J.F.* Intrinsic honesty and the prevalence of rule violations across societies // *Nature*. 2016. Vol. 531. no. 7595. P. 496.
- Gino et al. 2009 – *Gino F., Ayal S., Ariely D.* Contagion and differentiation in unethical behavior: The effect of one bad apple on the barrel // *Psychological Science*. 2009. Vol. 20 no. 3. P. 393–398.
- Gneezy 2005 – *Gneezy U.* Deception: the role of consequences // *American Economic Review*. 2005. Vol. 95. no. 1. P. 384–394.
- Hafer, Sutton 2016 – *Hafer C.L., Sutton R.* Belief in a just world / *Handbook of Social Justice Theory and Research*. New York: Springer, 2016. P. 145–160.
- Hilbig, Hessler 2013 – *Hilbig B.E., Hessler C.M.* What lies beneath: How the distance between truth and lie drives dishonesty // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2013. Vol. 49. no. 2. P. 263–266.
- Houser et al. 2012 – *Houser D., Vetter S., Winter J.* Fairness and cheating // *European Economic Review*. 2012. Vol. 56. no. 8. P. 1645–1655.
- Jost et al. 2008 – *Jost J.T., Ledgerwood A., Hardin C.D.* Shared reality, system justification, and the relational basis of ideological beliefs // *Social and Personality Psychology Compass*. 2008. Vol. 2. no. 1. P. 171–186.
- Kajackaite, Gneezy 2017 – *Kajackaite A., Gneezy U.* Incentives and cheating. *Games and Economic Behavior*. 2017. Vol. 102. P. 433–444.
- Keizer et al. 2008 – *Keizer K., Lindenberg S., Steg L.* The spreading of disorder // *Science*. 2008. Vol. 322. no. 5908. P. 1681–1685.
- Lerner 1977 – *Lerner M.J.* The justice motive: Some hypotheses as to its origins and forms 1 // *Journal of Personality*. 1977. Vol. 45. no. 1. P. 1–52.
- Lerner, Miller 1978 – *Lerner M.J., Miller D.T.* Just world research and the attribution process: Looking back and ahead // *Psychological Bulletin*. 1978. Vol. 85. no. 5. P. 1030–1051.
- Lewis et al. 2012 – *Lewis A., Bardis A., Flint C., Mason C., Tickle C., Zinser J.* Drawing the line somewhere: An experimental study of moral compromise // *Journal of Economic Psychology*. 2012. Vol. 33. no. 4. P. 718–725.
- Lipkusa et al. 1996 – *Lipkusa I.M., Dalbert C., Siegler I.C.* The importance of distinguishing the belief in a just world for self versus for others: Implications for psychological well-being // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. Vol. 22. no. 7. P. 666–677.
- López-Pérez, Spiegelman 2013 – *López-Pérez R., Spiegelman E.* Why do people tell the truth? Experimental evidence for pure lie aversion // *Experimental Economics*. 2013. Vol. 16. no. 3. P. 233–247.
- Lundquist et al. 2009 – *Lundquist T., Ellingsen T., Gribbe E., Johannesson M.* The aversion to lying // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2009. Vol. 70. no. 1-2. P. 81–92.
- Mazar et al. 2008 – *Mazar N., Amir O., Ariely D.* The dishonesty of honest people: A theory of self-concept maintenance // *Journal of Marketing Research*. 2008. Vol. 45. no. 6. P. 633–644.
- Shalvi et al. 2015 – *Shalvi S., Gino F., Barkan R., Ayan S.* Self-serving justifications: Doing wrong and feeling moral // *Current Directions in Psychological Science*. 2015. Vol. 24. no. 2. P. 125–130.

Shalvi et al. 2011 – *Shalvi S., Dana J., Handgraaf M.J.J., De Dreu C. K.W.* Justified ethicality: Observing desired counterfactuals modifies ethical perceptions and behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2011. Vol. 115. P. 181–190.

Sutton, Douglas 2005 – *Sutton R.M., Douglas K.M.* Justice for all, or just for me? More evidence of the importance of the self-other distinction in just-world beliefs // *Personality and Individual Differences*. 2005. Vol. 39. no. 3. P. 637–645.

Wenzel, 2004 – *Wenzel M.* An analysis of norm processes in tax compliance // *Journal of Economic Psychology*. 2004. Vol. 25. P. 213–228.

References

Balasubramanian, P., Bennett, V.M. and Pierce, L. (2017), “The wages of dishonesty: The supply of cheating under high-powered incentives”, *Journal of Economic Behavior & Organization*, no. 137, pp. 428–444.

Becker, G.S. (1968), “Crime and punishment: an economic approach”, *J. Polit. Econ.*, no. 76, pp. 169–217.

Begue, L. and Bastounis, M. (2003), “Two spheres of belief in justice: Extensive support for the bidimensional model of belief in a just world”, *Journal of Personality*, vol. 71(3), pp. 435–463.

Belyanin, A.V. (2017), “The Economics of Deception: Causes, Factors, experimental measurement”, *Ekonomicheskiiy zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, vol. 21, no. 2, pp. 201–223.

Cohn, A., Feh, E. and Maréchal, M. (2014), “Business culture and dishonesty in the banking industry”, *Nature*, vol. 516, pp. 86–89.

Cohn, A., Maréchal, M.A. and Noll, T. (2015), “Bad boys: How criminal identity salience affects rule violation”, *The Review of Economic Studies*, vol. 82(4), pp. 1289–1308.

Dalbert, C. (1999), “The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale’s validity”, *Social Justice Research*, vol. 12(2), pp. 79–98.

Dalbert, C., Lipkus, I.M., Sallay, H. and Goch, I. (2001), “A just and an unjust world: Structure and validity of different world beliefs”, *Personality and Individual Differences*, vol. 30(4), pp. 561–577.

Drupp, M.A., Khadjavi, M. and Quaas, M.F. (2016), “Truth-telling and the regulator: Evidence from a field experiment with commercial fishermen”, *Kiel Working Papers*, no. 2063.

Duckitt, J. (2001), “A dual-process cognitive-motivational theory of ideology and prejudice”, *Advances in experimental social psychology*, vol. 33, pp. 41–113.

Duckitt, J., Wagner, C., du Plessis, I. and Birum, I. (2002), “The psychological bases of ideology and prejudice: testing a dual process model”, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 83(1), pp. 75–93.

Echterhoff, G., Higgins, E.T. and Levine, J.M. (2009), “Shared reality: Experiencing commonality with others’ inner states about the world”, *Perspectives on Psychological Science*, vol. 4(5), pp. 496–521.

Fischbacher, U. and Föllmi-Heusi, F. (2013), “Lies in disguise—an experimental study on cheating”, *Journal of the European Economic Association*, vol. 11(3), pp. 525–547.

- Gächter, S. and Schulz, J.F. (2016), "Intrinsic honesty and the prevalence of rule violations across societies", *Nature*, vol. 531(7595), p. 496.
- Gino, F., Ayal, S. and Ariely, D. (2009), "Contagion and differentiation in unethical behavior: The effect of one bad apple on the barrel", *Psychological science*, vol. 20(3), pp. 393–398.
- Gneezy, U. (2005), "Deception: the role of consequences", *American Economic Review*, vol. 95(1), pp. 384–394.
- Gulevich, O.A., Anikeyenok, O.A. and Bezmenova, I.K. (2014), "Social Beliefs: Adaptation of Methods by J. Dakit", *Psikhologiya Zhurnal Bysshey shcoly ekonomiki*, vol. 2, no. 11, pp. 68–89.
- Hafer, C.L. and Sutton, R. (2016), "Belief in a just world", in Sabbagh, C. and Schmitt, M. (ed.), *Handbook of social justice theory and research*, Springer, New York, NY, pp. 145–160.
- Hilbig, B.E. and Hessler, C.M. (2013), "What lies beneath: How the distance between truth and lie drives dishonesty", *Journal of Experimental Social Psychology*, vol. 49(2), pp. 263–266.
- Houser, D., Vetter, S. and Winter, J. (2012), "Fairness and cheating", *European Economic Review*, vol. 56(8), pp. 1645–1655.
- Jost, J.T., Ledgerwood, A. and Hardin, C.D. (2008), "Shared reality, system justification, and the relational basis of ideological beliefs", *Social and Personality Psychology Compass*, vol. 2(1), pp. 171–186.
- Kajackaite, A. and Gneezy, U. (2017), "Incentives and cheating", *Games and Economic Behavior*, vol. 102, pp. 433–444.
- Keizer, K., Lindenberg, S. and Steg, L. (2008), "The spreading of disorder". *Science*, vol. 322 (5908), pp. 1681–1685.
- Lerner, M.J. (1977), "The justice motive: Some hypotheses as to its origins and forms 1", *Journal of personality*, vol. 45(1), pp. 1–52.
- Lerner, M.J. and Miller, D.T. (1978), "Just world research and the attribution process: Looking back and ahead", *Psychological Bulletin*, vol. 85(5), pp. 1030–1051.
- Lewis, A., Bardis, A., Flint, C., Mason, C., Smith, N., Tickle, C. and Zinser, J. (2012), "Drawing the line somewhere: An experimental study of moral compromise", *Journal of Economic Psychology*, vol. 33(4), pp. 718–725.
- Lipkusa, I.M., Dalbert, C. and Siegler, I.C. (1996), "The importance of distinguishing the belief in a just world for self versus for others: Implications for psychological well-being", *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 22(7), pp. 666–677.
- López-Pérez, R. and Spiegelman, E. (2013), "Why do people tell the truth? Experimental evidence for pure lie aversion", *Experimental Economics*, vol. 16(3), pp. 233–247.
- Lundquist, T., Ellingsen, T., Gribbe, E. and Johannesson, M. (2009), "The aversion to lying" *Journal of Economic Behavior & Organization*, vol. 70(1-2), pp. 81–92.
- Mazar, N., Amir, O. and Ariely, D. (2008), "The dishonesty of honest people: A theory of self-concept maintenance", *Journal of marketing research*, vol. 45(6), pp. 633–644.
- Nartova-Bochaver, S.K. and Astanina, N.B. (2014), "Psychological problems of justice in Foreign Personology: Theories and Empirical Studies", *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 1, pp. 16–32.
- Nartova-Bochaver, S.K., Podlipnyak, M.V. and Khokhlova, A.Yu. (2013), "Belief in a just

world and psychological well-being for deaf and hearing teens and adults”, *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya*, no. 3. pp. 3-14.

Shalvi, S., Gino, F., Barkan, R. and Ayal, S. (2015), “Self-serving justifications: Doing wrong and feeling moral”, *Current Directions in Psychological Science*, vol. 24(2), pp. 125–130.

Shalvi, S., Dana, J., Handgraaf, M.J.J. and De Dreu, C.K.W. (2011), “Justified ethicality: Observing desired counterfactuals modifies ethical perceptions and behavior”, *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, vol. 115, pp. 181–190.

Sutton, R.M. and Douglas, K.M. (2005), “Justice for all, or just for me? More evidence of the importance of the self-other distinction in just-world beliefs”, *Personality and Individual Differences*, vol. 39(3), pp. 637–645.

Wenzel, M. (2004), “An analysis of norm processes in tax compliance”, *Journal of Economic Psychology*, vol. 25, pp. 213–228.

Информация об авторах

Елена В. Улыбина, доктор психологических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1; evulbn@gmail.com

Екатерина А. Вербицкая, студентка факультета психологии Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1; katrinva01@mail.ru

Information about the authors

Elena V. Ulybina, Dr. of Sci. (Psychologi), professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82/1, Vernadsky Avenue, Moscow, Russia, 119571; evulbn@gmail.com

Ekaterina A. Verbitskaya, student of the Faculty of Psychology, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82/1, Vernadsky Avenue, Moscow, Russia, 119571; katrinva01@mail.ru

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-86-103

Динамические аспекты соревновательной деятельности в рамках подхода Пьера Жане

Наталия Ю. Федунина⁶

*ЦСТиСК Москомспорта
Москва, Россия, Natalia_fedunina@mail.ru*

Аннотация. Психологическая готовность к соревновательной деятельности сегодня рассматривается как обязательная составляющая подготовки спортсменов. Атмосфера соревнования отличается жесткими требованиями к точной и своевременной концентрации энергии, к выдержке в случаях ожидания, к умению демонстрировать мастерство в сложной социальной ситуации оценки. В статье предлагается анализ динамических особенностей соревновательной деятельности, которые рассматриваются через призму концепции психической экономии французского психолога Пьера Жане. Обсуждается специфика введенных Жане гипотетических конструкторов, параметров психической энергии – психической силы и психического напряжения, – а также их вклад и влияние на типичные сложности, ошибки и ресурсные стратегии. Представлены возможные способы коррекции нарушений, связанных с психическим напряжением и психической силой, на разных фазах соревновательной деятельности. Методом исследования явилось глубинное интервью, проведенное на выборке 35 профессиональных спортсменов (от кандидата в мастера спорта до заслуженного мастера спорта). В текстах интервью отражены индивидуальные и типические особенности динамической организации предстартовой, соревновательной и фазы последствий.

Ключевые слова: Пьер Жане, спорт, соревнования, психологическая подготовка, энергия

Для цитирования: Федунина Н.Ю. Динамические аспекты соревновательной деятельности в рамках подхода Пьера Жане // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 2. С. 86–103. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-86-103

⁶ © Федунина Н.Ю., 2020

Dynamic aspects of competitive activities in the framework of the Pierre Janet approach

Natalia Y. Fedunina

*Center of Sport Technologies,
Moscow, Russia, Natalia_fedunina@mail.ru*

Annotation. Nowadays the psychological readiness for competitive activity is considered as a mandatory component of training athletes. The competition is characterized by the requirement of accurate and timely concentration of energy, exposing in case of waiting, demonstrating skill in a difficult social situation of assessment. The article offers an analysis of the dynamic features of competitive activity, which are considered through the prism of the concept of mental economy of the French psychologist Pierre Janet. We discuss the specifics of the hypothetical constructs introduced by Jean, the parameters of mental energy – mental strength and mental tension, as well as their contribution and influence on typical difficulties, errors, and resource strategies. Possible ways of correction of disorders related to mental stress and mental strength at different phases of competitive activity are presented. The research method was an in-depth interview conducted on a sample of 35 professional athletes (from candidate master of sports to honored master of sports). The interview texts contain individual and typical features of the dynamic organization of the pre-start, competition, and aftereffect phases.

Keywords: Pierre Janet, sport, competitions, psychological training, energy

For citation: Fedunina, N.Yu. (2020), “Dynamic aspects of competitive activities in the framework of the Pierre Janet approach”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogy. Education” Series*, no 2, pp. 86-103. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-86-103

Введение

Французский психолог Пьер Жане (1859-1947) в своей экономической теории психического предложил систему общепсихологического анализа и терапевтического сопровождения, касающуюся динамической организации психической деятельности человека. Взгляд на человека с динамической точки зрения привел Жане к разработке форм диагностики и терапии и лег в основу его теории поведения. Человек, по Жане, – это «экономическое существо», а задачей психолога является помощь человеку в овладении «искусством психической экономии» [Janet 1919].

Соревновательная деятельность в профессиональном спорте

связана с необходимостью демонстрации предельных возможностей в ситуации социальной оценки, сравнения и жесткой конкуренции. Особенностью соревновательной деятельности является ее относительная краткосрочность, высокие требования к уровню реализации действий, а также ментальной прочности, позволяющей показать свой максимум в стрессовых условиях. Эти «экстремальные» характеристики делают динамические аспекты организации деятельности максимально рельефными, позволяя лучше выявить общепсихологические динамические составляющие. Возможность проанализировать деятельность с точки зрения экономической теории может расширить понимание структурных и динамических характеристик деятельности, а также выработать практические рекомендации.

Основные понятия динамической концепции Пьера Жана

Жане развил концепцию психической энергии на основе осмысления различий между уровнями поведения [Жане 1919]. Он выделил две характеристики психической энергии: силу (общее количество психической энергии человека, проявляющееся в силе, скорости и длительности всех его действий) и напряжение (уровень организации психической энергии, распределение силы и степень ее концентрации в психологической системе). Так, если сила определяет количественные характеристики действия, то напряжение – качественные. Жане отмечал, что часто у субъекта не мало ресурсов, но они плохо организованы [Janet 1919, Janet 1924]. Чем выше психическое напряжение, тем более сложные и высокоуровневые тенденции доступны человеку. Недостаток психического напряжения приводит к тому, что низшие процессы занимают место высших [Ван дер Харт и др. 2006].

В профессиональном спорте все более признается значимость психологической готовности спортсмена, его ментальной прочности, развитых исполнительных функций (кратковременной памяти, когнитивной гибкости, контролю импульсов, коррекции ошибок), навыков саморегуляции и пр., так или иначе отражающих требования к тому, что в концепции Жане описывается в терминах высокого психического напряжения. Можно сказать, что в соревновательной деятельности особенное значение приобретает требование к уровню организации психических и физических ресурсов, а также индивидуальные и межиндивидуальные различия в колебаниях уровня психического напряжения вследствие необходимости действовать в ситуации стресса.

Учет динамических факторов в подготовке спортсменов и профилактике ошибок связан с постижением спортсменами искусства психической экономии (в модели Жане – увеличение дохода,

снижение затрат, ликвидация долгов), что может повысить уровень психической энергии.

Цель, метод и процедура исследования

Целью исследования является описание динамических составляющих соревновательной деятельности.

Выборку составили 35 высококвалифицированных спортсменов: 6 КМС, 21 МС, 7 МСМК и 3 ЗМС. 20 мужчин и 15 женщин от 15 до 35 лет (средний возраст 21,3).

В исследовании использовалось индивидуальное полуструктурированное интервью. Продолжительность интервью составила от 42 до 76 минут (в среднем 58 минут). Записи были расшифрованы. Индивидуальный стиль и лексика сохранены. Опросник КОМПАС [Касаткин и др. 2014] применялся для оценки психологических характеристик, ментальных навыков спортсмена.

В целях анализа данных был разработан кодификатор (42 пункта). В процедуре кодирования приняли участие 2 независимых эксперта. После классификации содержательных составляющих текстов для обработки результатов использовался контент-анализ протоколов в SPSS 15. Кроме того, проводился количественный контент-анализ с помощью программы Content Analyzer v0.52.

Результаты и обсуждение

В спортивной психологии принято выделять несколько фаз соревновательной деятельности: предстартовая, соревновательная и после стартовая (последствие, заминка). Каждая из них обладает своими динамическими особенностями.

В ходе интервью все респонденты, по крайней мере один раз, отмечали различия психологического состояния и спортивной продуктивности в зависимости от фазы спортивной деятельности. Были выделены две группы спортсменов на основании частоты их обращения к теме различий во внутренней структуре соревновательной деятельности. Спортсмены, фокусирующиеся на этой теме (более 3 смысловых фрагментов в интервью), чаще упоминали проблемы усталости ($p=0,028$), однако реже – реакции злости и гнева (на уровне тенденции $p=0,078$), значительно чаще говорили об анализе ошибок как во время самого соревнования ($p=0,020$), так и после его завершения ($p=0,035$), а также часто рассказывали о различных способах саморегуляции ($p=0,006$) и использовании методов визуализации в ходе соревновательной деятельности ($p=0,033$) (критерий Манна-Уитни). Кроме того, и по опроснику КОМПАС [Касаткин и др. 2014] эти спортсмены показали различия по самооценке навыков визуализации ($p=0,014$) и работе в состоянии потока ($p=0,043$) (критерий Манна-Уитни). Можно предположить,

что осмысление структуры соревнования, мета-знания, касающиеся особенностей своего реагирования в ходе соревнования, могут быть сопряжены с переживанием необходимости распределения своих сил, для них характерна аналитическая установка в отношении своего состояния и ресурсов, более активное обращение к механизмам саморегуляции.

Соревнования связаны с изменением энергетического статуса и переструктурированием политики психической экономии. Психологическая готовность к соревнованиям выражается в выходе на пик обоих компонентов психической энергии – психологической силы и психологического напряжения.

Фаза начала соревновательной деятельности

Начало соревновательной деятельности может быть связано с серьезными сложностями и предъявляет особые требования к уровню организации психической деятельности. Соревнования представляют собой стрессовое событие. Более десятка гормонов выделяется во время реакции острого стресса. Эти психофизиологические изменения призваны обеспечить максимально эффективное реагирование в сложной ситуации. Таким образом, ситуация соревнований предполагает адаптацию и извлечение выгоды из ситуации изменения психодинамического равновесия, способность использовать все 17 гормонов стресса, направляя и организуя эти потоки силы. Организация деятельности в условиях такого кардинального изменения требований ситуации и психофизиологического возбуждения предъявляет особые требования к возможностям психического напряжения, определяющего доступный уровень психической иерархии. Недаром именно в этот период явно обозначаются проблемные точки более примитивных уровней в иерархии поведения.

П. Жане разработал иерархию форм поведения. Первые уровни неспецифичны для человека (рефлекторные, перцептивные, социально-персональные и элементарно-интеллектуальные) и не будут рассматриваться здесь, поскольку у спортсменов редко наблюдается столь глубокая регрессия, а также в норме ситуация спортивного стресса не является травматической. Мы сталкиваемся в значительной степени с актуализацией проблемных точек срединных уровней – утверждающих и рефлексивных верований – и уплощением на высших уровнях организации поведения.

Стадия утверждающих верований – первая в срединном блоке тенденций – отличается своей опорой на чувство, эмоциональный фон, не проверенное разумом убеждение, которое с трудом поддается коррекции, но может кардинальным образом преобразовываться при изменении эмоционального фона [Janet 1928, Janet 1932].

Особенностью данной стадии является придание внутренним состояниям статуса реальности. Как образно формулируют сторонники практики осознанности, мышление, чувства, эмоции – хорошие помощники, но плохие хозяева. Типичные соревновательные страхи: «я проиграю», «противник сильнее меня», «если я неудачно начал, все бесполезно» – проживаются как факт реальности, а не тревожная мысль. Обретая статус реальности и обладая высокой эмоциональной заряженностью, эти мысли заполняют все внутреннее пространство «я», приводя к демотивации, росту ошибок, снижению эмоционального фона и другим негативным последствиям. Задача спортсмена даже не в том, чтобы остановить или контролировать мысли, а в том, чтобы научиться мудрому отношению к мыслям, осознанности в отношении мысли, возможности знать о ней, не идентифицируясь с ней и не сводя к ней всю свою актуальную реальность. Предлагается целый ряд приемов, направленных на разотождествление, формирование мета-позиции, символизацию состояния, преодоление изоляции мысли, восстановление контакта с реальностью, в частности, телесной и пр.

Проблемные точки, обнажающиеся дефицитарность стадии рефлексивных верований, проявляются, прежде всего, в сомнениях, трудностях принятия решения, колебаниях, хаотичной смене стратегий, замыкании мысли на себе, неспособности услышать тренера или товарища по команде и других ошибках, затрагивающих, прежде всего, процессы принятия решения и восприимчивость к сложности диалогической организации коммуникации.

Недостаточность психической энергии на старте, как правило, обнаруживается в двух распространенных состояниях – психофизиологического перевозбуждения и психофизиологического спада, – отражающих «ошибки» экономической политики. Большинство спортсменов говорит, что сложности наблюдаются, прежде всего, в эту фазу. *«Страшно прыгать в воду первые несколько секунд, а потом уже нормально все идет»* (Респондент К.). *«В основном ошибки накрывают в начале дистанции», «была первая игра, я больше всего переживала, потому что самое страшное – начать», «и опять получилось, что первую половину я провалил, а вторую половину собрался уже с мыслями и начал выравнивать ситуацию»* (Респондент Т.).

Одной из наиболее частых энергетических проблем является резкий скачок психологической силы в сочетании с падением психического напряжения. Многие спортсмены стараются «сбросить» излишки возбуждения через повышенную активность накануне соревнования, ограничение сна, попытки достичь состояния усталости и безразличия. Как отмечает респондент Е., *«часто бывает, что когда просыпаешься разбитый и уставший, когда никаких нет надежд на то, что ты выиграешь, то ты выигрываешь именно тогда».*

Помимо этого бывают и ситуации спада психической силы, когда спортсмены ищут способы ее подъема: *«Бывает, что после работы, после учебы весь уставший, не можешь ничего делать. Но ты понимаешь, что тебе надо стрелять, надо соревнования выигрывать. И ты стараешься это состояние убрать или сам, или друг, тренер, с которым хорошо общаешься, который тебя поддержит, поможет избавиться, развеселят, там, добавят каких-то эмоций»* (Респондент В.). Недостаток психического возбуждения может притуплять чувства и возможности спортсмена: *«Бывает, что ты чувствуешь себя уже хорошо, комфортно, поэтому уже не так цепко, может быть, играешь, не ищешь варианты»* (Респондент А.).

Снижение энергетического потенциала может начинаться за несколько дней до старта. Респондент М. приводит такой пример: *«Например, ты готовишься к какому-то матчу. И типа за день – за два тебе становится вообще все равно. И начинаешь более расслабано ко всему относиться: «А, и так сойдет». И из этого вытекают потом технические ошибки. Так делать нельзя. Нужно расслабляться после матча». И напротив, случается излишнее повышение психофизиологического возбуждения на предсоревновательной фазе. «Некоторые заранее переживают, за несколько дней, уже в этот период начинают гореть: думают, с кем я буду бороться, сколько у меня там человек будет и так далее...»* (Респондент В.).

Связанные с соревнованием динамические изменения психической организации описываются спортсменами в терминах мандража, волнения. Это одна из основных категорий в интервью. Слова «волнение», «мандраж» занимают 18 ранговую строчку по количеству повторений в корпусе текстов (69 повторов). Причем интересно, что мужчины гораздо чаще используют слово «волнение» (9 ранговая строчка, 42 повтора), тогда как у женщин оно оказалось менее распространенным (44 ранговая строчка, 27 повторов). *«Когда начинаю фехтовать, уже понимаю, что адреналин есть, и нервничаю. С таким же спокойным лицом хожу, и не скажешь, что нервничаю, а внутри все дерет прям. Я помню, когда первый раз поехал на соревнования, я настолько волновался, что не мог даже пистолет поднять. У меня руку просто трясло»* (Респондент А.). *«В основном, я думаю, ошибки происходят из-за волнения. То есть человек становится более растерянным и все действия, которые он знал, как выполнять, ну, либо делает в другом порядке, либо просто делает их не с таким успехом как обычно»* (Респондент С.).

Зачастую волнение приводит к появлению физиологических реакций таких, как «ватные ноги», повышение ЧСС, изменения температуры. *«Начинаешь как-то волноваться, температура сразу повышается»* (Респондент С.). Респонденты, отмечавшие появление физиологических реакций, имели значимо более низкие пока-

затели по шкале совладания с неприятными мыслями и эмоциями (КОМПАС) ($p=0,049$) (критерий Манна-Уитни). Кроме того, они гораздо чаще обсуждали проблему волнения и ошибок, с ним связанных ($p=0,006$), а также затрагивали проблему средств саморегуляции ($p=0,054$, на уровне тенденции).

Помимо изменений физиологического состояния, волнение приводит к модификации ориентации (результат/спортивное действие) ритмических характеристик спортивных действий: *«когда мандраж берет, начинаешь думать не как сделать выстрел, а как побыстрее закрыть и убежать»* (Респондент Д.), *«если боишься, начинаешь торопиться, начинаешь нервничать»* (Респондент К.), *«Вот, ты нервничаешь, и ты в другом темпе совсем работаешь, не в своем»* (Респондент А.). В целом 24 респондента из 35 в ходе интервью обращались к теме изменения ритма вследствие волнения, рассматривали варьирование ритма как тактическую хитрость с целью воздействия на соперника, «навязывания» ему своего ритма, а также говорили о способах ритмизации своей деятельности как средстве саморегуляции и пр. С вхождением в свой ритм респонденты связывали и возможность преодоления волнения: *«Если это волнение у тебя, значит, ничего еще не в работе, то ты нервничаешь, не настроился на работу, свой ритм. Как бы это не ты, по сути, работаешь»* (Респондент Т.).

Поддержание ритмической организации спортивной деятельности является одним из основных факторов сохранения оптимума состояния спортивной формы на протяжении всего соревнования. В то же время, изменение ритма приводится спортсменами в качестве одной из значимых тактических ошибок. Такого рода ошибки могут быть следствием желания «нагнать» не только время или точность, но и вернуть оптимальное состояние: *«иногда ориентиры стремятся ошибку отыграть в дальнейшем ногами, стараются быстрее бежать, быстрее вернуться к своему безошибочному состоянию»* (Респондент О.). Однако зачастую подобная попытка восстановить оптимальное состояние оказывается контр-продуктивной: *«Хочешь попробовать сэкономить время, идешь на риск и делаешь еще большую ошибку»* (Респондент К.). *«Ты больше силы тратишь, и у тебя до финиша не будет столько сил доплыть, потому что ты устал»* (Респондент Б.).

Следствием изменения ритмической организации деятельности являются микроизменения в структуре спортивного действия, необоснованный риск. *«Мне кажется, что я очень медленно делаю, что мне надо быстрее. Я себя загоняю в такие рамки, из которых очень тяжело потом выйти. Начинаю себе что-то в голове накручивать, что надо быстрее, быстрее, что я медленная и что мне надо рисковать, и я рискую, и все...»*. Но изменение ритма может также

использоваться как стратегия воздействия на соперников, способ навязать свою игру, свой ритм. *«Когда соперник уже попал под твой темп соперника, это он начинает ошибаться, чувствует давление и теряет»* (Респондент К.).

Волнение запускает накопление ошибок «волнуюсь, начинаю нервничать, допускаю ошибку и практически сразу всегда вторую» (Респондент А.). Перефразируя В.М. Аллахвердова с его понятием неосознанного негативного выбора, «ошибка порождается не помехами, а логикой работы» психического. То, что спортсмен в других условиях считает ошибкой, является закономерным в логике структурно-динамической организации предсоревновательного процесса [Аллахвердов 1993, Аллахвердов 2010].

Другой распространенной динамической ошибкой является несвоевременный переход с предсоревновательной в активную фазу действия: слишком быстрый или слишком медленный. Это так называемые случаи «перегорания» в предсоревновательную фазу и последующий резкий спад, реакцию истощения. *«Ошибка бывает, когда перегораю часто перед стартом, когда спринтерские гонки, стоишь с соперницами, представляешь эту гонку, и когда все прокрутила, а во время старта уже не смогла сделать то, о чем подумала, и тренер тоже говорит «перегорела, пробежала до того, как стартанула»* (Респондент Е.). В ряде видов спорта необходим точечный пик активации (тяжелая атлетика, некоторые виды легкой атлетики, где все решается в ходе краткосрочных выходов). *«Можно ошибиться на старте в плане реакции, то есть можно уйти раньше и дисквалифицироваться. Или наоборот, засидеться»* (Респондент К.). *«Финал, я попала, вышла какая-то вялая, смотрю, что все делают. Поняла, что старт я проворонила. И оказываюсь 8-я, на 3 секунды хуже предварительного заплыва»* (Респондент Е.).

Обобщим в таблице динамические проблемы предсоревновательной фазы (см. табл. 1) (отметим также, что ряд трудностей, например, связанных с негативными мыслями, проявляется и на других фазах соревновательной деятельности и не является специфичными для данной стадии).

Срединная фаза осуществления деятельности

Экономическая политика соревновательной деятельности требует выхода на высокий уровень психической силы и напряжения и поддержания этого уровня в течение всего соревнования, что позволяет не только использовать высокоуровневые психические процессы и минимизировать издержки, но и гибко регулировать необходимый уровень сложности в зависимости от ситуации, что очень значимо, учитывая неоднородность соревновательного процесса во многих видах спорта, чередование активных и пассивных

Таблица 1

Нарушения динамической организации и способы их коррекции на предсоревновательной фазе

Проблема	Функция поведения	Ошибка	Приемы и способы регуляции динамической организации
Соревнование как стресс (факторы неопределенности, социальной оценки, ответственности и пр.). Недостаточная психологическая готовность к соревнованиям.	Отражение себя от сложных переживаний	Изобгание мыслей и действий о предстоящих соревнованиях	1. сделать привычным. а) тренировки с максимальным приближением к соревновательным процедурам (как предпримьерные показы в костюмах) б) ментальное привыкание с помощью средств визуализации, планирования и пр. 2. планирование рутины а) на уровне действий накануне и в день соревнований (в частности, типы разминки в разные фазы) б) мыслей (как, о чем и когда спортсмен будет думать) 3. контролируй контролируемое. Повышение возможностей целевого, а не пологого поведения.
Резкое повышение или падение уровня психофизического возбуждения	Подготовка к максимально эффективному реакцио на ситуативный стресс / Выход из угрожающей ситуации	«сбросить» излишки возбуждения через повышенную активность накануне соревнования, ограничение сна, достичь состояния усталости и безразличия. Попытки поднять уровень возбуждения через еду, вовлечения в конфликт и пр.	- дыхательные упражнения (с длинным выдохом, с концентрацией внимания на дыхании, сканированием тела и пр.) - нервно-мышечная релаксация (снижение напряженности через первоначальное усиление напряжения) - поиск поддержки (какая поддержка важна конкретному спортсмену) - ментализация своего состояния, знание и возможность входить в свое оптимальное состояние
«Перегорание», несвоевременный переход с предсоревновательной на соревновательную фазу.	Стремление обрести контроль над неопределенным будущим событием	Нарушение направления на будущее или прошлое, выпадение из настоящего.	- четкая структура рутины - знание своих точек входа, триггеров негативного состояния - использование «якорей» ориентации на настоящее (дыхание, само-инструкции) - пребывание в настоящем, в бою, в диалоге с соперником, возможность «услышать» его, заметить.
Негативные мысли и страх проигрыша и пр.	Попытка подготовиться к возможным последствиям	Мы теряемся в мыслях, их подгоняет страх. Они проявляются как оценка, критика, торьма.	Осознанность в отношении мысли означает знать о ней, но не идентифицироваться с ней. 2 этапа: 1) обозначить, назвать мысль («я проигрываю» - про реальность, заполняющую все внутреннее пространство. «Мне пришла в голову тревожная мысль» - описание одной из мыслей с мета-позиции. 2) преключение внимания с мысли на тело, дыхание, другую мысль.

фаз, разных по времени периодов ожидания. *«Бывают такие ситуации в ориентировании, когда нужно сменить скорость. Как на Формуле 1, когда у тебя сильный вираж, тебе надо сбросить, а когда прямая – быстрее. Постоянно давить, очень быстро передвигаться в ориентировании тоже нельзя»* (Респондент А.). Респондент А. так комментирует свою неудачу: *«Вышел из квалификации с лучшим результатом. У меня было много времени перед финалом. Уже и отдохнул, и расслабился, и снова размялся. А потом не получилось собраться». «На второй стрельбе не смог собраться из-за куража, вовремя не понял, что пора собраться, поздно понял, что что-то не так»* (Респондент С.).

Важно не только хорошо и правильно начать, но и удержать оптимум психологической готовности на протяжении всей соревновательной деятельности, учитывая ее ритм и сложности. В видах спорта с многоэтапными состязаниями становится очевидной необходимость тонкой политики, гибкой организации психической силы с психологической подводкой к выходу на поединок, восстановлением сил между схватками, концентрацией перед следующей схваткой или выступлением. *«Ты сидишь в зале, ждешь своей борьбы. Напряжение, там нога трясется или что. Соревнование же не быстро проходит, а очень долго, соответственно, и уже ближе к концу, когда наступает моя весовая категория, ты уже весь такой на взводе. И когда уже начинается борьба, понимаешь, что это неизбежно, все равно борьба будет, пытаешься себя настроить»* (Респондент Е.).

В видах спорта с длительным соревновательным процессом играет особую роль механизм усталости. По Жане, чувство усталости является механизмом регуляции действия, сигнализирующим о необходимости отдыха. Этот механизм может проявляться как в контексте соревнования, так и относиться к спортивной деятельности в целом. Респондент М. так говорит об этом: *«3 года не могу приблизиться к своим лучшим результатам. Может, устал, перегрузка. Когда тренируешься хорошо, надо и отдыхать хорошо. А у меня большая нагрузка, и не успеваю восстановиться. Если травма несильная, я не сбавляю нагрузку»*.

В рамках соревновательной деятельности спортивное действие характеризуется возможностью такой тактической организации, которая позволяет как можно дольше удерживать оптимум действия без снижения его характеристик. *«От усталости никуда не денешься. Как взбодриться во время длинной дистанции, в конце уже, возможно только заставляя себя. Бывает, во время дистанции выхожу на дорогу, вроде бегу, понимаю, что надо бежать еще быстрее, но не могу заставить себя это сделать. Хочется, но не могу»* (Респондент Т.). Ситуация усталости требует реорганизации

динамической структуры спортивной деятельности, планирования энергетической составляющей в условиях ограниченных ресурсов, актуализации латентных ресурсов. Как отмечает Респондент А., *«можно слишком быстро начать и потом устать. Просто сил у нас мало, мы рано умираем и не можем доехать»*.

Помимо предстартового планирования, распределения сил спортсмены отмечали и другие средства преодоления состояния усталости: самоинструкции, повышение концентрации, поддержание ритма и пр. Таким образом, в ситуации снижения физической и психической энергии вследствие утомления основным способом поддержания качества деятельности является повышение психического напряжения, снижение лишних степеней свободы за счет активизации высокоуровневых психических процессов. Респондент К. так описывает это явление: *«Когда проходит половина, все устали, ты устал, ты понимаешь, что тебе нужно одержать победу. Полностью концентрируешь все оставшиеся силы в себе и забираешь оставшиеся бои»*. Следовательно, снижение физических и психических сил может быть компенсировано повышением психического напряжения, уровня организации спортивной деятельности за счет привлечения дополнительных высокоуровневых средств, связанных с регуляцией собственной деятельности. Например, «концентрация» способствует собиранию сил и отсеиванию лишнего, максимальному сосредоточению на работе, снижению отвлечения на внешние и внутренние дистракторы.

Другим фактором подкрепления собственной деятельности является внимание к поддержанию его ритмической организации: внешних и внутренних средств ритмизации бега, выстрелов, гребков и пр. *«Часто бывает, что я пропускаю, чтобы ритм восстановить. Бывает, пропускаешь, а потом как снежный ком. Поэтому если это начинаешь, я пропускаю осознанно, чтобы восстановить ритм»* (Респондент М.).

Влияние препятствий на динамическую организацию соревновательной деятельности

Технические ошибки являются еще одним фактором, вносящим изменения в динамическую организацию соревновательной деятельности. Эти аспекты связаны с реакцией на препятствие, фрустрацию, неудачу. Они могут иметь разное воздействие на динамическую организацию соревновательной деятельности: от обращения к наиболее высокоуровневым психическим процессам (и как следствие - повышение концентрации на работе) до демотивации и прерывания деятельности, общего спада психической силы и/или напряжения.

Неудача может сопровождаться чувствами расстройства, доса-

ды, недоумения. Эти «регуляторы действия» [Janet 1929] «говорят» о невозможности достижения цели, сигнализируя о необходимости снизить затраты на невыгодную деятельность: *«Обидно очень. Расстраиваюсь. В любом случае ты настраиваешься на борьбу, но где-то там внизу организм уже не хочет бороться, хотя ты сам даже не понимаешь. Ты хочешь выиграть, а организм уже не хочет бороться»*. С другой стороны, чувства могут не только снижать, но и повышать активизацию деятельности. В частности, респонденты отмечают, что на фоне злости они начинают действовать более эффективно. Респондент В.: *«приливает адреналин, потому что надо догонять, надо возвращать этот отрыв, как-то реабилитироваться, поэтому обычно наоборот, начинает адреналин лопатить и двигает вперед»*. Спортивная злость может помочь максимально сосредоточиться на совершаемом действии, идти вперед, не обращая внимания на внешние и внутренние дистракторы, концентрировать силу и чувствовать себя более уверенным.

Демотивация, выход из деятельности, преждевременное завершение действия, сопровождающееся снижением уровня психической энергии, является достаточно распространенным следствием ошибки. *«У меня такое было, что я загонял себя и мне становилось все равно, я выходил на бой, и мне опять же было все равно. Попали в меня – ну, ладно, попал я – ну, ок. Хотелось сняться с соревнований, но надо все довести до конца»* (Респондент М.). *«Когда я понимаю, что я ушел не туда, часто такое бывает, что я теряю мотивацию. Я бегу, все происходит отлично, вдруг ошибка, нужно до конца работать, а я сам себе говорю «нет», немножко сдаю»* (Респондент К.). Как правило, демотивация происходит на фоне разочарования, расстройства, грусти – регуляторов действия, направленных на прерывание неудачного поведения, выхода из неприятной ситуации.

Снижение психического напряжения проявляется в сложности принятия решений, гибкой адаптации, снижении точности реагирования на изменяющиеся требования ситуации, нарушении направленности деятельности на актуальную в настоящий момент работу. Ошибка, препятствие во время соревнований может стать причиной того, что все внимание спортсмена приковывается к тому, что уже стало прошлым – ошибке, ее причинам, ее анализу или будущему ущербу от ошибки. *«Ты бежишь, вроде становится легче ориентироваться, и тут ты вспоминаешь ошибку, какие-то неприятные, негативные эмоции, и эти мысли начинают перекрывать твое текущее состояние. Опять начинаешь ошибаться, думаешь «блин, зачем я начал об этом думать»* (Респондент А.).

Удержание фокуса внимания на настоящем является одной из центральных стратегий совладания с ошибкой. *«Ошибка совершена? Совершена. Я обратно отмотать уже не смогу,*

исправить это уже не смогу, но у меня есть еще определенная часть движений, которые я должна сделать до конца. Многолетний опыт выступлений позволяет мне не обращать внимания на ошибки» (Респондент М.). С возможностью гибкого переключения, «не заикливания», пребывания в настоящем связывается и значимая для респондентов категория опыта: *«Уже нет такого, что весь матч проиграла, проиграв одно упражнение. Думаешь о следующем упражнении, об этом забываешь. На ошибки я научилась, мне кажется, реагировать. Я уже не тяну их за собой весь матч»* (Респондент Л.).

Завершение соревновательной деятельности может вызывать дополнительные трудности, когда *«медаль уже в кармане»* или есть *«последний шанс использовать свою возможность»*. *«На финале, особенно на последних метрах, техника ломается. В начале не бывает практически, потому что еще думаешь о дистанции, сконцентрировался, думаешь, как ее проплыть, проплываешь, вроде, по технике все нормально. А когда уже финиш, мандраж наступает»* (Респондент А.).

Фаза завершения, или последействия

Последняя фаза – последействия – характеризует то, как психически спортсмен способен завершить соревнование, какой опыт он способен из него извлечь. Действие, по Жане, завершается либо реакцией триумфа, либо чувством поражения. *«Я сильно расстраиваюсь и сильно радуюсь. Могу быть очень рада и очень расстроена. Если это финал, то надолго. если это был очень важный старт, и мы там все, то... ну, может, месяц порасстраиваюсь»* (Респондент Н.). Значительная доля психологических нарушений, с точки зрения Жане, связана с неспособностью завершить действие. Применительно к спортивной деятельности это те случаи, когда ошибка, объективная или субъективная неудача, становится провалом, психологической травмой, которая может привести к депрессии и уходу из спорта. Спортсмен оказывается в ловушке ситуации, где он оказался не на высоте, что приводит к истощению и депрессии [Janet 1919, Janet 1928; Ван Дер Харт и др. 1993]. Спортсменка Т. (16 лет) так описывает свою неудачу: *«Я заняла второе место на России, но мастера не выполнила. Я полная неудачница! У меня никогда ничего не получится»*.

В большинстве своем высококвалифицированные спортсмены демонстрируют развитые способы завершения неудачного старта. Продуктивность самоинструкции на фазе последействия связана с сочувственной, поддерживающей установкой в отношении себя самого. Респондент А. отмечает: *«После соревнования говорю себе, что в следующий раз получится лучше, ты ее исправишь, постарайся»*.

ешься меньше допускать». Такое самоотношение и самоинструкция позволяет поддерживать широкую временную перспективу, что вносит вклад в формирование мотивации. *«Ну, так получилось. Но это мне помогло настроиться на следующий год, чтобы потом выиграть все турниры подряд, не было такого, что опустил ручки и все. Наоборот, это меня стимулирует постоянно»* (Респондент Л.). С чувством широкой жизненной перспективы связано и снижение негативных переживаний в случае спортивной неудачи: *«У меня нет такой уж обиды. Просто приходит понимание, что это не вся жизнь. Ну, проигрыши, они бывают, они учат тому, что нужно сделать что-то лучше, где-то отработать что-то, тренироваться больше»* (Респондент П.). И напротив, самокритика и самокопание связаны с когнитивными и эмоциональными формами реагирования. Сюда относятся руминации, многократное прокручивание сожаления о допущенной ошибке или принятом спортивном решении, «разворачивание» возможных картин идеального действия, сильные эмоциональные переживания и пр. *«Я думаю: «ну, вот зачем я это сделала? если бы я это не сделала, я бы не проиграла»* (Респондент М.). *«Сначала было очень плохо. Думал «как так, как я мог проиграть?». Девочка подошла наушники взять, так ударила меня легко, так посмотрел на нее, она испугалась»* (Респондент К.).

С возможностью коррекции ошибок и извлечением опыта из ситуации поражения респондентами связываются и процессы анализа в противовес руминации. *«После соревнований я в блокноте записываю ошибки, записываю все лучшее, сопоставляю. Но и не заикливаюсь. Когда заикливаешься, делаешь еще хуже»* (Респондент С.). Эти процессы непосредственно связаны, в частности, с развитием исполнительных функций, а именно, коррекцией ошибок (насколько спортсмен может использовать обратную связь), когнитивной гибкостью (насколько спортсмен может быстро и эффективно переключаться между программами поведения, разными задачами, удерживая цель), контролем импульсов (возможностью не подменять высокоуровневые действия низкоуровневыми, такими, как формы эмоционального и поведенческого реагирования; ждать и сдерживать свои побуждения в соответствии с дальними целями).

И в то же время спортсмены говорят о том, что им необходимо время на переживание как в случае победы, так и в случае поражения. Так, неудачное выступление сопряжено с чувствами неуспеха, досады, расстройства. Ведь цель не была достигнута, мечты оказались нереализованными. Респондент Н. говорит, что ему после поражения требуется время внутренне прожить эти чувства, пройти путь от демотивации и отказа от деятельности до принятия и разотождествления с ситуацией неудачи: *«Надо заканчивать с этим видом спорта» - ну, это обычно после каждого неудачного старта бы-*

вает такая мысль. День могу потом подумать, пожить с ней, чтобы она осела внутри, какой ты ничемный. Потихоньку она уходит вниз, и все, и ты о ней забываешь. А потом уже вспоминаешь уже в виде шутки. Можешь пережить ее, почувствовать всем телом, что вот, сегодня да» (Респондент С.). Путь переживания, возможность перенести чувство собственного несовершенства, уязвимости помогает интегрировать переживание в историю своей жизни, не изолировать, а переработать аффект: *«Лучше даже, когда ты расстраиваешься, поплачешь немножко, поругаешь себя, а когда получается, что у тебя ничего не получилось, результат хуже некуда – ты «ну, ладно», и пошел. Это знак уже очень тревожный» (Респондент Л.).*

Возможность обращения за помощью, совместная работа с тренером, поддержка близких и товарищей по команде и собственные средства саморегуляции в большинстве случаев позволяют спортсменам успешно завершить соревновательную деятельность, пережить как чувство победы, так и поражения. Как в стихотворении Б.Л. Пастернака, «Но поражения от победы // Ты сам не должен отличать» или у Р. Киплинга «И будешь тверд в удаче и в несчастье, // Которым в сущности цена одна». В таком случае эта последняя фаза деятельности сопровождается чувством реальности, полноты, завершенности и может способствовать укреплению мотивации и достижению более высокого уровня работы психического, а как следствие – и другого уровня спортивной деятельности. Невозможность же адекватного завершения соревновательной деятельности приводит к появлению «долгов», истощающих имеющиеся ресурсы и отвлекающих внимание и смыслы от актуальных задач на ситуацию прошлого.

Заключение

Успешность осуществления соревновательной деятельности во многом зависит от особенностей ее динамической организации, от «правильного ведения хозяйства». Особенностью соревновательной деятельности является требование к удержанию наивысшего уровня психической организации в течение достаточно длительного периода соревнований. Свидетельства респондентов, являющихся высококвалифицированными спортсменами, говорят о трудностях, с которыми сталкиваются спортсмены на разных фазах соревновательной деятельности, насколько сложно бывает справляться с резким скачком психофизиологического возбуждения, какие могут быть способы подъема психического напряжения в этот период, как трудно бывает распределять силы и планировать свою деятельность на протяжении соревнования и пр. Успешность осуществления соревновательной деятельности непосредственно связана с психологическими процессами с целью гибкой органи-

зации собственной деятельности на разных ее этапах: процессами планирования, саморегуляции, подготовки на предсоревновательной фазе, распределения сил, ритмической организации и регуляции фаз максимального уровня психической энергии на соревновательной стадии, а также процессами завершения деятельности и извлечения опыта на третьей стадии соревновательной деятельности.

Благодарности

Мы благодарим Коробейникову Е.Ю., проводившую интервью, а также экспертов и спортсменов, принявших участие в исследовании.

Acknowledgements

I would like to thank Ekaterina Korobeynikova, who conducted the interview, as well as the experts and athletes who took part in the study.

Литература

Аллахвердов 1993 – *Аллахвердов В.М.* Опыт теоретической психологии (в жанре научной революции). СПб.: Печатный двор, 1993. 325 с.

Аллахвердов 2010 – *Аллахвердов В.М.* Зачем нужно сознание, или почему мы делаем ошибки? // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы. Сборник материалов конференции / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: ИП РАН, 2010. 887 с.

Ван дер Харт и др. 2013 – *Ван дер Харт О., Нейенхюс Э.Р.С., Стил К.* Призраки прошлого: Структурная диссоциация и терапия последствий хронической психической травмы. М.: Когито, 2013. 495 с.

Касаткин и др. 2014 – *Касаткин В.Н., Ахмерова К.Ш., Грушко А.И.* Двухуровневое обследование ментальной подготовленности спортсменов // Спортивный психолог. 2014. № 2(33). С. 11–17.

Janet 1919 – *Janet P.* Les méditations psychologiques. Vol. 1–3. Paris: F. Alcan, 1919. 526 p.

Janet 1924 – *Janet P.* La médecine psychologique. Paris: Flammarion, 1924. 288 p.

Janet 1928 – *Janet P.* De l'angoisse à l'extase. Étude sur les croyances et les sentiments. Un délire religieux. La croyance. Vol. 2. Paris: Alcan, 1928. 526 p.

Janet 1929 – *Janet P.* L'évolution psychologique de la personnalité. Paris: Chahine, 1929. 581 p.

Janet 1932 – *Janet P.* La force et la faiblesse psychologiques. Paris: Maloine, 1932. 326 p.

References

Allakhverdov, V.M. (1993), *Opyt teoreticheskoi psikhologii (v zhanre nauchnoi revolyutsii)* [Experience of theoretical psychology (in the genre of scientific revolution)], Pech. Dvor, Saint Petersburg, Russia, 325 p.

Allakhverdov, V.M. (2010), "Why do we need consciousness, or why do we make

mistakes?”, in Barabanshikov, V.A. (ed.), *Eksperimental'naya psikhologiya v Rossii: traditsii i perspektivy*, [Experimental psychology in Russia: traditions and perspectives], IP RAN, Moscow, Russia. 887 p.

Janet, P. (1919), *Les méditations psychologiques*, vol. 1–3, F. Alcan, Paris, France.

Janet, P. (1924), *La médecine psychologique*, Flammarion, Paris, France, 288 p.

Janet, P. (1928), *De l'angoisse à l'extase. Étude sur les croyances et les sentiments. Un délire religieux. La croyance*, vol. 2, Alcan, Paris, France, 526 p.

Janet, P. (1929), *L'évolution psychologique de la personnalité*, Chahine, Paris, France, 581 p.

Janet, P. (1932), *La force et la faiblesse psychologiques*, Maloine, Paris, France, 326 p.

Kasatkin, V.N., Akhmerova, K.Sh. and Grushko, A.I. (2014), “Two-level examination of mental fitness of athletes”, *Sportivnyi psikholog*, no. 2(33), p. 11–17.

Van der Hart, O., Nijenhuis, E.R.S. and Stil, K. (2013), *Prizraki proshlogo: Strukturnaya dissotsiatsiya i terapiya posledstviy khronicheskoi psikhicheskoi travmy* [The Haunted Self: Structural Dissociation and the Treatment of Chronic Traumatization], Kogito, Moscow, Russia. 495 p.

Информация об авторе

Наталья Ю. Федунина, кандидат психологических наук, Центр спортивных технологий и подготовки спортивных команд Москомспорта, Москва, Россия; 129272, Россия, Москва, ул. Советской Армии, 6; Natalia_fedunina@mail.ru

Information about the author

Natalia Yu. Fedunina, Cand. of Sci. (Psychology), Center for sports technologies and training of sports teams of Moskomsport, Moscow, Russia; bld. 6, Sovetskaya Armii str., Moscow, Russia, 129272; Natalia_fedunina@mail.ru

Исследование социальных навыков у детей с расстройствами аутистического спектра в условиях дошкольного образования

Надежда В. Мазурова⁷

*Институт психологии им. Л.С. Выготского, РГГУ,
Москва, Россия, mazariny-2@yandex.ru*

Татьяна А. Гавриш

*Детский развивающий центр «Радужные Капельки»,
Москва, Россия, tanulay@list.ru*

Аннотация. В статье отражены результаты эмпирического исследования, посвященного формированию социально-коммуникативных навыков и умений у детей с расстройствами аутистического спектра в условиях дошкольного образования. Авторами была разработана специальная программа, которая включала в себя индивидуальные и групповые занятия с детьми, а также обучение их родителей проведению занятий в домашних условиях. Занятия с детьми строились в форме игры, продуктивной и творческой деятельности. В ходе реализации программы формировался определенный набор навыков, которые в дальнейшем могли бы помочь ребенку адаптироваться к условиям детского сада, а также улучшить качество жизни как самого ребенка, так и его семьи. В конце учебного года по итогам внедрения программы проводилось обследование детей. Изучались коммуникативные навыки, познавательное развитие, особенности речевой и игровой деятельности, крупной и мелкой моторики, уровень инициативности и активности, навыки самообслуживания и социального поведения. Результаты исследования показали высокую эффективность программы формирования и развития социальных навыков. Были получены данные о том, что у дошкольников значимо вырос уровень самостоятельности, активности, инициативности и коммуникативных способностей, улучшилось качество восприятия обращенной речи, слуховой перцепции и звукового подражания. У родителей дошкольников значимо выросли показатели потребности в общении, удовлетворённости собственными характеристиками, определённости в эмоциональном отношении к происходящему. Реакции родителей стали в меньшей степени зависеть от показателей развития их детей.

⁷ © Мазурова Н.В., Гавриш Т.А., 2020

Ключевые слова: социализация, аутизм, дети с расстройствами аутистического спектра, социальные навыки, коммуникация

Для цитирования: Мазурова Н.В., Гавриш Т.А. Исследование социальных навыков у детей с расстройствами аутистического спектра в условиях дошкольного образования // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 2. С. 104-119. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-104-119

Study of social skills in children with disorders of autism spectrum in preschool education

Nadezhda V. Mazurova

L.S. Vygotsky's Institute of Psychology, Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia, mazariny-2@yandex.ru

Tatiana A. Gavrish

Children's development center «Rainbow Drops», Moscow, Russia, tanulay@list.ru

Abstract. This article presents the results of empirical research of social and communication skills before and after the program on social skills formation in children with autism spectrum disorders in the conditions of preschool education. The authors have developed a special program that included individual and group classes with children, as well as training parents to conduct classes at home. Classes with children were created in the form of games, productive and creative activities. During the implementation of the program, a certain set of skills was formed that could further help the child adapt to the conditions of the kindergarten and improve the quality of life of the child and his family. A survey on the results of the program introduction was conducted after the end of the school year. We studied communication skills, cognitive development, features of speech and game activity, large and fine motor skills, the level of initiative and activity, self-service skills and social behavior. The results of the study showed the high efficiency of the program for the formation and development of social skills. The obtained results show that significantly increased the level of independence, activity, initiative and communication skills, was improved the quality of perception of inverted speech, auditory perception and sound imitation. As for parents of preschoolers here significantly increased their need for communication, satisfaction with their own characteristics, and inevitability in the emotional attitude to what is happening. Parents' reactions have become less dependent on their children's developmental indicators.

Keywords: socialization, autism, children on the autism spectrum, social skills, communication

For citation: Mazurova, N.V. and Gavrish, T.A. (2020), "Study of social skills in children with disorders of autism spectrum in preschool education", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogy. Education" Series*, no 2, pp. 104-119. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-104-119

Введение

Высокая социальная значимость проблемы расстройств аутистического спектра (РАС) в последние годы проявилась наиболее остро в связи с увеличением количества детей с подобными нарушениями. Известно, что дети этой категории испытывают серьезные трудности в социализации. Одно из важных условий социализации – развитие социальной активности в дошкольном и младшем школьном возрасте. В отечественной науке проблема социализации стала рассматриваться как относительно самостоятельная (с использованием именно этого термина), начиная с 60-х годов XX века. До этого различные аспекты социализации в той или иной степени освещались в русле психологии развития (Л.С. Выготский, Л.И. Божович, Д.Б. Эльконин и др.), а также в работах педагогов (А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, С.Т. Шацкий и др.). Основатели комплексного, клинико-психолого-педагогического подхода к коррекции детского аутизма в нашей стране К.С. Лебединская, В.В. Лебединский, О.С. Никольская в начале 1980-х гг. писали о том, что помощь детям с аутизмом должна быть направлена на решение вопросов социальной адаптации и социализации [Лебединская, Никольская 1991, с. 15; Лебединский 1985, с. 36]. Во второй половине 2010-х в связи со становлением системы комплексного сопровождения лиц с расстройствами аутистического спектра эти положения приобрели новую значимость: возникла необходимость практических решений. Они затруднены по целому ряду причин. Социализация аутичных детей сопряжена с отсутствием у них желания и потребности вступать в продуктивное, эмоционально насыщенное общение с другими людьми. Социальная среда не обладает для них высоким личностным смыслом [Никольская и др. 2010, с. 64]. Многие дети имеют выраженные особенности формирования познавательной сферы, поведения, низкий адаптивный потенциал [Тиганов, Башина 2005, с. 85]. Нежелание общаться в сочетании со сниженной познавательной активностью, специфической эмоционально-волевой сферы и поведения препятствуют гармоничной социализации этих детей. Они мало вступают в социальные контакты, естественные для их здоровых ровесников [Купер и др. 2016, с. 12]. Отсутствие опыта эмоционального контакта не

позволяет аутичным детям быстро научиться распознавать желания, чувства, эмоции, реакции других людей. Это создает большие сложности в общении со здоровыми сверстниками [Морозов, Морозова 2017, с. 34]. Трудности также возникают и в связи с отсутствием у данной группы детей понимания сложившейся ситуации и неспособностью сообразовать свое поведение с поведением и реакциями других людей [Мелешкевич, Эрц 2014, с. 44]. С другой стороны, в России основные институты социализации пока не могут в полной мере участвовать в формировании социальной активности у всех без исключения детей, так как их деятельность долгое время была ориентирована на обеспечение потребностей здоровых детей. Необходимость организации комплексной помощи детям с расстройствами аутистического спектра, создания условий, способствующих их успешной адаптации, сталкивается с наличием, как в обществе, так и в научной среде стойких негативных стереотипов в отношении возможности социализации детей указанной категории [Хаустов, Руднева 2016, с. 56].

Исследования в области проблем аутизма показывают, что социальные навыки у таких детей не формируются естественным путем. Для этого необходимо специальное целенаправленное обучение [Морозов и др. 2017, с. 62; Хаустов 2010, с. 91; Коэн, Герхардт 2018, с. 18]. Для определения эффективных путей решения данной проблемы и разработки программы психолого-педагогической коррекции нами было проведено исследование процесса социализации детей с РАС, позволившее выявить их специфические особенности и уровень сформированности социальных навыков.

Целью исследования стала разработка и оценка эффективности программы формирования социальных навыков у дошкольников с РАС.

Выборка

Исследование проводилось на базе развивающего центра для детей с РАС «Радужные Капельки» с 2017-2018 гг. В исследовании приняли участие 30 семей детей дошкольного возраста с расстройствами аутистического спектра.

Методики исследования:

1. Анкета для родителей «Социализация».
2. Методика диагностики социально-психологической адаптации (СПА) К. Роджерса и Р. Даймонд (адаптация А.К. Осницкого),
3. Программа оценки навыков речи и социального взаимодействия для детей с аутизмом и другими нарушениями развития Марк Сандбергер, PhD., ВСВА.VB-MAPP.
4. Карта проявлений самостоятельности (А.М. Щетинина).

5. Карта наблюдений за проявлениями коммуникативных способностей у дошкольников (А.М. Щетинина, М.А. Никифорова).
6. Карта проявлений инициативности (А.М. Щетинина).
7. Карта проявлений активности (А.М. Щетинина и Н.А. Абрамова).
8. Методика «Два дома» (И. Вандвик, П. Экблад).

Анализ результатов

Программа содержала компоненты организации учебного процесса для детей с РАС, а также создания в центре специальных условий воспитания и обучения, позволяющих учитывать индивидуальные особенности каждого ребенка. Она включала в себя групповые и индивидуальные занятия с детьми и обучение родителей введению особого режима в домашних условиях для развития социальных навыков у детей.

Программа разработана для детей возрастной группы 5-6 лет в форме игры, познавательной деятельности, творческой активности с учетом возрастных и индивидуальных особенностей. Содержание детской деятельности было распределено по месяцам и неделям на один учебный год. В ходе реализации программы формировался определенный набор навыков, которые в дальнейшем могли бы помочь ребенку адаптироваться к условиям детского сада и улучшить качество жизни ребенка и его семьи.

Процедура статистической обработки проводилась на базе компьютерного пакета статистических программ SPSS Statistics 21 в описываемой последовательности.

1. Методы описательной статистики применялись для вычисления показателей средних значений – для каждой из анализируемых групп, выделенных на основании задач исследования. Отдельно рассматривались показатели следующих групп:

- а) дошкольники (общая группа – 30 детей),
- б) родители.

Данные описательной статистики сравнивались с тестовыми нормами, на основании этого делался вывод о специфике индивидуально-личностных особенностей у рассматриваемых групп.

2. Для вычисления статистической значимости различий между показателями, характеризующими степень динамики результатов от первого ко второму этапу исследования у группы дошкольников, состав которой не изменялся, использовался непараметрический критерий Вилкоксона для пар зависимых выборок и непараметрический критерий Манна-Уитни для пар независимых выборок.

3. Для более детального изучения был применен анализ структуры корреляционных связей диагностических показателей (с использованием коэффициента ранговой корреляции Пирсона).

При рассмотрении средних значений методик «Карта самостоятельности», «Карта активности», «Карта инициативности» и «Карта коммуникативных способностей» у дошкольников до и после формирующего эксперимента (Рис. 1) следует обратить внимание на различия в сторону увеличения показателей по всем методикам. У детей формировалась самостоятельность в игре, они начинали играть по своей инициативе. Подобная игровая деятельность формирует множество других важных навыков таких, как настойчивость, концентрация внимания, визуальное восприятие, развитие мелкой и крупной моторики, что является основой для социального взаимодействия со сверстниками. Конечно, многие дети по-прежнему не убрали самостоятельно игрушки или посуду со стола и выполняли задания только с помощью взрослых. В связи с нарушением коммуникативных навыков дети не всегда могли самостоятельно разрешить конфликт со сверстниками. Они предпочитали действовать импульсивно (например, вырвать из рук приятеля понравившуюся игрушку и убежать).

Так как развитие самостоятельности у ребенка тесно связано с такими психологическими особенностями, как активность, инициативность, коммуникативные способности, перейдем к рассмотрению данных параметров.

В таблице 1 представлены средние и стандартные отклонения оценок методик у дошкольников до и после проведения программы, результаты поиска различий между этими оценками (использован критерий Вилкоксона для пар зависимых выборок).

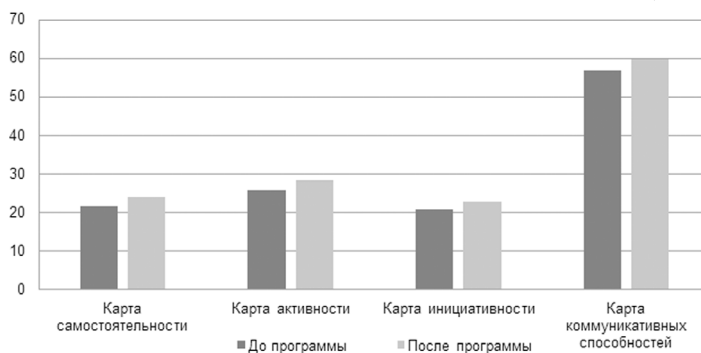

Рис. 1. Средние значения методик «Карт» до и после формирующего эксперимента.

Развитие самостоятельности до и после проведенной программы осталось на среднем уровне и составило 24,1%, однако была заметна тенденция к росту этого качества. Такой же процесс наблюдался и по показателям активности и инициативности. После программы обучения ее уровень составил 28,3%. Мы констатировали

более высокую вовлеченность детей в совместную деятельность, заинтересованность друг другом, радость при встрече, разочарование от отсутствия приятеля в группе, стремление соревноваться со сверстником в каком-то умении.

Таблица 1

Средние и стандартные отклонения оценок методик «Карты» у дошкольников до и после программы; значимость различий между ними

Методики	До программы		После программы		Различия	
	среднее	ст. отк.	среднее	ст. отк.	W	p
Карта самостоятельности	21,6667	6,38065	24,0667	7,15317	-4,662	0,000
Карта активности	25,7000	5,74846	28,3000	6,28161	-4,813	0,000
Карта инициативности	20,7667	7,08901	22,8667	8,29929	-4,222	0,000
Карта коммуникативных способностей	56,8333	30,25875	59,6667	31,44270	-4,705	0,000

Примечания: W – критерий Вилкоксона, p – уровень значимости.

Необходимо подчеркнуть, что подкрепление поведения постепенно становится естественным, а работа в группе переходит от искусственно созданных сценариев к жизненным ситуациям и обстоятельствам.

Уровень инициативности составил 22,8%. У детей выявлено стремление к лидерству. Дети начали перехватывать инициативу друг у друга при выполнении задания, многие дети стали выступать инициаторами в игровой деятельности. У детей развивалось не только инициирование, но и социальное намерение, ощущение силы социального обращения к другому человеку. (Нужно отметить, что в группе остались дети с низким уровнем проявления инициатив к сверстникам и в игровой деятельности.)

Коммуникативные способности у дошкольников до исследования имели низкий уровень развития. После проведенной программы показатели стали значимо выше и составили 59,6%. Увеличилось количество обращений к сверстнику с просьбой дать предмет или разрешить участвовать в деятельности, с просьбой о помощи,

например, завершить вместе любимую деятельность, получить желаемый предмет. Дети задавали правильные вопросы для поиска информации, привлекали внимание сверстников, стараясь вызвать друг у друга реакцию или получить одобрение. Например, они начали обращаться по имени, говорить: «Смотри!». У невербальных детей также увеличилось количество просьб, выражаемых с помощью альтернативной коммуникации PECS.

При анализе результатов «Методики оценки навыков речи и социального взаимодействия «VB-MAPP» до и после проведения программы выявлены различия по всем шкалам (Рис. 2).

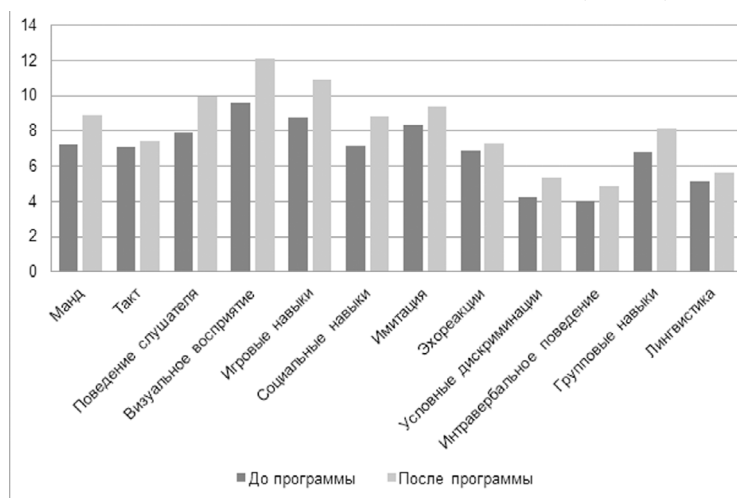

Рис. 2. Средние значения оценок методики VB-MAPP до и после проведения формирующего эксперимента (программы).

Значимо увеличились показатели *навыка просьбы* (8,93%). Дети использовали для этого обращения, состоящие из наречий, прилагательных и предлогов, начали задавать вопросы не только взрослым, но и сверстникам. Существенно возросло количество просьб к сверстникам о выполнении, какого-либо действия. Многие дети стали обращаться с просьбой о прекращении действия или удалении предмета, а также с просьбой об отсутствующем предмете.

Навык спонтанного наименования объектов составил 7,46%. Дети начали комментировать эмоции других людей, а также личные эмоции и происходящие события, называть свойства предметов, например, размер, длину, вес и их характеристику, сравнивая свойства одного объекта с другим как на рисунках, так и в окружающей среде. Увеличился словарный запас детей – до 1000 слов и более. Навык комментирования у невербальных детей остался на прежнем уровне.

Навык *восприятия речи* улучшился до 9,91%. Дети начали выполнять различные фронтальные инструкции, состоящие из нескольких компонентов, а также содержащие предлоги, наречия и местоимения. Дети могли указать на правильный предмет на картинке или в окружающей среде, а также различить предметы, опираясь на качественные признаки, например, большой, маленький, длинный, короткий.

Уровень *лингвистической структуры речи* составил 5,65%. Дети стали употреблять существительные во множественном числе, использовать их притяжательную форму, употреблять глаголы в прошедшем и будущем времени. Однако у них случались ошибки в окончаниях в обращении к окружающим или в комментировании каких либо событий.

Показатель *интравербальных навыков* составил 4,89%. Дети отвечали на различные вопросы со словами «кто?», «что?» или «где?» по прочитанной истории или рассказу, описывали различные случаи из видео, сказок с помощью 5 и более слов. У невербальных детей данный навык остался на прежнем уровне.

Уровень *способности к имитации движений* составил 9,41%. Дети с легкостью повторяли моторные движения за взрослыми, в том числе с объектами и игрушками. Также смогли они повторить последовательности из двух и трех действий, спонтанно имитировать действия других людей.

Навык *слуховой перцепции и звукового подражания (эхо-реакции)* составил 7,31%. У невербальных детей наблюдались спонтанные вокальные реакции, повторения звуков, слогов, сочетания слогов и некоторых слов. У вербальных детей увеличилось количество слов или фраз, произносимых с соответствующей интонацией и ритмом во время игры, досуга и других неструктурированных занятий.

Показатель *игровых навыков* составил 10,93%. Дети стали занимать себя функциональной игрой, но не всегда могли создавать игровую ситуацию, используя творческое воображение. В физической игровой активности дети начали проявлять настойчивость и более высокую мотивированность к достижению результатов.

Показатель *социальных навыков* составил 8,83%. Дети спонтанно стали сотрудничать друг с другом, вместе бросать мяч, строить башню из кубиков, помогать друг другу в выполнении общей деятельности. Несмотря на то, что дети смогли обращаться с просьбами, используя вопросительные предложения «Что это?», «Где?», они не всегда реагировали социально приемлемым способом на отказ со стороны сверстников (вместо этого отбирали интересующую их игрушку).

Уровень *визуального восприятия* детей составил 12,10%. Они

могли сопоставлять идентичные и неидентичные объекты и картинки, сортировать предметы по цветам и формам, функциям, категориям, складывать различные последовательности из нескольких карточек, распределять знакомые предметы по местам, ориентируясь в пространстве.

Навыки поведения в группе улучшились до 8,15%. Исчезло нежелательное поведение на занятиях, дети смогли следовать ежедневному распорядку дня, самостоятельно переходить от одного занятия к другому, принимать активное участие в групповой деятельности, а также быстрее приобретать новые навыки во время обучения.

В таблице 2 представлены средние и стандартные отклонения оценок методики «VB-MAPP» до и после проведения программы, результаты поиска различий между этими оценками (использован критерий Вилкоксона для пар зависимых выборок).

Таблица 2

Средние и стандартные отклонения оценок методики VB-MAPP до и после проведения программы; значимость различий между ними

Шкалы	До программы		После программы		Различия	
	среднее	ст. отк.	среднее	ст. отк.	W	p
Манд	7,25	3,393	8,93	3,825	-4,813	,000
Такт	7,08	4,385	7,46	5,681	-4,230	,000
Поведение слушателя	7,93	3,344	9,91	3,879	-4,650	,000
Визуальное восприятие	9,61	3,047	12,10	3,004	-4,758	,000
Игровые навыки	8,73	3,633	10,93	4,246	-4,647	,000
Социальные навыки	7,13	3,142	8,83	3,570	-4,563	,000
Имитация	8,35	2,382	9,41	1,956	-3,801	,000
Эхореакции	6,88	3,214	7,31	3,258	-3,294	,001
Условные дискриминации	4,22	2,372	5,36	2,985	-4,083	,000
Интравербальное поведение	4,05	2,344	4,89	3,074	-3,656	,000

Групповые навыки	6,82	2,457	8,15	2,646	-4,443	,000
Лингвистика	5,15	2,929	5,65	3,647	-3,539	,000

Примечания: W – критерий Вилкоксона, p – уровень значимости.

Перейдем к описанию результатов обследования группы родителей в начале и в конце проведения специальной программы.

На Рис. 3 представлены средние значения по шкалам методики социально-психологической адаптации Роджерса – Даймонд. При анализе результатов методики до и после проведения программы выявлены значимые различия практически по всем показателям.

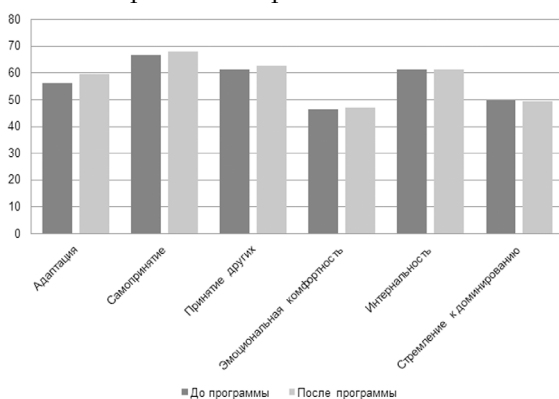

Рис. 3. Средние значения оценок шкал методики диагностики социально-психологической адаптации Роджерса – Даймонд до и после проведения программы.

Возрос общий показатель социально-психологической *адаптации* личности до 59,70%, что говорит об уменьшении степени тревожности и острой эмоциональной реакции родителей.

Интегральный уровень *самопринятия* составил 68,17%. Самопринятие предполагает также и принятие себя как изменяющейся личности, predisposedness к совершению действий в согласии с переживаемым в настоящий момент опытом, родители ориентированы в большей степени на сотрудничество, стремление помогать другим.

Полученные результаты показателя *принятие других* составили 62,78%. В целом родители оценивали себя после программы как более эмоционально отзывчивых, великодушных, ориентированных на чувства людей. Возрос интегральный уровень эмоциональной комфортности, показатель которой составил 47,18%. Средние показатели по шкалам представлены в таблице 3.

Таблица 3

Средние и стандартные отклонения по методике диагностики социально-психологической адаптации Роджерса – Даймонд до и после проведения программы; значимость различий между ними

Шкалы	До программы		После программы		Различия	
	среднее	ст. отк.	среднее	ст. отк.	W	p
Адаптация	56,29	15,793	59,70	11,909	-4,784	,000
Самопринятие	66,64	10,810	68,17	10,680	-4,783	,000
Принятие других	61,25	14,864	62,78	14,876	-4,705	,000
Эмоциональная комфортность	46,30	10,338	47,18	10,141	-4,787	,000
Интернальность	61,44	12,464	61,31	12,407	-1,483	,138
Стремление к доминированию	49,76	10,015	49,34	10,302	-1,875	,061

Примечания: W – критерий Вилкоксона, p - уровень значимости.

Таким образом, после проведения программы с детьми у их родителей стала значимо выше приспособленность к условиям взаимодействия с окружающими людьми в системе межличностных отношений, степень удовлетворённости собственными характеристиками, степень потребности в общении, взаимодействии, совместной деятельности, степень определённости в своём эмоциональном отношении к действительности, окружающим предметам и явлениям.

В результатах методики «Два дома» после проведенной программы показатель «красивый дом» увеличился (см. Рис. 4), однако значимых различий до и после программы не обнаружено ($p=0,157$).

В результате анализа структуры корреляционных связей диагностических показателей дошкольников и их родителей с применением коэффициента корреляции Пирсона было получено незначительное количество взаимосвязей между различными показателями методик.

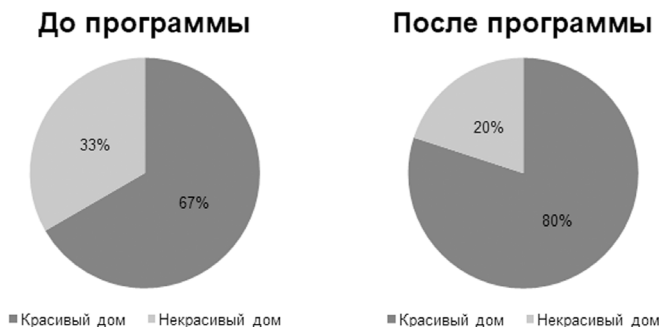

Рис. 4. Процентное соотношение результатов методики «Два дома» до и после программы.

Изучение результатов корреляционного анализа до и после формирующего эксперимента (см. табл. 4 и 5) показывает, что количество взаимосвязей между различными показателями, полученные на первом этапе исследования, не было подтверждено на втором этапе исследования.

Таблица 4

Связь оценок дошкольников с показателями методики у их родителей до формирующего эксперимента

Шкалы		Имитация	Интравербальное поведение	Групповые навыки	Лингвистика
Принятие других	г	,438* 0,015	-	,408* 0,028	-
	р				
Интернальность	г	-	-,513* 0,025	-	-,544* 0,013
	р				

Примечания: г – коэффициент корреляции, р – уровень значимости.

Знаком * отмечены статистически значимые показатели.

** – корреляция значима на уровне 0.01.

* – корреляция значима на уровне 0.05.

Таблица 5

Связь оценок дошкольников с показателями методики у их родителей после формирующего эксперимента

Шкалы		Лингвистика
Интернальность	г	-,542 ,008
	р	

До проведения Программы показатель *Принятие других* у родителей был связан с такими показателями ребенка, как *Имитация* и *Групповые навыки*, а *Интернальность* родителей связана с *Интравербальным поведением* и *Лингвистикой* ребенка. После проведения программы осталась только одна взаимосвязь – *Интернальность* у родителя и показатель *Лингвистики* ребенка. Можно предположить, что программа оказала положительное воздействие, уменьшив число взаимосвязей. Сократилось взаимное влияние родительского принятия других, интернальности и целого ряда показателей социального поведения их ребенка.

Заключение

В результате исследования были получены данные о том, что после проведения программы у дошкольников значимо вырос уровень самостоятельности, активности, инициативности и коммуникативных способностей. Увеличились показатели по навыкам просьбы, спонтанного наименования объектов, восприятия речи, способности к имитации движений, слуховой перцепции и звукового подражания, по игровым и социальным навыкам, зрительному восприятию, общему речевому развитию, активности вступления в речевой контакт, способности к обобщению и дифференциации. Кроме того, у родителей дошкольников значимо улучшились приспособленность к условиям взаимодействия с окружающими людьми в системе межличностных отношений, степень удовлетворённости собственными характеристиками, потребности в общении, взаимодействии, совместной деятельности, определённости в своём эмоциональном отношении к происходящему, окружающим предметам и явлениям. Реакции родителей стали в меньшей степени зависеть от показателей развития их детей.

Таким образом, разработанная программа продемонстрировала свою высокую эффективность в формировании навыков социального поведения у дошкольников с расстройствами аутистического спектра.

Литература

- Коэн, Герхардт 2018 – Коэн М. Дж., Герхардт П.Ф. Визуальная поддержка. Система действенных методов для развития навыков самостоятельности. Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2018. 25 с.
- Купер и др. 2016 – Купер Дж.О., Херон Т.Э., Хьюард У.Л. Прикладной анализ поведения. М.: Практика, 2016. 864 с.
- Лебединская, Никольская 1991 – Лебединская К.С., Никольская О.С. Диагностика раннего детского аутизма. М.: Просвещение, 1991. 53 с.

Лебединский 1985 – *Лебединский В.В.* Нарушения психического развития у детей. М.: Издательство Московского университета, 1985. 166 с.

Мелешкевич, Эрц 2014 – *Мелешкевич О., Эрц Ю.* Особые дети. Введение в прикладной анализ поведения (АВА). Самара: Бахрах-М, 2014. С. 33–58.

Морозов, Морозова 2017 – *Морозов С.А., Морозова Т.И.* Воспитание и обучение детей с аутизмом (дошкольный возраст). М.: Медиа-Пресс, 2017. 323 с.

Морозов и др. 2017 – *Морозов С.А., Морозова С.С., Морозова Т.И.* Некоторые особенности ранней помощи детям с расстройствами аутистического спектра // Аутизм и нарушения развития. 2017. Т. 15. № 2. С. 19–31.

Никольская и др. 2010 – *Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М.* Аутичный ребенок. Пути помощи. М.: Теревинф, 2010. 288 с.

Тиганов, Башина 2005 – *Тиганов А.С., Башина В.М.* Современные подходы к пониманию аутизма в детстве // Журнал неврологии и психиатрии. 2005. Т. 105. № 8. С. 4–13.

Хаустов 2010 – *Хаустов А.В.* Формирование навыков речевой коммуникации у детей с расстройствами аутистического спектра. Учебно-методическое пособие. М.: ЦПМССДИП, 2010. 88 с.

Хаустов, Руднева 2016 – *Хаустов А.В., Руднева Е.В.* Выявление уровня социализации у детей с РАС // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21. № 3. С. 16–24.

Referens

Cohen, M.J. and Gerhardt, P.F. (2018), *Vizual'naya podderzhka. Sistema deistvennykh metodov dlya razvitiya navykov samostoyatel'nosti* [Visual support. A system of effective methods for developing self-reliance skills], Rama Publishing, Ekaterinburg, Russia, 25 p.

Cooper, J.O., Heron, T.E. and Heward W.L. (2016), *Prikladnoi analiz povedeniya* [Applied Behavior Analysis], Practice, Moscow, Russia, 864 p.

Haustov, A.V. (2016), *Formirovaniye navykov rechevoi kommunikatsii u detei s rasstroystvami autisticheskogo spektra* [The formation of speech communication skills in children with autism spectrum disorders. Teaching], TSPMSSDIP, Moscow, Russia, 88 p.

Haustov, A.V. and Rudneva, E.V. (2016), "Identification of the level of socialization in children with ASD", *Psychological Science and Education*, vol. 21, no 3, pp.16–24.

Lebedinskaya, K.S. and Nikolskaya, O.S. (1991), *Diagnostika rannego detskogo autizma* [Diagnosis of early childhood autism], Prosveshhenie, Moscow, Russia, 53 p.

Lebedinsky, V.V. (1985), *Naruseniya psikhicheskogo razvitiya u detei* [Disorders of mental development in children], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia, 166 p.

Meleshkevich, O. and Erts, Yu. (2014), *Osobyje deti. Vvedenie v prikladnoi analiz povedeniya (AVA)* [Special children. Introduction to Applied Behavioral Analysis (ABA)], Bahrakh-M, Samara, Russia, pp. 33–58.

Morozov, S.A. and Morozova, T.I. (2017), *Vospitanie i obuchenie detei s autizmom (doshkol'nyi vozrast)* [Education and training of children with autism (preschool age)], Media-Press, Moscow, Russia, 332 p.

Morozov, S.A., Morozova, S.S. and Morozova, T.I. (2017), "Some features of early assistance to children with autism spectrum disorders," *Autism and Developmental Disorders*, vol. 15, no. 2, pp. 19–31.

Nikolskaya, O.S., Baenskaya, E.R. and Libling, M.M. (2010), *Autichnyi rebenok. Puti pomoshchi* [Autistic child. Ways of help], Terevinf, Moscow, Russia, 288 p.

Tiganov, A.S. and Bashina, V.M. (2005), "Modern approaches to understanding autism in childhood", *Journal of Neurology and Psychiatry*, vol. 105, no. 8, pp. 4–13.

Информация об авторах

Надежда В. Мазурова, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; *mazariny-2@yandex.ru*

Татьяна А. Гавриш, магистр психологии, детский развивающий центр «Радужные Капельки», Москва, Россия; 115093, Россия, Москва, ул. Павловская, 21; *tanulay@list.ru*

Information about the authors

Nadezhda V. Mazurova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities; Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; *mazariny-2@yandex.ru*

Tatiana A. Gavrish, Master (Psychology), Children's development center «Rainbow Drops», Moscow, Russia; bld. 21, Pavlovskaya str., Moscow, Russia, 115093; *tanulay@list.ru*

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-120-132

Динамика изменений информационных предпочтений в процессе социализации в новой социокультурной среде

Екатерина А. Киселёва⁸

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vita_ek@mail.ru*

Аннотация. В статье обсуждаются современные подходы к понятию социализация, рассматриваются пассивная и активная составляющие процесса социализации. В работе приводятся исследовательские данные об особенностях социализации и аккультурации при смене места жительства (на примере этнической группы российских немцев). В анализируемой ситуации аккультурация – принятие и присвоение новой культуры – предстает одним из значимых аспектов, определяющих успешность становления новой идентичности. Культура, язык, искусство длительное время стабильно сохраняются даже в условиях кардинальных перемен, поддерживая целостность и неизменность представлений людей о себе. Анализируя результаты нашего исследования, мы вслед за рядом авторов, рассматривали культуру в качестве категории, органично включенной в такие стороны идентичности, как этническая, социальная, личностная. Подобный глубинный и разносторонний характер этого феномена в той или иной степени способен служить основанием для обретения человеком новой идентичности в изменившихся жизненных обстоятельствах, дает возможность найти собственное место в незнакомой реальности. В свою очередь средства массовой информации заключают в себе двойную смысловую нагрузку: с одной стороны, они позволяют людям познакомиться со спецификой культурных явлений данного социума и одновременно сообщают сведения, необходимые для ежедневного ориентирования в новой социальной среде. Поэтому именно культура, представленная в информационных источниках, в ситуации смены места жительства может стать основой формирования иной социокультурной идентичности.

Ключевые слова: социализация, аккультурация, информационные предпочтения, культура

Для цитирования: Киселёва Е.А. Динамика изменений информационных предпочтений в процессе социализации в новой социокультурной среде // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 2. С. 120–132. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-120-132

⁸ © Киселёва Е.А., 2020

Dynamics of changes in information preferences in the process of socialization in the new sociocultural environment

Ekaterina A. Kiseleva

*Russian state University for the Humanities,
Moscow, Russia, vita_ek@mail.ru*

Abstract. This article discusses modern approaches to the concept of socialization, highlights the passive and active aspects of the socialization process. The features of socialization and acculturation in the situation of changing place of residence are considered (for example, the ethnic group Russian Germans). In this situation, acculturation, acceptance, and appropriation of a new culture are the important factors that determine the success of forming the new identity. Culture, language, and art remain unchanged even when a person's everyday life, worldview, and social environment change. This constancy persists even in the face of fundamental change, maintaining the integrity and immutability of people's perceptions of them-selves. Analyzing the results of this work we, after a number of authors, considered culture as an organically incorporated in such forms of identity, as ethnic, social, personal. Such a deep and diverse nature of this phenomenon is capable to fulfill the function of the basis which helps the person to acquire a new identity in changed life circumstances, and give the opportunity to find his own place in an unfamiliar reality. In turn, the media comprise a double semantic load: on the one hand, they allow people to get acquainted with the specifics of the cultural phenomena of a given society and at the same time provide information necessary for daily orientation in a new social environment. Therefore, it is the culture represented in information sources, in a situation of a change of place of residence that can become the basis for the formation of a different sociocultural identity.

Keywords: socialization, acculturation, transitivity, information preferences, culture

For citation: Kiseleva, E.A. (2020), "Dynamics of changes in information preferences in the process of socialization in the new sociocultural environment", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no 2, pp. 120-132. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-120-132

Социализация в транзитивности: реальное и информационное пространство

Динамика современности, которую каждый ощущает в сво-

ем повседневном бытии, проявляется в изменениях окружающего мира как на глобальном, так и на бытовом уровне. Механизмы адаптации, выработанные человеком на протяжении многих этапов исторического развития, позволяют ему и в условиях транзитивного общества находить с разной степенью успешности и при разных временных затратах способы соответствовать вызовам жизненных обстоятельств. Таким образом, мы наблюдаем непрерывное взаимодействие ряда переменных, где благополучие любого члена социума определяется его возможностью приспосабливаться к новым условиям, меняя модели своего поведения. Именно поэтому понятие социализации включает в себя признаки как пассивного процесса (социальной ориентировки), так и активной составляющей, когда человек в ответ на вновь возникающие социальные ситуации отказывается от прежних ценностей, норм, привычных ролей и ищет адекватные способы социального самоопределения [Гришина 2011].

Социально-психологическая адаптация, будучи одной из сторон социализации, подразумевает усвоение входящим в социум человеком (ребенком, мигрантом) значимых для этого общества норм, ценностей, эталонов. Однако и она не может рассматриваться исключительно как пассивный процесс социальной ориентировки и следование транслируемым обществом нормативам. Для благополучного существования необходима как активность самого человека, так и его готовность усваивать и перерабатывать новый опыт, т.е. интериоризация – в нашем случае мигрантом – новых культурных эталонов и преобразование их в мотивы собственного поведения.

Активная социализация, на наш взгляд, должна соответствовать ряду критериев. Она предполагает активное использование принятых в новом сообществе норм и правил поведения, то есть выработку определенных знаний и умений, адекватно применяемых человеком в данной социальной действительности. Ее активность проявляется также и в том, что человек на основе имеющейся у него информации стремится выбрать подходящую именно для него группу идентичности, в которой и будет проходить его дальнейшая социализация [Марцинковская 2015]. При этом в случае обоюдного принятия человека и группы становится возможным преобразование отдельных (даже первоначально значимых для данной группы) норм и эталонов.

Особое значение активность и избирательность процесса социализации приобретают при переезде на историческую родину людей, живших в другой стране. В последние десятилетия этот процесс приобретает все больший масштаб. Это и евреи, переехавшие из России в Израиль, это и русские, вернувшиеся в Россию из быв-

ших союзных республик, это и так называемые «русские немцы», возвращающиеся в Германию из России и стран СНГ. Конечно, эти процессы имеют качественное своеобразие, связанное, прежде всего, с укорененностью в родной культуре и языке. Для русских, которые вернулись из Прибалтики и Средней Азии в Россию, родным всегда оставался именно русский, а не латышский, эстонский или иные национальные языки. Родными являлись и русская культура, традиции, которые часто служили помехой для их социализации в республиках, где многие из них родились или прожили большую часть жизни. Однако это вопрос отдельного исследования, здесь же хотелось подчеркнуть именно то, что возвращение на историческую родину в данном случае не было связано с аккультурацией, но только с социализацией на новом месте проживания. Поэтому и не происходило кардинальных изменений в информационных предпочтениях, не было и доминирования виртуального или реального пространства социализации [Голубева 2019].

Совершенно другая картина наблюдается при переезде немцев из России в Германию. Российские немцы за несколько веков проживания в России «обрусели», во многом утратили культурные обычаи и даже язык. Таким образом, эту ситуацию можно рассматривать как кризисную транзитивность, при которой резко и кардинально меняется весь уклад жизни. Аналогичные кризисные обстоятельства, видимо, сложились при Петре I и в последующие годы, когда немцы в большом количестве появились в России. Однако психологически и экономически, что связано друг с другом, эти ситуации прямо противоположны. В то время при отъезде из Германии люди знали, что они едут туда, где получат работу, престижную должность, уважение. Их приглашали и ждали, и большинство из них добровольно следовали чужим обычаям, учили язык (это было и необходимо для работы), многие принимали и новую, православную религию. Поэтому можно предположить, что ситуация транзитивности для них не была такой жесткой, как для наших современников.

Люди, сегодня возвращающиеся в Германию, понимают, что там вряд ли их кто-то ждет и никто не гарантирует им работу. Поэтому информация о новой ситуации, особенно из многочисленных источников, прежде всего из интернета, для них жизненно необходима. При этом необходимо осознавать, что этнические немцы в России являются миноритарным народом, также как и немецкий язык – это миноритарный язык при мажоритарном русском языке и доминирующей русской культуре. В некоторой степени можно говорить о том, что это маргинальная группа, не принадлежащая ни к титульной нации (русские), но и ни к немцам, проживающим в Германии. Причем в большинстве семей сохраняются немецкие

традиции, культура и язык, хотя часто в несколько упрощенном и обедненном варианте [Гребенникова 2015]. Поэтому крайне важным источником информации для этих людей становится не только информация о социальной ситуации или рабочих местах в современной Германии, но даже о современном языке и культуре.

Для более полного понимания проблемы следует обратиться к использованию междисциплинарных подходов при анализе структуры социальной среды и представлений о возможном расширении границ индивидуальной активности и избирательности в процессе вхождения в социум. По мнению Т.Д. Марцинковской, «важным моментом, усиливающим возможность личностной избирательности и активности в процессе социализации в иной культуре, является наличие в ней различных социальных и культурных групп, с несхожими, но уже сложившимися нормами поведения, оценочными критериями и традициями. Это разнообразие удовлетворяет потребности человека в выборе и предоставляет ему дополнительные возможности в процессе категоризации, – т.е. в процессе поиска группы, наиболее соответствующей его стремлениям, интересам и индивидуальности» [Марцинковская 2018].

В то же время динамика и направленность социализации, несомненно, имеет связь и со спецификой национальной культуры, и с особенностями социальной ситуации развития в иной, незнакомой ранее среде. Социализация этнических групп (как и отдельных людей) в иной этнокультурной и природной среде является необходимой при вхождении в другую культуру. Под этническими миграциями мы понимаем те случаи массовых перемещений, когда представители того или иного этноса (этнокультурной группы) добровольно или вынужденно покидают территорию места формирования этноса (или его длительного проживания) и переселяются в иное географическое и/или культурное пространство. Как следствие возникают две (или более) неравные группы: количественно преобладающая, доминирующая, чьей составляющей является местное население, и группа/группы вновь прибывших, разнообразные по национальному, социальному и культурному составу и количественно меньшие. Необходимо отметить, что при взаимодействии, пока изменения в обеих группах находятся в процессе осуществления, большинство этих изменений происходит не в доминирующей группе (в нашем случае – это общество страны пребывания), а в группе мигрантов и являются результатом влияния доминирующей группы, что позволяет нам говорить о явлении аккультурации.

Понятие «аккультурация» определяется как смена культуры, происходящая в процессе постоянного прямого контакта между двумя различными культурными группами. Если первоначально

это явление понималось в качестве феномена группового уровня, то сейчас оно широко признано как феномен личностного уровня и обозначается понятием психологическая аккультурация [Лебедева 1997].

Подобную аккультурацию характеризует обращение к психологическим изменениям человека, культурная группа которого коллективно переживает процесс аккультурации. Существенную роль в данных процессах на современном этапе играют информационные предпочтения личности, которые способствуют или тормозят ход социализации в новой социокультурной среде. Таким образом, одним из основных подходов к исследованию процесса информационной социализации является изучение не только его когнитивных, но также его эмоционально-личностных и поведенческих аспектов.

Эмпирическое исследование информационных предпочтений этнических немцев в ситуации смены социального пространства

Целью исследования был сравнительный анализ информационных предпочтений на разных этапах вхождения в новое информационное и социокультурное пространство.

Выборка исследования. В исследование приняли участие представители этнической группы – российские немцы, которые переехали на постоянное место жительства в Германию и живут там на протяжении трех лет (N=100). Исследование проходило в три этапа: анкетирование, проводившееся во время пребывания респондентов в России (перед переездом), затем следующие два – через год и через три года проживания в Германии.

Методика исследования. Информационные предпочтения [Идентичность и социализация 2015]. Все респонденты были осведомлены о целях исследования и дали согласие на участие в нем.

Обсуждение результатов

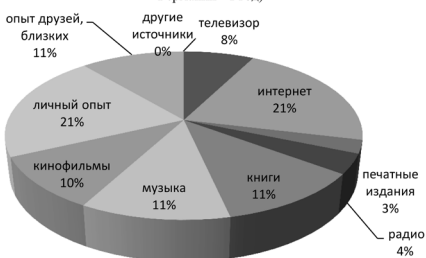
Отвечая на вопрос: *какими источниками информации вы чаще всего пользуетесь?* – респонденты дали следующие ответы (Диаграммы 1, 1а, 1б)

Мы видим, что в момент изучения ситуации до переезда первые позиции занимают такие источники, как телевидение, интернет и личный опыт.

Через год проживания респонденты отдают предпочтения интернету. Это связано с поиском работы, новых сфер общения, построением собственной социокультурной среды. Опыт друзей и близких становится не столь востребован, как на предыдущем этапе, но приоритетным остаётся личный опыт (как положительный, так и отрицательный).

1а. Какими источниками информации Вы чаще всего пользуетесь (в Германии - 1 год)

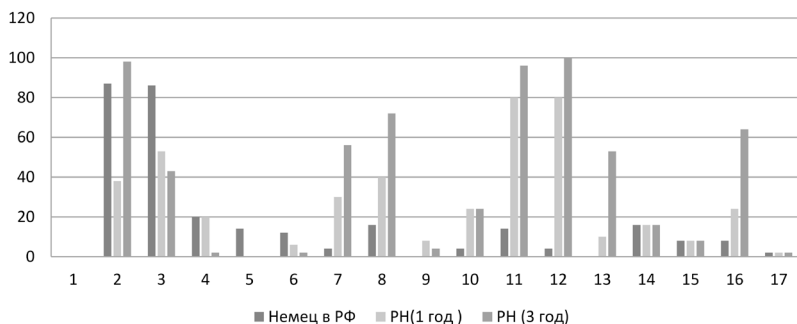
1б. Какими источниками информации Вы чаще всего пользуетесь (в Германии - 3 года)

Через три года проживания в Германии к тройке значимых информационных источников добавляется ещё один – опыт друзей и близких. Именно в сочетании этих источников (интернет, личный опыт, телевидение, опыт друзей и близких) респонденты видят возможность более быстрого вхождения в культуру, высокие шансы нахождения работы и т.д. В этот период телевидение вновь занимает существенное место в значимых источниках, так как респонденты, с одной стороны, видят в этом средство освоения социокультурного пространства, совершенствования немецкого языка и т.д., в том числе и возможность смотреть русские каналы (как описали 98% участников опроса: «не забывать родину, быть в курсе...» и т.д.).

При анализе ответов на вопрос: *какая информация вас интересует больше всего?* – мы получили следующие результаты, представленные в диаграмме 2:

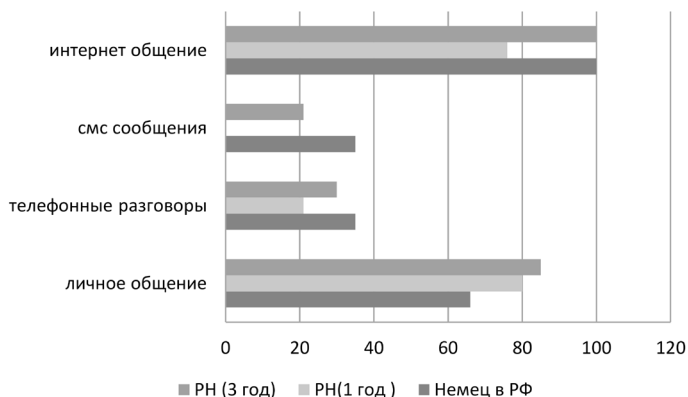
2. Какая информация вас интересует больше всего

Данные показывают, что и перед отъездом, и на третьем году проживания в Германии политическая информация занимает одно из первых мест. После первого года проживания в новом социуме данная информация практически не интересует респондентов. На наш взгляд, это связано с чётким вектором, направленным на себя и свою адаптацию к новым социокультурным условиям. Интересно, что после трёх лет проживания доминирующий интерес респондентов направлен на сюжеты о природе, животном мире, а также иные виды познавательной информации.

Результаты ответов на вопрос: *какому виду общения с друзьями вы отдаёте больше времени?* – представлены в диаграмме 3:

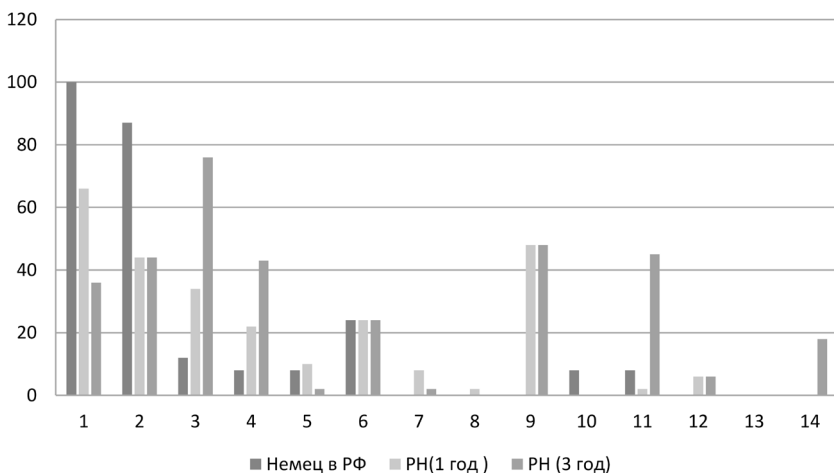
3. Какому виду общения с друзьями вы отдаёте больше времени

Все респонденты важными для себя отметили как личное общение, так и общение в интернет-пространстве, особенно в момент подготовки к переезду и после трёх лет проживания. В первом случае мы это связываем с потребностью узнать как можно больше информации о месте и социуме планируемого переезда. После трёх лет данные виды общения нужны и как поддержка (так как присутствуют моменты разочарования и ностальгии) и потребностью сохранить «связь с Родиной». После первого года мы видим сокращение количества общения, как правило, это связано с трудностями, которые респонденты испытывают в период адаптации и аккультурации в новой социокультурной среде.

Интересными стали ответы на вопрос: *какими интернет-ресурсами вы чаще всего пользуетесь?* (диаграмма 4):

4. Какими интернет ресурсами вы чаще всего пользуетесь

На следующей диаграмме не указаны интернет-ресурсы, а обозначены лишь предпочтения респондентов: а) до переезда; б) после 1-го и в) после 3-го года проживания

В момент подготовки к переезду 100% респондентов указали на информационные сайты. По истечении 1 года мы наблюдаем в области предпочтения увеличение информационных источников – информационные сайты, новостные сайты, Одноклассники, Вконтакте. После трех лет проживания респонденты чаще всего обращаются к музыкальным сайтам, интернет-магазинам и форумам (чаты, ICQ). Такая динамика свидетельствует о позитивной адаптации и аккультурации данных респондентов.

Заключение

В течение длительного времени социокультурная идентичность формировалась в стабильном обществе, на фоне сложившихся за многие десятилетия представлений людей о нормах, ценностях, идеалах, с устоявшимся образом мира – как физического, так и духовного. Традиции, наследуемые из поколения в поколение, служили гарантией благополучного существования в своей социальной группе, а в случае перехода в иную группу этого же социума, человек имел столь же определенные знания о стандартах и правилах поведения, но на этом ином, новом для себя уровне.

Последние десятилетия невероятно преобразили картину окружающего мира: глобализация и сопряженные с ней массовые миграционные процессы вырвали привычную почву из-под ног сотен и тысяч людей. Транзитивный характер действительности разрушает сложившуюся социокультурную идентичность, так как она перестает обеспечивать возможность адаптироваться к новой реальности.

Транзитивность современного мира, его изменчивость и неопределенность допускают множество различных вариантов сочетания персональной, лингвистической, социальной и культурной идентичности в той же мере, как и бесконечное разнообразие ее видов и неустойчивость баланса возникающих идентичностей.

В последние годы многих людей, которые попадают в принципиально новую для них социокультурную среду, сам факт переезда вынуждает приспосабливаться к непривычным условиям. Необходимость ресоциализации, сложности, отклонения, возникающие при формировании новой идентичности, дают основания предположить, что данное положение является для них ситуацией кризисной, жесткой транзитивности. Поэтому именно культура, представленная в информационных источниках, может стать основой формирования социокультурной идентичности людей в новой ситуации.

В то же время кардинальные изменения, связанные с переездом в чужую страну с другой культурой и языком, ставят перед людьми новые проблемы, так как основания для возникновения социокультурной идентичности должны быть кардинально или хотя бы частично трансформированы. Поэтому в настоящее время актуализируется проблема изучения роли информационных предпочтений, их динамики и влияния на определение специфики структуры и содержания идентичности у людей, живущих в новой этнической и культурной среде, а также развития процесса трансформации социальной идентичности у людей, меняющих условия своего проживания, город, страну, культуру.

Интернет играет наиболее значительную роль в момент подго-

товки и последующей аккультурации на новом месте. Это, безусловно, случай ситуации транзитивности, но транзитивности мягкой, текучей. Переезд и социально-психологическая адаптация на новом месте – здесь уже ситуация жесткой, кризисной транзитивности, и в данной ситуации кризисной транзитивности виртуальное пространство уходит на второй план. Можно предположить, что социализироваться необходимо именно в реальном новом мире, поэтому виртуальное пространство становится одним из источников поиска нужной для социализации информации и только. При этом особенно в момент кризисной транзитивности нарастает необходимость эмоциональной поддержки, которая наиболее полно осуществляется именно близким кругом лиц в живом общении. На первый план выходит и субъективная информация, которая передается знакомыми, а также информация, базирующаяся на собственном опыте. Такая информация отсутствует до переезда, поэтому в тот момент предпочтение и отдается именно обобщенной и обезличенной информации электронных СМИ.

При благоприятном сценарии развития аккультурации после трех лет жизни в другой стране происходит не только позитивная социализация, но и частично меняется социокультурная идентичность. Это влияет и на выбор информационных источников, и на отношение к реальному и виртуальному пространству, а также к реальному и виртуальному общению.

Таким образом, можно говорить о том, что при переезде в другую, даже близкую по культуре страну, то есть в ситуации жесткой транзитивности, реальное пространство и личное общение с близкими людьми, с семьей, помогает сохранить и поддержать психологическое благополучие и эмоциональную стабильность. В ситуации текучей транзитивности напротив необходимо пополнять информационные источники, получать обобщенную и объективную информацию, а также расширять круги общения. В данных условиях на первый план выходят социальные сети как пространство общения и Интернет как информационное пространство.

Люди, во взрослом возрасте меняющие страну проживания, испытывают значительные трудности при смене привычных условий жизни. Переезд кардинально изменяет их представления о своей и чужой культуре, даже если культура и обычаи нового окружения хорошо знакомы. Специфика нашего исследования социальной идентичности «русских немцев» заключается в том, что здесь мы имеем дело с представителями одной этнической группы, имеющими общие исторические корни, но разный социальный опыт последних поколений, что, по нашему мнению, должно определять различия в социализации и конструировании образа себя и образа мира. Поэтому можно предположить, что центральным элементом

новой социокультурной идентичности, особенно в первое время после переезда, будет не язык или культура в целом, но семья, близкие, создающие основу для укоренения в новой социокультурной среде. Именно такую картину отражают тенденции изменения в информационных предпочтениях нашего исследования.

Благодарность

Статья выполнена в рамках гранта РНФ № 19-18-00516 «Транзитивное и виртуальное пространства – общность и различия».

Acknowledgements

The work was supported by the RNF grant no. 19-18-00516 “Transitive and virtual spaces-commonality and differences”.

Литература

Голубева 2019 – *Голубева Н.А.* Феномен социальных сетей в современном цифровом обществе // Материалы конференции «Психология субкультуры: феноменология и современные тенденции развития». М. РГГУ, 2019. С. 207–212.

Гребенникова 2015 – *Гребенникова О.В.* Трансформация социальных представлений в межпоколенном взаимодействии // Психология обучения. 2015. № 3. С. 4–15.

Гришина 2011 – *Гришина Н.В.* Экзистенциальные проблемы человека как жизненный вызов // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2011. Вып. 4. С. 109–116.

Идентичность и социализация 2015 – Идентичность и социализация в современном мире: сборник методик / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: МПГУ, 2015. 112 с.

Лебедева 1997 – *Лебедева Н.М.* Социально-психологические закономерности аккультурации этнических групп // Этническая психология и общество / Под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Старый сад, 1997. 195 с.

Марцинковская 2018 – *Марцинковская Т.Д.* Проблема позитивной социализации в современном мультикультурном мире // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 3. С. 79–89.

Марцинковская 2015 – *Марцинковская Т.Д.* Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015. 248 с.

Reference

Golubeva, N.A. (2019), “The phenomenon of social networks in modern digital society”, *Materialy konferentsii “Psikhologiya subkul’turny: fenomenologiya i sovremennyye tendentsii razvitiya”* [Materials of the conference “Psychology of subcultures: phenomenology and modern development trends”], RGGU, Moscow, Russia, pp. 207–212.

Grebennikova, O.V. (2015), “Transformation of social representations in intergenerational interaction”, *Psikhologiya obucheniya*, no. 3, pp. 4–15.

Grishina, N.V. (2011), “Man’s existential problems as a life challenge”, *Vestn. St. Petersburg un-ta*, vol. 12, issue 4, pp. 109–116.

Lebedeva, N.M. (1997), “Socio-psychological patterns of acculturation of ethnic

groups”, in Lebedeva, N.M. (ed.), *Social'no-psihologicheskie zakonomernosti akkul'turacii etnicheskikh grupp* [Ethnic psychology and society], Stary sad, Moscow, Russia. 195 p.

Martsinkovskaya, T.D. (ed.) (2015), *Identichnost' i sotsializatsiya v sovremennom mire: sbornik metodik* [Identity and socialization in the modern world: collection of techniques], MPGU, Moscow, Russia. 112 p.

Martsinkovskaya, T.D. (2015), *Problema sotsializatsii v istoriko-geneticheskoy paradigme* [The problem of socialization in the historical and genetic paradigm], Smysl, Moscow, Russia. 248 p.

Martsinkovskaya, T.D. (2018), “The problem of positive socialization in the modern multicultural world”, *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 39, no. 3, pp. 79–89.

Информация об авторе

Екатерина А. Киселёва, кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vita_ek@mail.ru

Information about authors

Ekaterina A. Kiseleva, Cand. of Sci. (Pedagogical), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; vita_ek@mail.ru

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-133-150

Занятость личности в современном трансформирующемся обществе

Никита С. Гусельцев⁹

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, nguseltsev@gmail.com*

Аннотация. В современном мире представление о занятости личности трансформируется в процессе перехода от повседневных практик индустриального общества к постиндустриальному образу жизни, от модели стандартизированной занятости к индивидуализированной занятости. В статье занятость личности представлена как комплексная проблема, целостное понимание которой формируется в оптике мультидисциплинарных исследований. Трансформации занятости личности включены в экономические, политические, социокультурные и психологические контексты современной жизни. В этой логике феномены индивидуализации занятости и самозанятости необходимо рассматривать в связи с общими преобразованиями сферы труда, образования и досуга, где они наиболее выражены в изменениях мотивации, образа жизни и ценностей молодежи. Однако интеграция различных аспектов занятости личности с позиции мультидисциплинарности представляет собой методологическую проблему. Для ее решения был применен дизайн исследований, основанный на триангуляции подходов, сочетании теоретического и эмпирического, количественного и качественного анализа. Описание процессов трансформации занятости личности в современном мире потребовало новых аналитических конструктов, гибких и смешанных методологических стратегий. Эмпирическое исследование индивидуализированной занятости проводилось на студентах, выбравших в качестве дополнительной занятости частное репетиторство. Дополнительная занятость российских студентов анализировалась с учетом их мотивации, ценностей, структуры рынка труда, а также социокультурных и повседневных практик. Высказывается предположение, что индивидуальные стратегии занятости являются стихийным преодолением разрыва между отстающей от перемен системой образования и трансформациями

⁹ © Гусельцев Н.С., 2020

современности. Делается вывод, что самозанятость и индивидуализированные стратегии дополнительной занятости способствуют более гибкой и успешной интеграции молодых людей в изменяющуюся реальность.

Ключевые слова: занятость личности, самозанятость, дополнительная занятость, студенты-репетиторы, образование, мультидисциплинарный подход

Для цитирования: Гусельцев Н.С. Занятость личности в современном трансформирующемся обществе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 2. С. 133-150. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-133-150

Employment of a personality in a modern transforming society

Nikita S. Guseltsev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, nguseltsev@gmail.com*

Abstract. In the modern world, the concept of employment of a personality is transformed in the process of transition from the practices of industrial society to a post-industrial lifestyle, from a standardized employment model to an individualized employment model. In this article, the employment of a person is considered as a complex problem, a multidimensional understanding of which is formed as a result of multidisciplinary investigations. Transformations of employment are included in the economic, political, sociocultural and psychological contexts of modern life. The individualization of employment and self-employment should be considered in connection with the general transformations of the sphere of labor, education and leisure. These transformations become most pronounced in changes in the lifestyle, motivation and values of youth. Due to the need for analysis and integration of diverse aspects of this problem, the study of personality employment from the standpoint of multidisciplinary is a methodological problem, for the solution of which was carried out the research which design was based on triangulation of approaches and methods, a combination of theoretical and empirical, quantitative and qualitative analysis. However the description of the processes of transformation of personal employment in the modern world required new terms, analytical constructs, flexible and mixed methodological strategies. The empirical study of individualized employment focused primarily on students who chose private tutoring as additional

employment. Additional employment of Russian students was analyzed from the point of view of their motivation, values, labor market, as well as characteristic socio-cultural and everyday practices. It is argued that a focus on self-employment and individualized strategies for additional employment help a more flexible and successful integration of young people into the inevitable transformations of the modern world.

Keywords: personal employment, multidisciplinary approach, socialization, education, self-employment, students' private tutoring

For citation: Guseltsev, N.S. (2020), "Employment of a personality in a modern transforming society", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no 2, pp. 133-150. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-133-150

Введение

Изменения, происходящие в современном мире, затрагивают самые разные сферы жизни: особенности социализации молодого поколения, трансформации ценностей и сферы труда, учебы и отдыха, вопросы выбора профессии и самореализации. При этом общекультурными факторами, влияющими на образ жизни молодых людей, выступают глобализация, диверсификация социокультурного пространства, распространение Интернета (информатизация, дигитальность), рост мобильности в обществе и тенденции индивидуализации в частной жизни. Социологи, экономисты и гуманитарии отмечают неоднородность социокультурного пространства и разнообразие стилей жизни в современном мире, а также фиксируют процессы изменения ценностей, вызванные сменой поколений [Инглхарт 2018; Харченко 2013b; Урри 2012; Malone 2004]. Антропологи, психологи и педагоги концентрируются на индивидуальных стратегиях личности в построении жизни, в выборе практик образования и профессиональной самореализации [Вандеркам 2015; Демин 2012; Демин 2013; Марцинковская 2019; Трудюлов 2018]. Однако происходящие в сферах труда, учебы и отдыха трансформации занятости личности обретают наибольшую полноту и цельность в мультидисциплинарных исследованиях.

Множество исследователей из разных областей науки отмечают сегодня рост неопределенности, диверсификации социокультурного пространства, мобильности и изменчивости, что не только кардинально изменяет повседневную жизнь, но и рождает у людей опасения относительно будущего. Однако не менее значимым является изучение противоположных тенденций и практик овладения неопределенностью и изменчивостью жизни. Последние связаны с тем, что молодые люди всё активнее выстраивают индивидуализированные стратегии в сферах образования, работы и

досуга, принимают на себя ответственность за профессиональную и творческую реализацию. Так, например, в современном российском обществе значительная часть населения – это самозанятые [Gimpelson, Kapeliushnikov 2015]. Исследование данной области осложняется тем, что самозанятость находится в теневой сфере экономики и, следовательно, не прозрачна для непосредственного оперирования статистическими и социологическими данными. Это создает методологическую проблему и побуждает к поиску тех методов, которые позволяют исследовать неочевидные тренды и скрытые практики [Гусельцева 2019].

Занятость личности на перекрестке мультидисциплинарных исследований

Понятие занятости используется как в узком, так и в широком смысле слова. В первом случае оно характеризует преимущественно трудовые отношения; во втором – охватывает смешанные практики работы, образования и досуга. *Занятость личности – это та сфера жизни, которая является одним из ключей к пониманию трансформаций современности.* В сфере занятости сегодня создаются индивидуальные стратегии адаптации к изменениям, возникают новые смыслы и жизненные практики [Харченко 2013а]. Однако для «насыщенного описания» (термин К. Гирца) процессов трансформации требуются новые аналитические конструкты, более тонкий и чувствительный методологический инструментарий.

Дело в том, что современные трансформации сферы труда, образования и досуга создают нетипичные формы занятости: неформальную, нестандартную, гибкую, многократную, дополнительную (вторичную), неполную, фрагментарную, сезонную, эпизодическую и иные занятости. Особый интерес в этом ряду представляют исследования феноменов прекариата и фриланса [Тощенко 2018; Тощенко 2019; Харченко 2013b; Standing 2011].

Неформальная, нестандартная, дополнительная занятости сделали сегодня социальной нормой. В отличие от предыдущих, ориентированных на стандартизацию производства индустриальной эпохи, занятость в современном мире существует в различных формах и смешанных практиках. Если под *стандартной занятостью* принято понимать занятость в организации по найму на полный рабочий день с заключенным бессрочным трудовым договором и под непосредственным руководством работодателя или назначенных им менеджеров, то к нестандартной занятости, по умолчанию, относятся остальные виды занятости, не подпадающие под определение стандартной. *Неформальная занятость* как деятельность на рынке труда характеризуется отсутствием трудовых договоров между работником и работодателем, отсутствием социальной за-

щиты, а также уклонением от уплаты налогов и социальных взносов [Gimpelson, Kapeliushnikov 2015].

Прекариат – это новый термин, образованный из сочетания «ненадежности» (от англ. precarious) и «пролетариата». Г. Стэндинг выделил его как особый социальный класс [Standing 2011]. Прекариат – работники, вовлеченные в нестабильные и незащищенные трудовые отношения, каковыми могут быть неформальная занятость, сезонная занятость, неполная занятость и т.д. [Тощенко 2018].

В свою очередь, *фриланс* – образ жизни, стирающий грани между сферами работы и досуга. К этому стилю жизни склоняются профессионалы и люди с внутренним локусом контроля, которые предпочитают сами структурировать личную занятость и выстраивать свои жизненные стратегии. Можно предположить, что фрилансеры лучше адаптированы не только к меняющемуся рынку труда, но и к изменениям в целом. В отличие от иных видов нестандартной занятости, фриланс – профессия молодых и образованных городских жителей. Более того, значительную часть фрилансеров составляют студенты [Харченко 2013b].

В концепции культурной эволюции Р. Инглхарта переход от индустриального к постиндустриальному обществу представлен как переход от ценностей выживания к ценностям самовыражения [Инглхарт 2018]. На наш взгляд, эта методологическая оптика может быть применима и для анализа явлений нестандартной занятости. Так, определение прекариата Г. Стэндинга, сфокусированное скорее на негативных свойствах и опасениях [Standing 2011], сделано через оптику безопасности, а не возможностей развития. Прекариат как общественный класс не имеет договоров, социальных или правовых гарантий, а его возросшая активность создает риски и обусловлена нестабильностью окружающей среды. Однако то, что изначально воспринимается обществом настороженно и как отклонение от нормы, через некоторое время само становится нормой. В трактовке Ж.Т. Тощенко выделяются позитивные качества прекариата – готовность бороться за свои права [Тощенко 2018]. Эти же качества выходят на передний план в статье Д.А. Хорошилова [Хорошилов, Ильжер 2019]. Посредством оптики развития прекариат можно рассматривать как социальную группу, наиболее подготовленную к жизни в глобальном, мобильном, неопределенном и изменяющемся мире, в «обществе риска».

Прекариат – быстро растущий класс с неопределенными и гибкими формами занятости, который самостоятельно выстраивает связи с обществом и государством [Тощенко 2018]. Для прекариата как социального класса постоянство нестабильности, непрерывность изменений становятся привычным образом жизни. В психо-

логической же перспективе здесь важны готовность этой группы взять ответственность за работу и досуг, выработка ею осознанных и индивидуализированных жизненных стратегий. При позитивном векторе прекарность является предпосылкой появления гражданской субъектности.

Однако более удачным понятием при подобном анализе представляется *самозанятость*. Самозанятые отличаются от прекариата тем, что воспринимают свою занятость (сферы труда, образования и досуга в широком смысле) как пространство ответственности. Если «прекариат» подразумевает акцент на трудно контролируемых обстоятельствах, то «самозанятость» означает внутренний локус контроля, создание собственных профессиональных и экзистенциальных проектов. Таким образом, мы рассматриваем самозанятость как одну из стратегий овладения неизбежностью перемен.

Фриланс – феномен нестандартной занятости, ориентированной скорее на ценности развития, нежели безопасности. Важно отметить, что в трансформациях современности появляются новые реалии, для которых необходима иная и более дифференцированная терминология, позволяющая выявлять малозаметные нюансы. Так, например, термин «фрилансер» появился одновременно с ростом практик самозанятости, в то время как свободные профессии существовали в истории человечества и прежде.

Студенческая занятость: смешанные формы, проблемы изучения

Мы полагаем, что черты нестандартных трудовых отношений, прекарности, фриланса, самоорганизации в образовательной деятельности, творчество индивидуальных стратегий и практик соединены в феномене *студенческой занятости*. Это делает студенческую занятость особенно значимой для исследований. Однако по этой же причине, с одной стороны, смешанности форм занятости, а с другой – теневого сектора экономики и системы образования, данная сфера плохо поддается количественным методам исследования, тогда как *мультидисциплинарный проблемно-ориентированный подход позволяет выявлять трансформации, которые не видны в локальных исследованиях отдельных наук*.

Дополнительную занятость студентов в Великобритании подробно исследовал Д. Роботам [Robotham 2012; Robotham 2013]. Он пришел к выводу, что занятость на неполный рабочий день является опытом большинства студентов дневной формы обучения. Более того, некоторые студенты уделяли своим дополнительным занятиям даже больше времени, чем учебе. Так, исследования Д. Роботама показали, что *для части студентов именно обучение со временем превращалось во второстепенное занятие, настолько они вовлекались в свою частичную занятость* [Robotham 2012].

При этом как в Великобритании, так и в других странах увеличивается число студентов-очников, занятых неполный рабочий день, а также возникают другие формы самозанятости и дополнительной занятости. Одной из распространенных форм студенческой дополнительной занятости является репетиторство.

Одним из первых частное репетиторство (private supplementary tutoring) как форму дополнительного образования изучил М. Брей [Bray 2007]. Он провел широкомасштабное международное исследование этой проблемы в четырнадцати регионах мира [Bray 2006]. Здесь важно подчеркнуть, что частное репетиторство является частью теневой или скрытой системы образования и экономики. Несмотря на то, что в последние десятилетия оно стало все более распространенным и приобрело значимость во всех регионах мира, получить надежные данные о теневом образовании, как и о теневом рынке труда, довольно трудно, ибо частные репетиторские занятия носят в основном неформальный характер и не афишируются.

Для сравнительного анализа ситуации с дополнительной занятостью студентов в России следует обратить внимание на социокультурный и социально-психологический контексты этой проблемы. Мы полагаем, что это явление становится особенно актуальным и значимым как в ходе трансформации системы образования, так и социокультурных преобразований в целом. Следовательно, в сложившейся ситуации спонтанные изменения занятости будут связаны с появлением новых смыслов и ценностей, а также самоорганизацией молодежных практик в сфере труда, учебы и отдыха.

Дополнительная занятость как лаборатория новых смыслов и практик

Система образования как социальный институт характеризуется консерватизмом, а поэтому в современном быстро меняющемся мире она практически не успевает реагировать на вызовы стремительности перемен и непредсказуемости будущего. К тому времени, когда выпускник получит специальность, нет никаких гарантий, что приобретенные им компетенции и практики будут востребованы на рынке труда. Наряду с этим информационные и коммуникационные технологии стимулировали диверсификацию занятости. В мире, пронизанном Интернетом, новые профессии и рабочие места появляются быстрее, чем разрабатываемые для них образовательные стандарты [Стребков, Шевчук 2011; Харченко 2013а; Malone 2004]. Именно в сфере нестандартной занятости молодые люди вырабатывают индивидуальные стратегии и спонтанно осваивают новые компетенции, но именно это латентное и стихийное формирование новых ценностей и профессиональных практик молодежи в меняющемся мире недостаточно изучено.

Мы полагаем, что *конкурентное преимущество на рынке труда для молодежи сегодня обеспечивается не столько системой образования, сколько практиками дополнительной занятости и самозанятости*. Функции образования, не успевающего за трансформациями современности, невольно изменились: оно социализирует молодежь для нынешнего мира, но гораздо хуже справляется с подготовкой к будущей жизни, к новым профессиям и меняющемуся рынку труда, тогда как в сфере дополнительной занятости ведется поиск новых форм повседневной жизни, работы, отдыха, производства новых смыслов и ценностей [Харченко 2013а]. Так, студенты – зачастую спонтанно и латентно – усваивают в практиках трудовой и досуговой деятельности те компетенции, которыми их не обеспечивает система образования. Эти практики также формируются в связи с такими сопутствующими факторами постиндустриальной культуры, как глобализация, социальные сети, Интернет, гибридизация и диверсификация повседневности. Еще раз отметим, что проблемой для подобного рода исследований являются скрытые, возникающие спонтанно и стихийно, ускользающие от глаз индивидуальные стратегии и практики жизни [Гусельцева 2019]. С одной стороны, мы имеем здесь дело с латентностью полей текущих преобразований, а с другой, сталкиваемся с нерелевантностью статистических и социологических данных.

Однако обозначенная проблема, на наш взгляд, решается путем интеграции данных мультидисциплинарных исследований и при использовании смешанных методологических стратегий. Так, если сравнение представлений о трансформации занятости в перспективе различных социогуманитарных наук создает более полную и целостную картину этой реальности, то качественный анализ [Bryman 2012; Kvale 1996] подходит для выявления именно нестандартных форм занятости.

Сочетание количественного и качественного анализа как методологическая стратегия дополнительной занятости личности

В выпускной квалификационной работе, выполненной под руководством А.В. Кученковой, изучалась дополнительная занятость студентов-репетиторов в контексте разнообразия форм занятости: была проанализирована структура электронного рынка репетиторских услуг; раскрыты особенности продвижения услуг на этом рынке; посредством серии качественных интервью выявлены индивидуальные стратегии, мотивы, и представления студентов об особенностях их практик вторичной занятости [Гусельцев 2018]. Тот факт, что формы занятости могут сочетаться между собой, образуя различные смешанные, гибридные соединения, создает определенные трудности, например, для статистического анализа

частной репетиторской деятельности. Однако информатизация и распространение Интернета способствуют не только изменению практик трудоустройства, но и способов исследования этого рынка труда. В сети интернет представлены электронные базы данных репетиторов, что позволяет охватить весь спектр практик самозанятости – этого прежде практически скрытого от глаз исследователей явления.

Так, например, посредством анализа анкет репетиторов, размещенных в одной из крупнейших электронных баз «Ассоциация репетиторов», было обнаружено, что наибольшее количество репетиторов (в том числе студенты) занимается преподаванием иностранного языка, а доминирующее положение в этом кластере занимает английский язык (44% и 35% соответственно). Отметим, что косвенным образом это свидетельствует о вовлеченности россиян в процессы глобализации и выявляет их ожидания от системы образования. В качестве примера в таблице ниже представлен фрагмент анализа по этой базе данных (см. табл. 1). (Процентное соотношение анкет общего числа репетиторов и студентов высчитывалось лишь по пяти лидирующим в каждом случае предметам.)

Таблица 1

Анализ базы данных Ассоциации репетиторов г. Москвы

Учебный предмет	Общее число анкет репетиторов	Анкеты студентов-репетиторов
Английский язык	16824 (44%)	3078 (35%)
Математика	9827 (25%)	2880 (33%)
Русский язык	5767 (15%)	1348 (15%)
Физика	3506 (9%)	943 (11%)

Частное репетиторство – это не только неформальная и нестандартная занятость. Это явление может быть охарактеризовано широким спектром понятий от прекариата до фрилансера, от дополнительной занятости до флексибельности (от англ. Flexibility) как характеристики гибкой занятости. Особую группу репетиторов представляют студенты, для которых реализация услуг дополнительного образования выступает в качестве вторичной занятости. Репетиторскую деятельность студентов также можно представить как самозанятость. Несмотря на тот факт, что услуги репетиторов в российском обществе широко распространены и востребованы, репетиторы находятся в неоднозначной ситуации на рынке труда, ибо формы их занятости вне сферы правовой и социальной защи-

ты. Кроме того, задачи по поиску клиентов, по обеспечению объемов работ возлагается на самого работника. Ведущие средства продвижения репетиторских услуг – это поиск клиентов через друзей, знакомых, коллег, а также через специализированные интернет-ресурсы¹⁰. Вместе с тем подобный род деятельности дает и ряд преимуществ: гибкость условий труда, развитие горизонтальных связей и «прокачку» коммуникативной компетентности.

Одиннадцать качественных (полуструктурированных) интервью со студентами-репетиторами было проведено в 2016-2017 гг.¹¹ [Гусельцев 2018]. Средняя продолжительность интервью составляла 40 минут (само короткое продлилось 19 минут, самое длинное заняло 74 минуты). Интервью записывались на диктофон и впоследствии были расшифрованы. Все респонденты дали согласие на участие в исследовании и на обработку персональных данных.

На основе анализа полуструктурированных интервью [Вруман 2012] изучалась также мотивация студентов в дополнительной занятости и их ожидания от будущего. Среди респондентов обнаружили две группы: те, кто выбрал деятельность репетитора самостоятельно и целенаправленно (активная стратегия занятости), и те, кто стал заниматься репетиторством под влиянием случайных факторов (пассивная стратегия занятости)¹². Установлено, что приоритетной мотивацией для дополнительной занятости студентов являлось *удовлетворение материальных личных нужд*, а также *возможность оплаты обучения*. Отметим, что полученные результаты хорошо согласуются с данными Д. Роботама и иных исследователей мотивации [Ворона 2008; Канаева, Лапшова 2018; Кученкова 2019; Robotham 2012; Robotham 2013].

Было установлено, что важным критерием для начала репети-

¹⁰ Для г. Москва это: Ассоциация репетиторов [Электронный ресурс]. URL: <https://repetit.ru> (дата обращения: 05.06.2017); База репетиторов «Виртуальная академия» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.virtualacademy.ru> (дата обращения: 05.06.2017); База репетиторов «Repetitor.org» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.repetitor.org> (дата обращения: 05.06.2017); Блог ассоциации репетиторов [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.repetit.ru/2017/03/15/repetitorstvo-2015-2016-god/> (дата обращения: 05.06.2017).

¹¹ Из 27 потенциальных респондентов 16 отказались давать интервью. Этот фактор отказа, не всегда учитывающийся при интерпретации данных социологических опросов, сам по себе довольно показателен. Он демонстрирует трудность изучения феноменов, находящихся в теневых сферах занятости.

¹² «Моя школьная учительница попросила позаниматься английским с ее сыном», – сообщила репетитор по английскому языку (студентка МПГУ). «Клиенты сами меня находят по рекомендациям моих же учеников», – говорит репетитор по русскому языку и литературе (из РГУ им. А.Н. Косыгина). Однако были респонденты, которые сами нашли себе клиентов, например, один из них (из НИУ ВШЭ) сообщает: «Иногда нахожу через знакомых, но чаще пользуюсь компанией “Ваш Репетитор”». «Сама. Подала объявление в группе “Вконтакте”», – говорит репетитор по физике и геометрии (из МГТУ).

торской деятельности являлось хорошее знание предмета и наличие друзей, знакомых или родственников, которые могли предоставить клиентов для начала репетиторства. Наряду с этим выявлено, что для увеличения клиентской базы наиболее эффективным было распространение информации клиентами посредством «сарафанного радио».

Деятельность в качестве репетитора подразумевала, с одной стороны, лабильность условий труда (возможность согласования времени труда, самостоятельного регулирования объемов труда, выбора места проведения занятий и др.), а с другой, нестабильность занятости (отсутствие официального оформления трудовых отношений, необходимость самостоятельного поиска клиентов, отсутствие социальных, трудовых прав и гарантий и др.). Следует также отметить, что репетиторство как дополнительная занятость, благодаря гибкому графику, довольно удачно подходит для совмещения работы с учебой.

Несмотря на преобладание материальных нужд, мотивация самозанятых студентов оказалась довольно сложна, зачастую противоречива, что требует проведения дальнейших, более глубоких исследований. Однако уже сейчас можно отметить, что студенты-репетиторы лучше адаптированы не только к меняющемуся рынку труда, но и к социокультурным переменам в целом. Им присуща мотивация, ведущая к профессиональному совершенствованию, умение выстраивать индивидуализированные стратегии, планировать траектории собственного позитивного будущего. Их также отличают внутренний локус контроля, стремление к самореализации и способность получать радость от хорошо сделанной работы. *«...Я это делаю больше не для обеспечения себя, а для получения удовольствия»*, – заявила репетитор по математике (на тот момент – студентка Финансового университета). *«Я получаю от этого истинное удовольствие... мне нравится преподносить информацию, нравится объяснять то, что сама хорошо знаю»*, – говорит репетитор по физике и геометрии из МГТУ. Среди студентов-репетиторов представлена не просто мотивация самореализации, но ее гедонистические и гуманитарные (радость от помощи другим людям) разновидности. Также обратим внимание на характерное для дополнительно занятых студентов сознание ответственности. Среди опрошенных встречались те, кто осознавал, что не хочет подводить своих учеников, например, репетитор по английскому языку из НИУ ВШЭ заявила: *«...Для меня причиной продолжения работы является нежелание подводить детей, которым очень трудно переключиться с одного репетитора на другого ...Да и всегда отрадно, если передаешь свои знания кому-то»*. Она же отмечала, что репетиторство является своеобразной адаптивной стратегией: *«Я знаю,*

если что, то смогу уйти в сферу репетиторства. Но это крайний случай».

Таким образом, *наряду с материальным вознаграждением важными факторами, которые поддерживают мотивацию к дополнительной занятости и способствуют уверенному взгляду в будущее, являются ощущение студентами успеха и возможности своей профессиональной самореализации.* При этом сами респонденты в качестве критериев успеха определяли совершенно разные качества: навыки общения, способность объяснять материал доступным способом, терпение, креативность, ответственность, стрессоустойчивость¹³. *Показательно, что почти половина респондентов отметили, что не намерены продолжать работать по специальности, по которой они учатся.*

Рис. 1. Мотивации дополнительной занятости студентов-репетиторов¹⁴

Между тем практики самозанятости и индивидуальные стратегии дополнительной занятости студентов способствуют гибкой и успешной интеграции молодых людей в трансформации современности.

¹³ Так, репетитор по математике (студентка Финансового университета) сформулировала позитивную задачу своей деятельности следующим образом: «...объяснять материал понятным именно для учеников языком... дать знания, помочь понять предмет». Репетитором по французскому языку (студенткой ВАВТ) был отмечен совершенно иной критерий: «Самое главное – терпение». Репетитор по английскому языку резюмировала все остальные ответы: «Если говорить о критериях успеха в этой деятельности, то я выбираю творческий подход и ответственность... <...> Нужно проявлять интерес к ученикам, узнавать их, потому что так легче найти подход к каждому. ... Но это ещё не всё – важными для репетитора можно назвать ещё несколько качеств. Это пунктуальность, ответственность, внимательность, коммуникабельность и стрессоустойчивость» (респондент из НИУ ВШЭ).

¹⁴ По причине относительно небольшой выборки и качественного анализа данных в таблице представлены не процентное соотношение, а ранги мотивации.

менного мира, делают их взгляд на будущее более уверенным и позитивным. Большинство наших респондентов планировали продолжать деятельность репетитора в ближайшей перспективе. Некоторые студенты рассматривают эти частные занятия в качестве полезного хобби, доставляющего радость самовыражения, творческой и продуктивной деятельности. Самозанятые студенты характеризуются внутренним локусом контроля, мотивацией развития с опорой на самостоятельность и ответственность, они выстраивают индивидуализированные стратегии в области образования, работы и отдыха. Непостоянная и гибкая занятость позволяет им успешно совмещать учебу с работой. Наряду с этим репетиторская деятельность студентов содержит смешанные элементы фриланса, гибкости и precariousности. Менее же очевидно, что это сфера творчества новых смыслов, ценностей и практик. Так, именно *подобная дополнительная занятость как частное репетиторство обеспечивает те экономические и культурные потребности, которые не удовлетворяются консервативной и отстающей от трансформаций современности системой образования*. Например, типичное российское образование ни в школе, ни в вузе не обеспечивает студентам должного уровня владения иностранным языком, в то время как данная компетенция пользуется довольно большим спросом среди российской молодежи. Этот факт, а также подготовка к ЕГЭ, с которой опять же не справляется стандартная школа, являются основной причиной востребованности в России такого неформального института, как частное репетиторство.

Выводы

Осуществленный в исследовании анализ электронного рынка репетиторских услуг в г. Москве показал, что наибольшая доля предложений на этом рынке – услуги по преподаванию иностранных языков (где доминирующее положение в указанном блоке занимает английский). Следующие по распространенности – это школьные предметы, по которым установлена обязательная сдача ЕГЭ (математика, русский язык) или предпочитаемые выпускниками для сдачи экзамены: физика и химия – среди естественнонаучных учебных предметов; литература, история, обществознание – среди гуманитарных.

Изучение анкет репетиторов, размещенных в одной из крупнейших электронных баз «Ассоциация репетиторов», позволило выделить основную специфику продвижения дополнительных образовательных услуг на электронных рынках. С одной стороны, это наличие показателей эффективного продвижения услуг таких, как количество просмотров анкеты в месяц, количество подобранных учеников за год, место в рейтинге и количество положительных

отзывов при отсутствии негативных. С другой стороны, это необходимость отразить в анкете свои конкурентные преимущества (стаж, квалификация, наличие особых достижений, подтвержденных дипломами и др.). Возможность видеть анкеты и предложения других позволяет репетитору подчеркнуть личные преимущества и выработать собственную стратегию продвижения услуг на электронном рынке.

Особую группу репетиторов составляют студенты, для которых реализация услуг дополнительного образования выступает в качестве вторичной занятости. Изучение мотивов и особенностей деятельности студентов-репетиторов позволило выявить, что для представителей этой категории репетиторство выступает своеобразной опережающе-адаптивной стратегией, как приносящей дополнительный заработок, так и укрепляющей чувство уверенности, психологического благополучия в условиях неопределенности российского рынка труда. Репетиторская деятельность и успехи в ней позволяют студентам обрести профессиональную и личностную уверенность, выстроить дополнительную перспективу профессионального будущего.

На современном этапе развития российского общества услуги репетиторов получили широкое распространение и стали востребованы. Однако преимущественно неформальный, теневой характер репетиторской деятельности затрудняет как ее статистический учет, так и изучение. Это и определило методологическую стратегию нашего исследования – как сочетание количественного и качественного анализа.

На основе анализа теоретических источников и собственных эмпирических исследований был обнаружен *разрыв между потребностями и ожиданиями учащихся и теми реальными знаниями, практиками и компетенциями, которые предоставляет система образования*. Этот разрыв усугубляется тем, что студенты обращаются к самостоятельной занятости и стихийно создают гибкие, смешанные практики, сочетающие и размывающие границы между сферами работы, учебы и досуга. Это спонтанное сотворение новых смыслов и ценностей в индивидуализированных стратегиях занятости требует дальнейшего, более углубленного изучения.

Представляется, что самозанятость и самоорганизация иных форм занятости – это продуктивные копинг-стратегии личности в ситуации трансформаций современности и кризиса системы образования.

Предлагается использование мультидисциплинарного анализа и смешанных методов в качестве эффективной методологической стратегии для изучения особенностей и выявления тенденций теневого образования и самозанятости.

Заключение

Теоретический анализ источников из мультидисциплинарных областей показал, что творческие и рациональные компоненты играют все более важную роль в структуре современной занятости. Это не столько специфические профессиональные навыки, сколько социальные и коммуникативные компетенции, новые информационные технологии. Все больше людей оказываются занятыми не на производстве (куда проникают автоматизация и роботизация), а в сфере услуг, где люди предоставляют услуги другим людям, создают уникальные работы и выполняют личные заказы [Харченко 2013b; Malone 2004]. В этой связи на передний план выходят относительно новые термины, описывающие разновидности занятости и текущие преобразования в сфере труда, образования и досуга – такие, как прекариат, внештатный работник, фрилансер, самозанятость и т.п.

Современная занятость является проблемой, которая затрагивает рынки труда, способы трудоустройства, особенности работы, образования, досуга, но обычно упомянутые сферы изучаются отдельно друг от друга. Трансформации личной занятости включены в потоки изменений, происходящих в культуре, экономике, в социальной и психологической плоскости жизни людей. Наряду с этим теневая экономика, нестандартные практики занятости и теневое образование являются трудно наблюдаемыми сферами социальной жизни. Достоверные статистические данные о самозанятости зачастую отсутствуют. Все перечисленное свидетельствует в пользу мультидисциплинарного проблемно-ориентированного подхода и дизайна исследований, базирующихся на использовании смешанных методов, сочетании количественного и качественного анализа.

Литература

Вандеркам 2015 – *Вандеркам Л.* Книга о потерянном времени: У вас больше возможностей, чем вы думаете. М.: Альпина Паблишер, 2015. 338 с.

Ворона 2008 – *Ворона М.А.* Мотивы студенческой занятости // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 106–115.

Гусельцев 2018 – *Гусельцев Н.С.* Репетиторы на рынке образовательных услуг города Москвы. Выпускная квалификационная работа студента 4 курса по направлению «Социология» под руководством А.В. Кученковой. М.: РГГУ, 2018 (рукопись).

Гусельцева 2019 – *Гусельцева М.С.* Психология повседневности в свете методологии латентных изменений. Монография. М.: Акрополь, 2019. 375 с.

Демин 2013 – *Демин А.Н.* Взаимодействие личности и эпохи: формирование новых биографических стандартов занятости / Человек. Сообщество. Управление. 2013. №1. С. 100–107.

Демин 2012 – *Демин А.Н.* Психология занятости как теоретический ресурс психологии жизненного пути // Психология. Экономика. Право. 2012. № 1. С. 25–35.

Инглхарт 2018 – *Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. 347 с.

Канаева, Лапшова 2018 – *Канаева Л.П., Лапшова А.М.* Стратегии трудовой самозанятости студентов // Вестник науки и образования. 2018. Т. 1. № 8 (44). С. 103–105.

Кученкова 2019 – *Кученкова А.В.* Вторичная занятость в контексте процессов прекаризации на российском рынке труда // Социологические исследования. 2019. Том 45. № 9. С. 73–83.

Марцинковская 2019 – *Марцинковская Т.Д.* Современная психология: от транзитивного к технологическому обществу // Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: ИП РАН, 2019. С. 43–72.

Стребков, Шевчук 2011 – *Стребков Д.О., Шевчук А.В.* Электронная самозанятость в России // Вопросы экономики. 2011. № 10. С. 91–112.

Тощенко 2018 – *Тощенко Ж.Т.* Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография. М.: Наука, 2018. 350 с.

Тощенко 2019 – *Тощенко Ж.Т.* Феномен прекариата: теоретические и методологические основания исследования // Социологические исследования. 2019. Том 45. № 9. С. 51–63.

Трудолобов – *Трудолобов М.* Бегство. Жизнь без государства в России начала XXI века [Электронный ресурс] // InLiberty, 2018. URL: <https://www.inliberty.ru/magazine/issue6/> (дата обращения 29 марта 2019).

Харченко 2013а – *Харченко В.С.* Совмещение работы и учебы в вузе: новые практики или новые смыслы? // Вопросы образования. 2013. № 3. С. 92–104.

Харченко 2013б – *Харченко В.С.* Фриланс как стиль жизни в современном российском обществе: Дисс. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2013. 179 с.

Хорошилов, Ильжер 2019 – *Хорошилов Д.А., Ильжер Е.А.* Коллективные переживания прекарности и гражданские движения // Национальный психологический журнал. 2019. Т. 2. № 2 (34). С. 48–54.

Урри 2012 – *Урри Дж.* Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.

Bray 2006 – *Bray M.* Private Supplementary Tutoring: Comparative Perspectives on Patterns and Implications. A Journal of Comparative Education. 2006. Vol. 36(4). P. 515–530.

Bray 2007 – *Bray M.* The shadow education system: private tutoring and its implications for planners. 2nd ed. Paris: UNESCO International Institute for Educational Planning, 2007. 102 p.

Bryman 2012 – *Bryman A.* Social Research Methods. 4th ed. N.Y.: Oxford University Press, 2012. 766 p.

Gimpelson, Kapeliushnikov 2015 – *Gimpelson V., Kapeliushnikov R.* Between light and shadow: Informality in the Russian labour market // The Challenges for Russia's Politicized Economic System / Ed. by S. Oxenstierna. London, New York: Routledge, 2015. P. 33–58.

Kvale 1996 – *Kvale S.* InterViews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing. Thousand Oaks, CA: Sage, 1996. 326 p.

Malone 2004 – *Malone T.W.* The Future of Work: How the New Order of Business Will Shape Your Organization, Your Management Style, and Your Life. Boston, MA: Harvard Business School Press, 2004. 225 p.

Robotham 2012 – *Robotham D.* Student part-time employment: characteristics and consequences / *Education + Training*. Vol. 54(1). P. 65–75.

Robotham 2013 – *Robotham D.* Students' perspectives on term-time employment: an exploratory qualitative study / *Journal of Further and Higher Education*. Vol. 37(3). P. 431–442.

Standing 2011 – *Standing G.* The Precariat: The New Dangerous Class. London: Bloomsbury Academic, 2011. 198 p.

References

Bray, M. (2006), “Private Supplementary Tutoring: Comparative Perspectives on Patterns and Implications”, *A Journal of Comparative Education*, vol. 36(4), pp. 515–530.

Bray, M. (2007), *The shadow education system: private tutoring and its implications for planners*, 2nd ed., UNESCO International Institute for Educational Planning, Paris, France, 102 p.

Bryman, A. (2012), *Social Research Methods*, 4th ed., Oxford University Press, N.Y., USA, 766 p.

Demin, A.N. (2013), “The interaction of personality and era: the formation of new biographical standards of employment”, *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, no. 1, pp. 100–107.

Demin, A.N. (2012), “The psychology of employment as a theoretical resource of the psychology of the life path”, *Psikhologiya. Ekonomika. Pravo*, no. 1, pp. 25–35.

Gimpelson, V. and Kapeliushnikov, R. (2015), “Between light and shadow: Informality in the Russian labour market”, in Oxenstierna, S. (ed.), *The Challenges for Russia's Politicized Economic System*, Routledge, London, New York, pp. 33–58.

Gusel'tsev, N.S. (2018), Tutors in the educational market of the city of Moscow, Graduation work of a 4th year student in the direction of “Sociology” under the guidance of A.V. Kuchenkova, Russian State Humanitarian University, manuscript, Moscow, Russia.

Gusel'tseva, M.S. (2019), *Psikhologiya povsednevnosti v svete metodologii latentnykh izmenenii* [The psychology of everyday life in the light of the methodology of latent changes], Monografiya, Akropol', Moscow, Russia. 375 p.

Inglkhart, R. (2018), *Kul'turnaya evolyutsiya: kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir* [Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World], Mysl', Moscow, Russia. 347 p.

Kanaeva, L.P. and Lapshova, A.M. (2018), “Strategii trudovoi samozanyatosti studentov”, *Vestnik nauki i obrazovaniya*, vol. 1, no. 8 (44), pp. 103–105.

Kharchenko, V.S. (2013a), “Sovmeshchenie raboty i ucheby v vuze: novye praktiki ili novye smysly?”, *Voprosy obrazovaniya*, no. 3, pp. 92–104.

Kharchenko, V.S. (2013b), *Freelance as a lifestyle in modern Russian society*, Ph.D. Sc. Thesis, Ekaterinburg, Russia. 179 p.

Khoroshilov, D.A. and Il'zher, E.A. (2019), “Collective experience of precarity and civil movements”, *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, vol. 2, no. 2 (34), pp. 48–54.

Kuchenkova, A.V. (2019), “Vtorichnaya zanyatost' v kontekste protsessov prekarizatsii na rossiiskom rynke truda”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, vol. 45, no. 9, pp. 73–83.

- Kvale, S. (1996), *InterViews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing*, Sage, Thousand Oaks, CA, 326 p.
- Malone, T.W. (2004), *The Future of Work: How the New Order of Business Will Shape Your Organization, Your Management Style, and Your Life*, Harvard Business School Press, Boston, MA, 225 p.
- Martsinkovskaya, T.D. (2019), "Modern psychology – from transitive to technological society", in Zhuravlev, A.L. and Yurevich, A.V. (ed.), *Novye tendentsii i perspektivy psikhologicheskoi nauki* [New trends and prospects of psychological science], IP RAN, Moscow, Russia, pp. 43–72.
- Robotham, D. (2012), "Student part-time employment: characteristics and consequences" *Education + Training*, vol. 54(1), pp. 65–75.
- Robotham, D. (2013), "Students' perspectives on term-time employment: an exploratory qualitative study", *Journal of Further and Higher Education*, vol. 37(3), pp. 431–442.
- Standing, G. (2011), *The Precariat: The New Dangerous Class*, Bloomsbury Academic, London. 198 p.
- Strebkov, D.O. and Shevchuk, A.V. (2011), "Electronic self-employment in Russia", *Voprosy ekonomiki*, no. 10, pp. 91–112.
- Toshchenko, Zh.T. (2018), *Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu* [Precariat. From Protoclass to New Class], Monografiya, Nauka, Moscow, Russia. 350 p.
- Toshchenko, Zh.T. (2019), "Fenomen prekariata: teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniya issledovaniya", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, vol. 45, no. 9, pp. 51–63.
- Trudolyubov, M. (2018), "Life without a state in Russia at the beginning of the XXI century", *InLiberty*, [Online], available at: <https://www.inliberty.ru/magazine/issue6/> (Accessed 29 Mar 2019).
- Urry, J.R. (2007), *Mobilities*, Polity Press, Cambridge, 336 p.
- Vanderkam, L. (2015), *Kniga o poteryannom vremeni: U vas bol'she vozmozhnostei, chem vy думаete* [168 hours: you have more time than you think], Al'pina Publisher, Moscow, Russia. 338 p.
- Vorona, M.A. (2008), "Motives of student employment", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 8, pp. 106–115.

Информация об авторе

Никита С. Гусельцев, магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская площадь, 6; nguseltsev@gmail.com

Information about the author

Nikita S. Guseltsev, graduate students, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, 125993; nguseltsev@gmail.com

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-151-165

Перфекционизм и перфекционистская самопрезентация в социальных сетях

Анастасия В. Коновалова¹⁵

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, konanavad@gmail.com*

Аннотация. Идеальная жизнь с идеальными оценками, идеальными отношениями и идеальной внешностью – это счастливая жизнь? Стремление к совершенству, безусловно, может побуждать людей устанавливать высокие стандарты для себя, мотивировать их упорно трудиться для достижения целей. Самосовершенствование одним людям дарит удовольствие от занятия любимым делом, от полученных результатов, трудности их только закаляют и стимулируют работать еще усерднее. Другие же на пути к совершенству страдают от изнуряющей самокритики, откладывают и не завершают дела, заболевают депрессией, так и не добившись задуманного, подтверждают мнение о себе как о неудачнике. В многочисленных исследованиях выявлена роль перфекционизма в развитии депрессии, тревожных расстройств, нарушений пищевого поведения, а также как вклада в формирование суицидального риска. Настораживает рост перфекционизма среди молодых людей, в распоряжении которых есть мощный инструмент для самопрезентации в виде социальных сетей.

В данной статье мы представляем современные исследования молодежного перфекционизма и перфекционистской самопрезентации в социальных сетях.

Ключевые слова: перфекционизм, перфекционистская самопрезентация, социальные сети

Для цитирования: Коновалова А.В. Перфекционизм и перфекционистская самопрезентация в социальных сетях // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 2. С. 151–165. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-151-165

¹⁵ © Коновалова А.В., 2020

Perfectionism and perfectionistic self-presentation on social networks

Anastasia V. Konovalova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, konanavad@gmail.com*

Abstract. Is the ideal life with ideal ratings, perfect relationships and ideal appearance really a happy life? The desire for perfection can certainly inspire people to set high standards for themselves, motivate them to work hard to achieve goals. Self-improvement gives to one people pleasure from doing their favorite thing, from the results obtained, difficulties only temper them and motivate them to work even harder. Others on the way to perfection suffer from debilitating self-criticism, delay and do not finish business, fall ill with depression, never achieving the intended, confirming the opinion of themselves as a loser. Numerous studies have identified the role of perfectionism in the development of depression, anxiety disorders, eating disorders, and contributions to the formation of suicidal risk. The rise of perfectionism among young people, who have a powerful tool for self-presentation in the form of social networks, is alarming. In this article we present researches of youth perfectionism and perfectionistic self-presentation in social networks.

Keywords: perfectonism, perfectationist self-presentation, social networks

For citation: Konovalova, A.V. (2020), "Perfectionism and perfectionistic self-presentation on social networks", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no 2, pp. 151-165. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-151-165

Введение

Обсуждение негативного влияния перфекционизма в научной литературе представлено множеством публикаций. В последнее время ученые пытаются сконцентрировать внимание на поиске факторов, формирующих и поддерживающих перфекционизм как устойчивую личностную черту, а также на выявлении положительных и негативных аспектов перфекционизма.

Современные модели перфекционизма представляют его как многомерный конструкт. Некоторые исследователи попытались определить перфекционизм именно так, для того чтобы разграничить позитивных и невротических перфекционистов. Р. Фрост и его коллеги [Frost et al. 1990], например, разработали шестифакторную модель, оценивающую требования, предъявляемые к самому себе,

а также воспринимаемые требования, которые другие предъявляют индивиду (например, высокие родительские ожидания). Ученые начали с предположения, что перфекционизм действительно связан с установлением чрезмерно высоких стандартов, но само по себе наличие жестких стандартов не является проблемой. Для того, чтобы сформировался невротический перфекционизм со всеми негативными последствиями, нужен набор дополнительных факторов. Эти факторы включали: личные стандарты (установление для себя высоких норм и чрезмерное значение, придаваемое этим нормам); озабоченность ошибками (негативная реакция на свои ошибки, интерпретации их как неудач и потери уважения со стороны других людей); переоценка родительских ожиданий (склонность полагать, что родители ставят перед индивидом очень высокие цели и чрезмерно критичны); сомнение в действиях (ощущение, что жизненные проекты не завершены должным образом); организованность (акцент на важности порядка и организации).

Другая группа исследователей предложила иную модель, которая разделяет перфекционизм по его направленности (ориентированный на себя или на других) и вносит социальный компонент [Hewitt, Flett 1991a, pp. 456-470]. В частности, они сосредоточились на трех составляющих перфекционизма: ориентированном на себя, ориентированном на других и социально предписанном перфекционизме. Перфекционизм, ориентированный на себя, предполагает формирование жестких стандартов по отношению к себе. Перфекционизм, ориентированный на других, – наличие нереалистичных стандартов для значимых других, чрезмерно строгую оценку качества их деятельности. Наконец, социально предписанный перфекционизм включает в себя осознанную потребность в достижении стандартов и ожиданий, приписываемых другим людям. Важно исследовать все три аспекта перфекционизма, поскольку каждый из них может быть по-разному связан с дезадаптацией [Hewitt, Flett 1991b, pp. 98-101]. Чувство никчемности и жесткая самокритика, вызванные несоответствием своим внутренним идеальным ожиданиям, а также требованиям, предъявляемым к другим людям, служат благоприятной почвой для формирования депрессивных состояний. Социально предписанный перфекционизм может приводить к суицидальности, формированию расстройств пищевого поведения.

Хамачек с группой исследователей [Hamachek 1978, pp. 27-33] также различают нормальный и невротический перфекционизм. Нормальные перфекционисты – это те, кто стремится к совершенству, при этом их стандарты реалистичны. Допуская ошибки и неточности на пути, они продолжают двигаться вперед. Невротические перфекционисты, которых также называют дезадаптивными

или негативными, при высоких стандартах деятельности чрезмерно критичны в оценке своего поведения и результатов. Для таких людей ошибка становится катастрофой, потому что все, что не идеально, – недостойно существования.

Предполагается также, что перфекционизм связан со стрессом. С одной стороны, перфекционисты чаще испытывают стресс в его различных формах, идентифицируя как стрессовый слишком широкий круг событий. С другой стороны, перфекционисты подвергаются большему количеству стрессовых событий из-за своего нереалистичного подхода к жизни. Кроме того, само перфекционистское поведение может вызвать стресс из-за постоянной фокусировки на негативных аспектах работы и ее результатов [Hewitt, Flett 2002, pp. 255-284]. Также перфекционистское поведение может играть роль посредника, влияя на возникновение и предвосхищение стрессовых событий. Предвосхищающий стресс основан на идее, что, когда люди с нетерпением ожидают событий, которые они оценивают как стрессовые, они начинают испытывать стресс до того, как происходит само событие. Было показано, что перфекционисты особенно склонны к этому типу стресса, поскольку при выраженном беспокойстве в предвкушении стресса они нередко бездействуют, не делая ничего для его предотвращения.

Chang and Rand провели исследование на выборке из 256 студентов колледжа. Они изучали взаимосвязь между различными аспектами перфекционизма и психологическими предикторами депрессии и суицидального поведения. Результаты показали, что именно социально предписанный перфекционизм является предиктором безнадежности и роста суицидальных рисков [Chang, Rand 2000, pp. 129-137]. Хотя стресс может влиять на взаимосвязь между перфекционизмом и психологическими симптомами, он может также влиять и на взаимосвязь между стрессом и механизмами совладания, используемыми для преодоления стресса. Райс и Ван Арсдейл исследовали взаимосвязь между перфекционизмом, воспринимаемым стрессом, употреблением алкоголя как формой копинга и алкоголизмом как болезненным состоянием у студентов колледжа. Студенты были разделены на три группы: дезадаптивные перфекционисты, адаптивные перфекционисты, неперфекционисты. Исследователи предположили, что перфекционисты могут быть более склонны употреблять алкоголь, чтобы справиться со стрессом, или иметь проблемы, связанные с алкоголем. Дезадаптивные перфекционисты сообщали о более высоком уровне стресса, чаще прибегали к алкоголю как к способу решения проблем и чаще страдали от алкогольной зависимости. Неперфекционисты реже прибегали к алкоголю как способу решения проблем даже при высоком уровне стресса. Адаптивные перфекционисты

оказались как наименее зависимыми, так и реже других прибегали к алкоголю как к способу решения проблем [Rice, Van Arsdale 2010, pp. 439-450].

Большинство исследователей понимают под перфекционизмом устойчивую личностную особенность, которая отражается в поведении, эмоциональных переживаниях, способах интерпретации опыта, и предлагают определять перфекционистскую самопрезентацию в контексте межличностного общения, предполагая, что она непосредственно связана с целями и желаниями индивида, проявляющимися при общении с другими людьми [Hewitt et al. 2003, pp. 1303-1325]. То есть перфекционистская самопрезентация – это манера взаимодействия с другими людьми, целью которой является представление себя в выигрышном свете [Baumeister, Leary 1995, p. 497]. Кроме того, перфекционистская самопрезентация – это форма самопрезентации, когда желание представить себя в лучшем свете становится дезадаптивным.

Предполагается, что перфекционистская самопрезентация также связана с индивидуальными возможностями самоконтроля [Hewitt et al. 2003, pp. 1303-1325].

Высокий самоконтроль, целью которого является управление впечатлениями других людей, заставляет человека быть очень внимательным к ситуациям социального взаимодействия, постоянно менять собственное поведение и пытаться управлять реакциями других людей [Snyder 1974, p. 30, pp. 526-537]. Перфекционисты озабочены тем, как их воспринимают другие, они также демонстрируют высокий уровень самоконтроля, необходимого, чтобы произвести благоприятное впечатление.

Хьюитт и его коллеги (2003) утверждали, что перфекционистская самопрезентация – это дезадаптивная форма самопрезентации, имеющая три компонента, каждый из которых представляет собой отдельный элемент конструкции. Они включают в себя демонстрацию совершенства, поведенческое непрявление несовершенства, вербальное непрявление несовершенства. Первый выражается в провозглашении и демонстрации своего совершенства. Стремясь завоевать уважение и вызвать восхищение окружающих, перфекционисты предъявляют другим идеальную версию себя. Перфекционист демонстрирует себя умным, образованным, компетентным, щедрым, нравственным и абсолютно успешным во всех аспектах жизни. Поведенческое непрявление несовершенства – это попытка помешать другим видеть, что индивид ведет себя каким-либо «менее совершенным» образом. Люди, демонстрирующие высокий уровень этого вида перфекционистской самопрезентации, склонны избегать ситуаций, когда их поведение будет тщательно изучаться другими, а их недостатки, ошибки или неудачи могут стать обще-

известны. Вербальное не проявление несовершенства – избегание ситуации межличностного общения, где прямо или косвенно могут затрагиваться темы, выявляющие недостаточную компетентность перфекциониста, также он не допускает возникновения ситуации обсуждения его ошибок и неточностей.

Хотя перфекционизм как личностная особенность и перфекционистская самопрезентация являются различными феноменами, три разновидности перфекционизма (социально предписанный перфекционизм, самоориентированный перфекционизм и перфекционизм, ориентированный на других) соответствуют трем видам перфекционистской самопрезентации. В частности, социально предписанный перфекционизм и перфекционизм, ориентированный на себя, тесно связаны с демонстрацией совершенства и поведенческим не проявлением несовершенства. Вербальное не проявление несовершенства – с социально предписанным перфекционизмом, т.е. нежелание раскрывать личные ошибки может быть вызвано представлением о том, что другие люди очень критичны и требуют совершенства от окружающих [Hewitt et al. 2003, pp. 1303-1325].

Перфекционизм, перфекционистская самопрезентация и связанные с ними результаты.

В ряде эмпирических исследований авторы изучали взаимосвязь проявлений психологического неблагополучия, перфекционизма как характерологической черты и перфекционистской самопрезентации. На примере депрессии [MacKinnon, Sherry 2012, pp. 22-28], тревожных расстройств [Hewitt et al. 2003, pp. 1320-1325] и суицидального поведения [Roxborough et al. 2012, pp. 217-233] можно с уверенностью говорить о том, что перфекционистская самопрезентация связана с невротическим перфекционизмом и его негативными последствиями.

В лонгитюдном исследовании Маккиннон и Шерри [MacKinnon, Sherry 2012, pp. 22-28] рассматривали перфекционистскую самопрезентацию как посредника между субъективным благополучием и перфекционистскими опасениями. Под субъективным благополучием понималось воспринимаемое качество жизни, которое строится на основании опыта индивида, его когнитивных представлений и эмоциональных оценок событий. Собственно, авторы предполагали исследовать, есть ли связь между когнитивной, эмоциональной переработкой опыта и перфекционизмом и перфекционистской самопрезентацией, а если связь присутствует, то какую природу она имеет. Задавая эти вопросы, Маккиннон и Шерри (2012) обнаружили различия между позитивной и негативной формами перфекционизма. Было выделено два аспекта

перфекционизма: перфекционистские опасения и перфекционистские цели. Перфекционистские опасения – это сомнения в личных способностях, беспокойство по поводу ошибок и критики, а также сильные негативные реакции на неудачу. Перфекционистские цели связаны с более позитивными проявлениями перфекционизма, их можно определить как предъявление жестких требований к себе (перфекционизм, ориентированный на себя).

Исследователи выдвинули предположение, что перфекционистские опасения будут влиять на субъективное благополучие через перфекционистскую самопрезентацию. В то же время предполагалось, что перфекционистские цели не окажут воздействие на долгосрочные изменения в субъективном благополучии и не будут связаны с перфекционистской самопрезентацией при условии низкого уровня перфекционистских опасений. Оба предположения подтвердились. Кроме того, исследователи установили, что, когда компоненты субъективного благополучия анализировались отдельно, перфекционистская самопрезентация в качестве медиатора зависела от преобладания негативных или положительных эмоций, но не от степени удовлетворенности жизнью.

В другом исследовании внимание авторов было сконцентрировано на изучении самооценки и стресса, а также их связи с перфекционизмом и перфекционистской самопрезентацией [Hewitt et al. 2003]. Эта группа утверждала, что самооценка частично базируется на потребности нравиться другим людям и поэтому должна быть связана с перфекционистской самопрезентацией. Поскольку перфекционистская самопрезентация является дезадаптивным стилем, исследователи предсказали, что она будет связана с такими показателями дистресса, как депрессия и тревога. Демонстрация совершенства оказалась отрицательно связана с такими аспектами самооценки, как вера в свою компетентность, общим показателем самооценки и положительно связана с уровнем депрессии. Поведенческое и вербальное не проявление несовершенства отрицательно коррелировало с самооценкой, но положительно с депрессивной и тревожной симптоматикой. Стоит также упомянуть исследование, посвященное изучению взаимосвязи между перфекционистской самопрезентацией, социально предписанным перфекционизмом и суицидальным поведением [Roxborough et al. 2012, pp. 217-233]. Авторы сосредоточились на изучении межличностных компонентов перфекционизма и предположили, что социально предписанный перфекционизм и три аспекта перфекционистской самопрезентации порождают множество межличностных проблем, которые могут быть связаны с травлей и социальной изоляцией. Социальная отчужденность, в свою очередь, опосредует связь между перфекционизмом и его негативными исходами такими, как

самоубийство. Ученые стремились выяснить, есть ли аналогичная закономерность, применимая к перфекционистской самопрезентации. Исследование проводилось на 152 детях и подростках, которые находились под амбулаторным наблюдением врача-психиатра по поводу суицидального поведения. Результаты подтвердили, что перфекционистская самопрезентация и социально предписанный перфекционизм были связаны с суицидальным поведением, а социально предписанный перфекционизм обнаружил сильную связь с социальной изоляцией и опытом буллинга. Связь между перфекционистской самопрезентацией, в особенности с поведенческим непрявлением несовершенства и суицидальными исходами была опосредована опытом буллинга. Наконец, связь между всеми межличностными компонентами перфекционизма и риском самоубийства была опосредована социальной изоляцией. Все вышперечисленные исследования, касающиеся перфекционизма и перфекционистской самопрезентации, демонстрируют важность изучения этих тем, поскольку они вызывают серьезные психологические последствия.

Важно отметить следующее: поскольку перфекционист стремится быть идеальным, обнаружить его страдание бывает крайне непросто. Так, например, Блатт исследовал жизнь трех людей, страдавших невротическим перфекционизмом. Все они демонстрировали величие снаружи, при этом их внутренний мир был полон мрачной самокритикой, низкой самооценкой и руминациями. Автор показал, что в рассказах Винсента Фостера, Аласдера Клейра и Денни Хансена представлена типичная картина жизни талантливых, честолюбивых и успешных личностей, движимых интенсивной потребностью в совершенстве и страдающих от непродуктивного самоанализа, неуверенности в себе и самокритики [Blatt 1995, pp. 1003-1020]

Facebook, Instagram и Twitter – платформы для самопрезентации с помощью текста, фото, видео. [Utz et al. 2012, pp. 37-42]. По состоянию на январь 2016 г. число пользователей Facebook достигло более 1,2 миллиарда человек, причем около 750 миллионов из них ежедневно посещают сайт социальных сетей [Protalinski 2016]. В конце 2015 г. насчитывалось 400 миллионов ежемесячно активных пользователей Instagram и 304 миллиона ежемесячно активных пользователей Twitter. Эти статистические данные служат одним из примеров того, насколько популярными стали социальные медиа.

В обычной жизни даже при высоком уровне самоконтроля люди периодически оказываются не в состоянии отслеживать все нюансы своего поведения и межличностного взаимодействия. В социальных сетях эта проблема исчезает. Коммуникация полностью

контролируется и настраивается пользователем [Valkenburg et al. 2006, pp. 584-590]. Любой пользователь социальных сетей лавирует между желанием представить себя в лучшем свете и попытками сохранить свою идентичность [Ellison et al. 2006, pp. 415-441]. У перфекционистов и людей с выраженной перфекционистской самопрезентацией постоянный выбор между двумя разными «версиями себя» проходит более напряженно.

Хотя психологи уделяли внимание поведению людей в социальных сетях, они редко рассматривали именно перфекционистскую самопрезентацию. Например, Casale, Gioravanti, Flett and Hewitt сосредоточились на поведенческой недемонстрации несовершенства в социальных сетях. Оказалось, что лица с этим типом самопрезентации предпочитают чаты и форумы вербальному общению (в том числе в сети) в силу понятных причин: легкости контроля, возможности редактирования и удаления сообщений.

В следующем исследовании была изучена взаимосвязь между использованием Facebook и благополучием студентов колледжа [Kalpidou et al. 2011, pp. 183-189]. 70 студентов-старшекурсников отчитывались о времени, проведенном на сайте, количестве друзей там, эмоциональной и социальной связи, а также адаптации к процессу обучения в колледже. Ученые обнаружили, что большое количество друзей в Facebook коррелировало с низкой адаптацией к процессу обучения в колледже и социальной адаптацией, что таким образом влияло на психологическое благополучие студентов.

Thomas Curran и Andrew Hill утверждают, что социальные сети обеспечивают молодых людей инструментом для перфекционистской самопрезентации. Instagram – одна из самых крупных и популярных социальных сетей, которая по состоянию на июнь 2018 г. имеет более 1 миллиарда ежемесячно возвращающихся пользователей. Согласно недавнему опросу под названием #StatusOfMind, в котором приняли участие почти 1500 респондентов молодого возраста, Instagram – это худшая социальная сеть для психического здоровья и благополучия. Платформа была связана с высоким уровнем тревоги, буллингом и FOMO (страх пропустить новости в ленте). Snapchat рассматривается в качестве второй худшей социальной сети, влияющей на психическое здоровье, за которой следует Facebook, занимающий третье место. Это, прежде всего, визуальные платформы, и кажется, что форма передачи информации является причиной чувства неадекватности и беспокойства у молодых людей. В отчете #StatusOfMind говорится: «Видя друзей постоянно в отпуске или в ночных клубах, молодые люди могут чувствовать, что они упускают что-то, в то время как другие наслаждаются жизнью». Это порождает волну самокритики и формирует риск негативных последствий перфекционизма и пер-

фекционистской самопрезентации. Молодых людей радикально не устраивает то, кем они являются на самом деле, и они тратят значительное время на создание идеального публичного образа [Mendelson, Papacharissi 2011, pp. 251-273]. Просмотр социальных сетей сейчас занимает в среднем по две минуты из каждых пяти, проведенных в интернете [GlobalWebIndex 2016]. Воздействие социальных сетей не столько облегчает самопрезентацию и снижает социальную тревогу, сколько усиливает проблемы с самооценкой и повышает чувство отчуждения [Paik, Sanchagrin 2013, pp. 339-360].

Однако не стоит обвинять социальные сети во всех проблемах современных молодых людей. Прежде всего сеть – это чувствительный инструмент социокультурных процессов в обществе. Например, недавние исследования характерологических особенностей студентов колледжей в США показали более высокий уровень нарциссизма, экстраверсии и неуверенности в себе, чем у предыдущих поколений [Twenge 2001, pp. 735-748; Twenge et al. 2012, pp. 409-427; Twenge et al. 2008, pp. 875-902]. При этом современные студенты проявляют меньше сочувствия к людям и чаще обвиняют других, когда что-то идет не так [Konrath et al. 2011, pp. 180-198; Malahy et al. 2009, pp. 369-383; Twenge et al. 2012, pp. 409-427]. Молодые люди все больше используют индивидуальные формы работы, нацелены на получение индивидуальных результатов и предпочитают работу развлечениям [Twenge 2014]. Можно предположить, что люди в промышленно развитых странах стали более озабочены социальным сравнением, испытывают значительную тревогу в отношении собственного социального статуса и зачастую используют материальные блага как средства измерения успеха [Marmot 2004, pp. 150-154; Scott et al. 2014, pp. 282-290]. Преобладание материализма особенно очевидно в поведении молодежи. Так, например, о богатстве как главной жизненной ценности сообщали 63% молодых американцев в 1960-1970 гг., 81% – в 1980-х гг., 92% – в 1990-2000 гг. [Pew Research Center 2007].

Сложные социокультурные процессы в современном обществе влекут за собой изменения на интерперсональном и индивидуальном уровнях. Перемены в глобальной политико-экономической парадигме приводят к появлению новых приоритетов, ценностей, отражаются на содержательных и формальных аспектах межличностного общения, поддерживаются СМИ и способствуют деформации конкретных личностей. Особенно уязвимыми оказываются молодые люди, чья система ценностей, личность находятся на этапе формирования и поэтому неустойчивы. Рост перфекционизма в молодежной среде неизбежно приводит к увеличению числа как позитивных перфекционистов, преодолевающих трудности, так и невротических, подверженных риску аффективных расстройств,

повышающих уровень психического нездоровья в популяции и транслирующих неадаптивное поведение. Перфекционистская самопрезентация является одной из форм поведения, характерных для любого из нас, однако именно в силу социокультурных изменений мы создали и развиваем инструмент, который позволяет эксплуатировать это поведение и, в свою очередь, поддерживает рост перфекционизма со всеми его негативными последствиями.

Литература

Baumeister, Leary 1995 – *Baumeister R.F., Leary M.R.* The need to belong: desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation // *Psychological bulletin*. 1995. Vol. 117(3). 497 p.

Blatt 1995 – *Blatt S.J.* The destructiveness of perfectionism: Implications for the treatment of depression // *American Psychologist*. 1995. Vol. 50. no. 12. P. 1003–1020.

Chang, Rand 2000 – *Chang E.C., Rand K.* Perfectionism as a predictor of subsequent adjustment: Evidence for a specific diathesis-stress mechanisms among college students // *Journal of Counseling Psychology*. 2000. Vol. 47. no. 1. P. 129–137.

Ellison et al. 2006 – *Ellison N., Heino R., Gibbs J.* Managing impressions online: Self-presentation processes in the online dating environment // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2006. Vol. 11. no. 2. P. 415–441.

GlobalWebIndex 2016 – *GlobalWebIndex*. GWI Social: GlobalWebIndex's quarterly report on the latest trends in social networking. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://blog.globalwebindex.net/chart-of-the-day/social-media-captures-30-of-online-time/> (дата обращения 6 мар. 2020).

Hamachek 1978 – *Hamachek D.E.* Psychodynamics of normal and neurotic perfectionism. *Psychology* // *A Journal of Human Behavior*. 1978. Vol. 15. P. 27–33.

Hewitt, Flett 1991a – *Hewitt P.L., Flett G.L.* Perfectionism in the self and social contexts: Conceptualization, assessment, and association with psychopathology // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. Vol. 60. no. 3. P. 456–470.

Hewitt, Flett 1991b – *Hewitt P.L., Flett G.L.* Dimensions of perfectionism in unipolar depression // *Journal of Abnormal Psychology*. 1991. Vol. 100. no. 1. P. 98–101.

Hewitt, Flett 2002 – *Hewitt P.L., Flett G.L.* Perfectionism and stress processes in psychopathology // *Perfectionism: Theory, research, and treatment* / Ed. by G.L. Flett, P.L. Hewitt. Washington, DC: American Psychological Association, 2002. P. 255–284.

Hewitt et al. 2003 – *Hewitt P.L., Flett G.L., Sherry S.B., Habke M., Parkin M., Lam R.W., McMurtry B., Ediger E., Fairlie P. and Stein M.B.* The interpersonal expression of perfectionistic self-presentation and psychological distress // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. Vol. 84. no. 6. P. 1303–1325.

Kalpidou et al. 2011 – *Kalpidou M., Costin D., Morris J.* The Relationship Between Facebook and the Well-Being of Undergraduate College Students // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2011. Vol. 14. no. 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/3c05/f9a8b28a21dab0e2946d990ce1985c46237.pdf> (дата обращения 16 мар. 2020).

Konrath et al. 2011 – *Konrath S.H., O'Brien E.H., Hsing C.* Changes in dispositional empathy in American college students over time: A meta-analysis // *Personality and*

Social Psychology Review. 2011. Vol. 15(2). [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.1177/1088868310377395> (дата обращения 16 мар. 2020).

Mackinnon, Sherry 2012 – *Mackinnon S.P., Sherry S.B.* Perfectionistic self-presentation mediates the relationship between perfectionistic concerns and subjective well-being: A three-wave longitudinal study // *Personality and Individual Differences*. 2012. Vol. 53. no. 1. P. 22–28.

Malahy et al. 2009 – *Malahy L.W., Rubinlicht M.A., Kaiser C.R.* Justifying inequality: A cross-temporal investigation of US income disparities and just-world beliefs from 1973 to 2006 // *Social Justice Research*. 2009. Vol. 22. [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.1007/s11211-009-0103-6> (дата обращения 13 мар. 2020).

Marmot 2004 – *Marmot M.* Status syndrome // *Significance*. 2004. Vol. 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1740-9713.2004.00058.x> (дата обращения 13 мар. 2020).

Mendelson, Papacharissi 2011 – *Mendelson A.L., Papacharissi Z.* Look at us: Collective narcissism in college student Facebook photo galleries // *The networked self: Identity, community and culture on social network sites* / Ed. by Z. Papacharissi. London, UK: Routledge, 2011. P. 251–273.

Paik, Sanchagrin 2013 – *Paik A., Sanchagrin K.* Social Isolation in America: An Artifact // *American Sociological Review*. 2013. Vol. 78. no. 3. P. 339–360.

Pew Research Center 2007 – *Pew Research Center.* How young people view their lives, futures and politics: A portrait of “Generation Next”. [Электронный ресурс]. URL: <http://people-press.org/report/300/a-portrait-of-generation-next> (дата обращения 13 мар. 2020).

Rice, Van Arsdale 2010 – *Rice K.G., Van Arsdale A.C.* Perfectionism, perceived stress, drinking to cope, and alcohol-related problems among college students // *Journal of Counseling Psychology*. 2010. Vol. 57. no. 4. P. 439–450.

Roxborough et al. 2012 – *Roxborough H.M., Hewitt P.L., Kaldas J., Flett G.L., Caelian C.M., Sherry S., Sherry D.L.* Perfectionistic self-presentation, socially prescribed perfectionism, and suicide in youth: A test of the perfectionism social disconnection model / *Suicide and Life-Threatening Behavior*. 2012. Vol. 42. no. 2. P. 217–233.

Scott et al. 2014 – *Scott K., Martin D.M., Schouten J.W.* Marketing and the new materialism // *Journal of Macromarketing*. 2014. Vol. 34. [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.1177/0276146714532471> (дата обращения 13 мар. 2020).

Snyder 1974 – *Snyder M.* Self-monitoring of expressive behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 30(4). P. 526–537

Twenge 2001 – *Twenge J.M.* Birth cohort changes in extraversion: A cross-temporal meta-analysis, 1966–1993 // *Personality and Individual Differences*. 2001. Vol. 30(5). [Электронный ресурс]. URL: [http://dx.doi.org/10.1016/S0191-8869\(00\)00066-0](http://dx.doi.org/10.1016/S0191-8869(00)00066-0) (дата обращения 16 мар. 2020).

Twenge 2014 – *Twenge J.M.* Generation me: Why today’s young Americans are more confident, assertive, entitled and more miserable than ever before. 2nd ed. New York, NY: Atria, 2014.

Twenge et al. 2012 – *Twenge J.M., Campbell W.K., Gentile B.* Generational increases in agentic self-evaluations among American college students, 1966–2009 // *Self and Identity*. Vol. 11. [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/15298868.2011.576820> (дата обращения 16 мар. 2020).

Twenge et al. 2008 – *Twenge J.M., Konrath S., Foster J.D., Campbell W.K., Bushman B.J.* Egos inflating over time: A cross-temporal meta-analysis of the Narcissistic Personality Inventory // *Journal of Personality*. 2008. Vol. 76. [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1467-6494.2008.00507.x> (дата обращения 16 мар. 2020).

Utz et al. 2012 – *Utz S., Tanis M., Vermeulen I.E.* It is all about being popular: The effects of need for popularity on social network site use // *Cyberpsychology, behavior, and social networking*. 2012. Vol. 15. no. 1. P. 37–42.

Valkenburg et al. 2006 – *Valkenburg P.M., Peter J., Schouten A.P.* Friend networking sites and their relationship to adolescents' well-being and social self-esteem // *CyberPsychology & Behavior*. 2006. Vol. 9. no. 5. P. 584–590.

References

Baumeister, R.F. and Leary, M.R. (1995), “The need to belong: desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation”, *Psychological bulletin*, vol. 117(3), 497 p.

Blatt, S.J. (1995), “The destructiveness of perfectionism: Implications for the treatment of depression”, *American Psychologist*, vol. 50, no. 12, pp. 1003–1020.

Chang, E.C. and Rand, K. (2000), “Perfectionism as a predictor of subsequent adjustment: Evidence for a specific diathesis-stress mechanisms among college students”, *Journal of Counseling Psychology*, vol. 47, no. 1, pp. 129–137.

Ellison, N., Heino, R. and Gibbs, J. (2006), “Managing impressions online: Self-presentation processes in the online dating environment”, *Journal of Computer-Mediated Communication*, vol. 11, no. 2, pp. 415–441.

GlobalWebIndex (2016), “GWI Social: GlobalWebIndex’s quarterly report on the latest trends in social networking”, [online], available at: <http://blog.globalwebindex.net/chart-of-the-day/social-media-captures-30-of-online-time/> (Accessed 6 Mar. 2020).

Hamachek, D.E. (1978), “Psychodynamics of normal and neurotic perfectionism. Psychology”, *A Journal of Human Behavior*, vol. 15, pp. 27–33.

Hewitt, P.L. and Flett, G.L. (1991a), “Perfectionism in the self and social contexts: Conceptualization, assessment, and association with psychopathology”, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 60, no. 3, pp. 456–470.

Hewitt, P.L. and Flett, G.L. (1991b), “Dimensions of perfectionism in unipolar depression”, *Journal of Abnormal Psychology*, vol. 100, no. 1, pp. 98–101.

Hewitt, P.L. and Flett, G.L. (2002), “Perfectionism and stress processes in psychopathology”, in Flett, G.L. and Hewitt, P.L. (ed.), *Perfectionism: Theory, research, and treatment*, American Psychological Association, Washington, DC, USA, pp. 255–284.

Hewitt, P.L., Flett, G.L., Sherry, S.B., Habke, M., Parkin, M., Lam, R.W., McMurtry, B., Ediger, E., Fairlie, P. and Stein, M.B. (2003), “The interpersonal expression of perfectionistic self-presentation and psychological distress”, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 84, no. 6, pp. 1303–1325.

Kalpidou, M., Costin, D. and Morris, J. (2011), “The Relationship Between Facebook and the Well-Being of Undergraduate College Students”, *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, vol. 14, no. 4, [online], available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/3c05/f9a8b28a21dabd0e2946d990ce1985c46237.pdf> (Accessed 16 Mar. 2020).

- Konrath, S.H., O'Brien, E.H. and Hsing, C. (2011), "Changes in dispositional empathy in American college students over time: A meta-analysis", *Personality and Social Psychology Review*, vol. 15(2), [online], available at: <http://dx.doi.org/10.1177/1088868310377395> (Accessed 16 Mar. 2020).
- Mackinnon, S.P. and Sherry, S.B. (2012), "Perfectionistic self-presentation mediates the relationship between perfectionistic concerns and subjective well-being: A three-wave longitudinal study", *Personality and Individual Differences*, vol. 53, no. 1, pp. 22–28.
- Malahy, L.W., Rubinlicht, M.A. and Kaiser, C.R. (2009), "Justifying inequality: A cross-temporal investigation of US income disparities and just-world beliefs from 1973 to 2006", *Social Justice Research*, vol. 22, [online], available at: <http://dx.doi.org/10.1007/s11211-009-0103-6> (Accessed 13 Mar. 2020).
- Marmot, M. (2004), "Status syndrome", *Significance*, vol. 1, [online], available at: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1740-9713.2004.00058.x> (Accessed 13 Mar. 2020).
- Mendelson, A.L. and Papacharissi, Z. (2011), "Look at us: Collective narcissism in college student Facebook photo galleries", in Papacharissi, Z. (ed.), *The networked self: Identity, community and culture on social network sites*, Routledge, London, UK, pp. 251–273.
- Paik, A. and Sanchagrin, K. (2013), "Social Isolation in America: An Artifact", *American Sociological Review*, vol. 78, no. 3, pp. 339–360.
- Pew Research Center (2007), "How young people view their lives, futures and politics: A portrait of "Generation Next", [online], available at: <http://people-press.org/report/300/a-portrait-of-generation-next> (Accessed 13 Mar. 2020).
- Rice, K.G. and Van Arsdale, A.C. (2010), "Perfectionism, perceived stress, drinking to cope, and alcohol-related problems among college students", *Journal of Counseling Psychology*, vol. 57, no. 4, pp. 439–450.
- Roxborough, H.M., Hewitt, P.L., Kaldas, J., Flett, G.L., Caelian, C.M., Sherry, S. and Sherry, D.L. (2012), "Perfectionistic self-presentation, socially prescribed perfectionism, and suicide in youth: A test of the perfectionism social disconnection model", *Suicide and Life-Threatening Behavior*, vol. 42, no. 2, pp. 217–233.
- Scott, K., Martin, D.M. and Schouten, J.W. (2014), "Marketing and the new materialism", *Journal of Macromarketing*, vol. 34, [online], available at: <http://dx.doi.org/10.1177/0276146714532471> (Accessed 13 Mar. 2020).
- Snyder, M. (1974), "Self-monitoring of expressive behavior", *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 30, pp. 526–537.
- Twenge, J.M. (2001a), "Birth cohort changes in extraversion: A cross-temporal meta-analysis, 1966–1993", *Personality and Individual Differences*, vol. 30, [online], available at: [http://dx.doi.org/10.1016/S0191-8869\(00\)00066-0](http://dx.doi.org/10.1016/S0191-8869(00)00066-0) (Accessed 16 Mar. 2020).
- Twenge, J.M. (2014), *Generation me: Why today's young Americans are more confident, assertive, entitled and more miserable than ever before*, 2nd ed., Atria, New York, USA.
- Twenge, J.M., Campbell, W.K. and Gentile, B. (2012), "Generational increases in agentic self-evaluations among American college students, 1966–2009", *Self and Identity*, vol. 11, [online], available at: <http://dx.doi.org/10.1080/15298868.2011.576820> (Accessed 16 Mar. 2020).
- Twenge, J.M., Konrath, S., Foster, J.D., Campbell, W.K. and Bushman, B.J. (2008), "Egos inflating over time: A cross-temporal meta-analysis of the Narcissistic Personality Inventory", *Journal of Personality*, vol. 76, [online], available at: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1467-6494.2008.00507.x> (Accessed 16 Mar. 2020).

Utz, S., Tanis, M. and Vermeulen, I.E. (2012), "It is all about being popular: The effects of need for popularity on social network site use", *Cyberpsychology, behavior, and social networking*, vol. 15, no. 1, pp. 37–42.

Valkenburg, P.M., Peter, J. and Schouten, A.P. (2006), "Friend networking sites and their relationship to adolescents' well-being and social self-esteem", *CyberPsychology & Behavior*, vol. 9, no. 5, pp. 584–590.

Информация об авторе

Анастасия В. Коновалова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; *konanavad@gmail.com*

Information about the author

Anastasia V. Konovalova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; *konanavad@gmail.com*

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
И.В. Попова

Компьютерная верстка
В.С. Гусельцева

Оригинал-макет подготовлен
в Институте психологии
им. Л.С. Выготского РГГУ

Подписано в печать 15.06.2020.
Формат 60x90\16.
Уч.-изд. л. 11,0. Усл. печ.л. 10,5.
Тираж 1050 экз.

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru